

Все скандинавская мифия

Лиза Марклунд

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

роман

«Полярный круг» —
захватывающий
психологический
триллер, лучшая книга
Лизы Марклунд, изданная
за последние годы.

Verdens Gang, Норвегия

Лиза Марклунд — единственная
писательница Скандинавии,
которая возглавила топ-лист
авторов бестселлеров по рейтингу
газеты «New York Times».

Dagens Nyheter, Швеция

18+

Annotation

Действие разворачивается в маленьком городке на самом севере Швеции. Пять юных девушек встречаются в читательском клубе, обсуждая любимые книги. Однако напряжение нарастает, ведь все девушки влюблены в одного парня по имени Викинг. После очередного конфликта одна из них бесследно исчезает. Сорок лет спустя ее находят убитой, а четыре женщины вновь собираются вместе.

«Полярный круг» (2021) – новый роман известной шведской писательницы Лизы Марклунд, написанный в жанре психологического детектива.

Лиза Марклунд (р. 1962) прославилась серией детективов о журналистке Аннике Бенгтзон. Они были переведены на тридцать языков и разошлись миллионными тиражами. На русском языке выходили романы «Последняя воля Нобеля», «Место под солнцем», «Красная волчица», «Прайм-тайм» и другие. В 2010 году Лиза Марклунд вместе с американским писателем Джеймсом Паттерсоном написала роман «Убийцы по открыткам», возглавивший список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». В 2020 году, во время пандемии, Марклунд начала писать трилогию, первую книгу которой – «Полярный круг» – вы держите в руках.

На русском языке публикуется впервые.

-
- [Лиза Марклунд](#)
 - [20 декабря 2019, пятница](#)
 - [Владимир Набоков «Лолита». Выбор Карины Бюрстранд. 18 апреля 1980 года, пятница](#)
 - [20 декабря 2019, пятница](#)
 - [Алекс Хейли «Корни». Выбор Сусанны Юханссон. 2 мая 1980 года, пятница](#)
 - [21 декабря 2019, суббота](#)
 - [Шёваль и Валё «Убийца полицейских». Выбор Биргитты Ландён. 6 июня 1980 года, пятница](#)

- [22 декабря 2019, воскресенье](#)
- [Полярный круг](#)
- [Марк Твен «Приключения Тома Сойера». Выбор Агнеты Мякитало. 4 июля 1980 года, пятница](#)
- [23 декабря 2019, понедельник](#)
- [«Поющие в терновнике». Колин Маккалоу. Выбор Софии Хельстен. 1 августа 1980 года, пятница](#)
- [25 декабря 2019, среда](#)
- [Благодарность автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
-

Лиза Марклунд Полярный круг

© Liza Marklund, 2021

© Ю. Колесова, перевод на русский язык, 2022

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2022

20 декабря 2019, пятница

Труп обнаружили в один из самых коротких дней года, тех призрачных дней, когда солнце покинуло людей, живущих у полярного круга, и едва заботится о том, чтобы дать им хоть немного света. Тело лежало в фундаменте моста, ведущего через Питеэльвен в сторону ракетной базы, – обнаженное и обезглавленное.

Это была девочка или, возможно, девушка – кто может определенно сказать, где проходит граница? В момент наступления совершеннолетия? Как бы то ни было, все сразу поняли, кому, вне всяких сомнений, однажды принадлежало это тело.

Ее звали София Хельстен, и ей не исполнилось восемнадцати. Стало быть, девочка.

Дочь тогдашнего главы муниципалитета Хильдинга Хельстена пропала, возвращаясь из библиотеки во второй половине летнего грозового дня 1980 года, почти сорока годами ранее. Ее холщовый школьный мешок с книгами обнаружили в канаве неподалеку от Гранселя через несколько дней, но сама она бесследно исчезла. Вплоть до этого декабрьского дня с его свинцовым небом, когда мир стал непрозрачным и начисто лишенным красок. Ее школьная сумка, одежда и бумажник лежали там, где должна была бы находиться голова.

Все могли бы испытать чувство коллективного облегчения, разом перевести дух. Пустота, возникшая после исчезновения Софии Хельстен почти на четыре десятилетия, оставалась в поселке зияющей раной, которая могла затянуться только в одном случае – если девочку найдут и выяснится правда. По этому поводу все были единодушны. Но теперь все вышло не так, и это объяснялось тем, в каком состоянии ее обнаружили. Безграничное горе и неприкрытая ярость сквозили между строк в сообщениях СМИ об этом событии. Даже Шведское телевидение прислало из Стокгольма свою съемочную группу, чтобы обеспечить качество съемки и звука.

Находка в фундаменте моста глубоко потрясла тех четырех женщин, которые когда-то вместе с Софией Хельстен входили в читательский клуб «Полярный круг». Это событие привело в движение

силы, которые десятилетиями старательно сдерживались, взорвало повседневную жизнь, которая, вероятно, никогда и не была по-настоящему гармоничной.

Некоторые сказали бы, что все началось с Викинга Стормберга – одноклассника, в которого некоторые из девочек были влюблены.

Другие указали бы на классовые различия, на то, что девочки происходили из очень разных семей.

Хотя вопрос в том, не началось ли все на самом деле с «Лолиты».

Владимир Набоков «Лолита». Выбор Карины Бюрстранд. 18 апреля 1980 года, пятница

Апрель, самый капризный из всех месяцев.

Ниже по течению реки погоду можно было бы охарактеризовать как неустойчивую, словно корова на трех ногах: эйфорические солнечные и теплые дни, сулящие вечность, ледяные штормовые ночи, приносящие с собой град и уныние.

Утро той пятницы выдалось серое, с горьким привкусом сырости в воздухе.

Время расставания, время тревоги.

* * *

Ступеньки крыльца были покрыты сантиметровым слоем прозрачной наледи – такой, какую и не заметишь, пока не бахнешься об нее копчиком. Прищурившись, Карина отметила, что и тротуар в таком же состоянии, но на улице чуть подалее ей почудилась неровная светло-коричневая полоса песка. Она сделала шаг назад, чтобы взять разбег, и прыгнула. Школьная сумка больно ударила ее по спине, Карина поскользнулась и растянулась во весь рост. Один из муниципальных мусоровозов, зло гудя, проехал совсем близко. Карина показала средний палец его открытому заднему люку. Поднялась, потирая ягодицу – недооценила рикошетный удар сумки. В ней полно библиотечных книг: сегодня последний срок возврата. Два паренька из средних классов прошли мимо по другой стороне улицы, смеясь и показывая на нее пальцами – как смешно, ха-ха. Она послала им воздушный поцелуй. Идиоты.

Карина осторожно двинулась в сторону улицы Кварндаммсвеген. При каждом шаге левой ногой ремень сумки врезался в шею. Это неприятное чувство смешивалось с другими телесными ощущениями: тяжесть в паху от предстоящих месячных, боль в ушибленной ягодице,

посасывание под ложечкой. В кладовке лежали лепешки, а в холодильнике стоял кефир, но ей дико не хотелось есть вместе с Ульрикой.

– Черт, ну и синяк у тебя будет!

Сердце заколотилось, застучало в горле, когда Викинг Стормберг прокатился мимо нее по льду тротуара, раскинув руки, словно на скейте, чтобы удержаться равновесие, и широко улыбаясь. У нее перехватило дыхание, она мотнула волосами и почувствовала, что у нее замерзли уши – они покраснели? Не забыла ли она накраситься?

– Как мило с твоей стороны заботиться о моей заднице.

– Послушай, Бенни сегодня не ночевал дома, да?

Она сглотнула и пожала плечами.

– Думаешь, мы с ним спим в одной постели? Инцест – хорошее развлечение в кругу семьи.

Она ускорила шаг, стараясь успевать за Викингом, но от этого боль стала еще нестерпимее.

– Папа и Ларс-Ивар забрали его вчера у *Swampen*, мы с Кристером видели.

В очередной раз оттолкнувшись, Викинг укатил вперед по обледеневшей улице. С ярко-красной шапочкой на голове он напоминал семафорный столб. Очертания его фигуры удалялись, и вот он почти исчез из виду, превратившись в мутный четырехугольник на сером фоне.

Ну что ж. Значит, ее бестолковый старший братец, по крайней мере, жив. Папаша Викинга – шеф полиции в Стентрэске, он и раньше не раз запирали Бенни в камере в полицейском участке, чтобы тот проспался.

Расплывчатая фигура Викинга остановилась возле автобусной остановки и заговорила с другими такими же неясными очертаниями, до Карины долетал их смех. Она знала, что ей пора заказать себе очки – теперь она может прочесть на освещенной таблице в кабинете медсестры только три верхние строчки. Таблица висит на том же месте с одними и теми же буквами еще с тех пор, как Карина пошла в первый класс и могла прочесть самую нижнюю строчку:

Б К Ш Н И К Ы В И К

Уже во втором классе она помнила их наизусть, а в третьем, когда она уже не могла их разглядеть, они отчеканились в памяти, словно

высеченные на камне. Но книги она по-прежнему может читать, вблизи она все прекрасно видит, никаких проблем. А видеть, что там на доске, ей и не нужно, она и так прекрасно запоминает то, что говорят учителя.

– У тебя прекрасные оценки, – сказала консультант по профориентации на обязательном собеседовании в девятом классе. – Если ты закончишь трехгодичный курс гимназии^[1], то сможешь потом учиться дальше. Мне кажется, общественные науки тебе бы подошли.

Словно какая-то старая тетка в синтетическом шарфике, страдающая недержанием мочи, может знать, что ей подходит, а что нет!

– Меня вполне устроят «продажи и офисная работа», – ответила Карина, поднялась и вышла вон.

Стоять за прилавком или работать в офисе можно в любой точке мира. Она уедет отсюда и будет сама себя содержать, как только это станет возможно практически и физически. Первое, что ей следует завести себе, – это контактные линзы, а еще дверь, которую можно закрыть за собой, вернее, которую можно закрыть перед носом у Ульрики, и тогда можно начать жить.

Автобус *Norrbottens trafik* загудел на вершине холма у нее за спиной, она замедлила шаг, чтобы компания, обступившая Викинга Стормберга, успела залезть в автобус, прежде чем она пройдет мимо автобусной остановки. Все учащиеся практических направлений, где требовались особые помещения (автодело, водопровод и канализация, уход за больными), ездили на автобусе в Эльвсбюн – ближе к побережью, к будущему. Гимназия в Стентрэске располагалась в том же здании, что и общеобразовательная школа, и предлагала лишь самые распространенные из теоретических направлений.

Весной Карина сдаст выпускные экзамены в гимназии. Осталось меньше двух месяцев.

Подумать только, многие отсиживают по три года в гимназии только ради того, чтобы надеть на себя белую студенческую фуражку. Ее это нисколько не волнует. Она все равно ни за что на свете не напялила бы на себя эту дурацкую кепку – ни за что на свете.

– Привет, Карина! Сегодня читательский клуб!

Это Сусанна окликнула ее из толпы протискивающихся в автобус. Она выбрала гуманитарную специализацию, полуклассический

вариант, латынь и прочую ерунду, чего нет в Стентрэске. Карина не могла разглядеть ее в толпе, но подняла руку в знак приветствия: ясное дело, она не забыла. Ведь сегодня будут обсуждать ее книгу – ту, которую она выбрала.

Она пришла рано. Как обычно. Библиотека находилась в том же здании, что и Кварндаммская школа, помещения администрации муниципалитета и полицейский участок – строго говоря, она еще не открылась, но Астрид, библиотекарьша, впустила Карину.

– Мне удалось обнаружить экземпляр «Прозрачных вещей»^[2] – он тебя по-прежнему интересует?

Предпоследний завершённый роман Набокова? Интересует ли он ее?!

– Да, спасибо, – ответила Карина и со стуком поставила сумку с книгами на фанерный прилавок для возврата книг. – Могу я оставить себе «Лолиту» до вечера, пока мы не закончим? Я поставлю ее на место до того, как мы разойдемся.

Читательский клуб, со временем получивший название «Полярный круг», хотя и не по предложению Карины, собирался по пятницам раз в месяц в дальней комнате за детским отделом. Обычно эта комната служила для чтения вслух сказок и занятий по аппликации. Обставлена она была крошечной мебелью и украшена глянцевыми детскими плакатами, но девочки обычно притаскивали несколько мешков-кресел из отдела подростковой литературы.

– Хорошо. Но поставь ее потом, пожалуйста, на полку, где она должна быть. Я отмечу, что ты ее сдала.

Привычными и четкими движениями Астрид вычеркнула из списка сданные книги. Карина бросила взгляд на свои наручные часы. Руки Микки Мауса – или, может быть, лапки? – показывали на восьмерку и девятку. До начала уроков оставалось сорок пять минут. Карина положила «Лолиту» обратно в сумку.

На самом деле ей больше нравилась «Ада, или Эротиада», но ей не удалось найти эту книгу в переводе на шведский, и потому она выбрала самое известное произведение Набокова, когда настала ее очередь предлагать книгу для обсуждения в книжном клубе. Если уж говорить совсем честно, «Ада» может оказаться слишком сложной для некоторых членов клуба, не называя имен. Ах, какое магическое, почти

головокружительное чувство – следить за жизнью Ады и Ван Вина и историей их любви в альтернативном мире под названием Демония или Антитерра. Карине очень хотелось с кем-нибудь обсудить эту книгу, но ее, пожалуй, больше никто во всем Норрботтене не прочел. Во всяком случае, никто, кроме нее, не брал ее ни в одной библиотеке региона, это Астрид проверила. Но «Лолита», само собой, удачный выбор, даже несмотря на убогость перевода – прежде всего потому, что ее можно было достать в пяти экземплярах. Текучая проза Набокова и витиеватая игра слов оказались выше всяких похвал, оригинальные французские отсылки, масса безумных ассоциаций: ведь роман в романе был написан в дурдоме. Ясное дело, он вышел немного crazy.

Она уселась за письменный стол в уголке за стеллажом со словарями и справочниками, достала пенал и свои записи. Осталось не так много контрольных, сегодняшняя по машинному счету – одна из последних, и работа на лето уже найдена, однако Карина стремилась заполучить пятерки по всем предметам. Двухлетнюю программу по продажам и офисной работе она выбрала из-за длительной практики в разгар учебы, хладнокровно рассчитав, что таким образом обеспечит себе работу сразу по окончании, и это сработало. Все лето ей предстоит работать на коммутаторе муниципалитета практически самостоятельно.

На ее специализации изучали офисную работу с упором на расчеты, где много места уделялось использованию вычислительных машин, как электрических, так и ручных, а также калькуляторов и бухгалтерских машин: пришлось научиться скоростной печати на клавиатуре, высчитывать скидки и надбавки, освоить расчет заработной платы, процентов, ренты, обмена валюты, сумм по накладным и инвентаризации. И все это оказалось легче легкого.

Пробежав глазами свои записи, она отметила, что все прекрасно знает наизусть. Тогда она достала из сумки роман, закрыла глаза и стала представлять себе все те места, которые Лолита и Гумберт посетили в своей поездке по США: Новый Орлеан, Поплар Коув, Малое Айсберговое Озеро, Коулмонт, Теннесси... Она разыскала их все в своем красном атласе – или, по крайней мере, попыталась, некоторые поселки оказались настолько крошечные, что их там не указали.

Однажды она съездит туда. Скоро, совсем скоро она вырвется из тюрьмы и отправится куда захочет, в любую точку мира.

Карина открыла роман наугад. Положила палец на середине правой страницы и широко раскрыла глаза, чтобы прочесть отрывок, который для нее выбрали случай вместе с подсознанием.

«Но не скажется ли это впоследствии, не испортил ли я ей как-нибудь в ее дальнейшей судьбе тем, что вовлек ее образ в свое тайное сладострастие? О, это было и будет предметом великих и ужасных сомнений!»^[3]

Может ли сладострастие управлять судьбами?

Если бы она знала.

Девочки, входившие в читательский клуб, с первого класса учились в одном классе. Трое из них – Биргитта, Сусанна и Агнета – до школы посещали ту разновидность детского сада, которая была доступна в материковой части Норрботтена в 1960-х годах: частную няню по имени Сигрид Киннунен. Им разрешалось играть в гостиной, но не подниматься на второй этаж.

Читательский клуб возник тогда, когда девочки пошли в седьмой класс, где у них появился предмет под названием «работа по выбору». В рамках этого предмета предлагалось выбрать область для «изучения» из весьма широкого спектра занятий, начиная от рыбной ловли и народных танцев до быстрого приготовления оригинальных блюд. Самый престижный – с большим отрывом – вариант проходил под рубрикой «литературоведение», и среди всех старших классов Кварндаммской школы данный предмет выбрали только пять человек. Символическая ценность этого выбора оказалась велика. Добровольно подвергнуться литературным дискуссиям на последней паре во вторую половину дня в пятницу – это заставляло других учеников, но особенно учителей, останавливать взгляды на головах пяти девушек, приписывая им особую старательность, даже, возможно, интеллектуальность. Само собой, в их сторону полетело несколько нахальных комментариев с упоминанием слова «зубрилка», но в целом их не стали дразнить. Вероятно, из-за того положения, которое занимали их родители, или же, возможно, из-за их привлекательной внешности. По тем временам они все как на подбор были красавицы.

Карина питала самую большую страсть к чтению. Проглатывала книги, как другие поедают лепешки.

Биргитта, мама которой работала врачом в Питео, а папа возглавлял ракетную базу, была самой амбициозной из всех.

Сусанна записалась в клуб, потому что там были Биргитта и Карина.

Агнета мечтала стать писательницей, так что во всех четырех случаях выбор «литературоведения» выглядел логичным и понятным.

Что же касается Софии, то здесь все казалось довольно туманным. Почему она выбрала именно «литературоведение», а не «цвет и форму», например, так и осталось для остальных загадкой. Их общее мнение, никогда не произносимое вслух, сводилось к тому, что за нее решили родители. Ее папа был, как уже сказано, главой муниципалитета Стентрэска и к тому же заместителем председателя в исполнительном комитете социал-демократической партии – ее могучем внутреннем органе.

Таким образом, ходить в читательский клуб «Полярный круг» оказалось занятием вполне престижным, и когда это дошло до остальных учеников школы и они осознали, что тоже могли бы улучшить успеваемость, записавшись в клуб, члены клуба решительно отвергли все заявки. Если другие хотят изучать «литературоведение», то пусть создают свой читательский клуб, а не примазываются к чужому.

Так все началось, в таком же духе и продолжилось.

Девочки читали по книге в неделю и обсуждали ее на основании нескольких заданных критериев на последнем уроке недели, по очереди ведя протокол. С самого начала выбирали высокохудожественные произведения, за некоторым исключением. Иными словами, когда произведения предлагали Сусанна или София, то это чаще оказывались книги Кэролайн Кин и Джеки Коллинз.

Тот из членов кружка, кто предложил обсуждаемую книгу, и вел заседание, начинал с краткой презентации книги и своих впечатлений в целом, а затем все по кругу высказывали свои соображения. Затем приступали к обсуждению различных деталей и позиции автора – часто это бывали романы, но не только они.

Таким образом, девочки из читательского клуба «Полярный круг» прошли все старшие классы общеобразовательной школы с очень

высокими оценками, за исключением Агнеты, у которой была пятерка по шведскому, но средний балл всего 2,9. Когда библиотекарь Астрид предложила им продолжать свои встречи и после того, как все они поступили в разные гимназии, девочки без колебаний дружно согласились, однако решили встречаться реже – раз в месяц, учитывая возросшую учебную нагрузку. Насколько она в действительности возросла, можно еще обсуждать, но это совершенно отдельный вопрос.

Однако со временем блеск и сияние читательского клуба «Полярный круг» померкли. Другие ученики больше не просились в клуб. Теперь у них появились новые учителя, а у их старых учителей появились новые талантливые ученики. Да и различия между самими девочками стали отчетливее. Компания, сложившаяся еще с детства, начала распадаться.

В начале нового десятилетия, 1980-х, список книг, как обычно, составили на год вперед. Однако двое из членов клуба, Карина и Агнета, должны были уже к лету закончить учебу и, вероятно, покинуть Стентрэск, в связи с чем будущее книжного клуба становилось туманным.

Словом, в их жизни наступил период, когда изменения неизбежны.

* * *

– Значит, ты все запрешь, Карина, а потом оставишь ключи на охране...

Астрид вложила большую бронзовую лошадь с висящим на ней ключом в протянутую руку Карины, закрыла за собой дверь и помахала девочкам рукой из-за стеклянной стены. Карина помахала в ответ. Глухо гудела вентиляция. Воздух казался прохладным и колким – и не только из-за мороза на улице. Все собрались, к тому же почти вовремя. Биргитта, как всегда, появилась последняя, потряхивая гривой блестящих черных волос. Карина повесила верхнюю одежду на вешалке у отделения подростковой литературы, но остальные принесли все свои вещи в крошечную комнату сказок: сумки, сапоги, шарфы, гетры, толстые вязаные рукавицы. Карине показалось, что эти кучи одежды вдоль стен – словно линия обороны – и в позах девчонок

на мягких креслах ей почудилось то же самое настроение. Рядом с Биргиттой стояла ее большая сумка *Adidas* – наверное, там все грязное белье за всю неделю. Вид у нее усталый, волосы не расчесаны. На неделе она живет у мамы в Питео, где учится на отделении общественных наук в Стрёмбаккской школе, а на выходные приезжает домой к папе, директору ракетной базы.

Сусанна жевала «шейк», так что по комнате распространился запах лакрицы – вытаскивала коричневую жвачку изо рта и накручивала на палец, довольно-таки отталкивающее зрелище. София достала изо рта леденец на палочке, завернула в бумажку и положила обратно в сумку – кстати, о мерзости. Затем раздала всем копии протокола прошлой встречи – по пять страниц формата А4, соединенные скрепкой, где, как обычно, отражено все до мельчайших нелепых подробностей. Все взяли у нее листки, но никто не стал читать. Она стянула волосы в хвостик на затылке, подвинула очки на переносицу и уселась, достав свой неизменный блокнот. Агнета смотрела в окошко под потолком – казалось, ее мысли витают где-то в другом месте.

– Хорошо, поговорим о «Лолите», – начала Карина и уселась на детский диванчик. Кресел-мешков было всего четыре.

Она отложила в сторону излишне подробный протокол Софии – ее резюме дискуссии на мартовской встрече: «Крупинки» Джудит Кранц, господи боже.

– Не знаю, насколько хорошо вам известен Владимир Набоков, – проговорила она. – То, что он родился в России и написал свои первые девять романов по-русски, а потом эмигрировал в США и начал писать на другом языке, вы наверняка знаете, а вот известно ли вам, что он был специалистом по шахматам и бабочкам?

Она оглядела подруг. Биргитта раздраженно заерзала, а Агнета с отсутствующим видом стала чесать руку.

– Он родился в дворянской семье, потомок принца Набока Мурзы, его дедушка владел золотыми приисками. В том, что он начал писать по-английски, возможно, нет ничего исключительного, как могло бы показаться. Ведь он с детства свободно говорил на трех языках – русском, французском и английском...

Остальные не проявляли особого интереса. Карина откашлялась.

– Раз за разом ему приходилось бежать: сперва из России – от коммунистов, потом из Германии – от нацистов. В Берлине он женился на русской еврейского происхождения по имени Вера, они прожили вместе всю жизнь. Долгое время он жил в США, но умер в Швейцарии всего пару лет назад. Что же касается его позднего творчества...

Казалось, никто из девчонок ее не слушает, горло сдавило. Вероятно, продолжать презентацию бессмысленно.

– Давайте все по кругу изложат свое мнение, – проговорила она. – София, ты записываешь?

София кивнула. Раньше они вели протокол по очереди, но потом перестали чередоваться. Теперь протокол всегда вела София, однако каждый раз ей приходилось об этом напоминать. Она со свойственной ей основательностью открыла в блокноте новую страницу и взялась за ручку. Никто не высказывал желания начать. Повисла напряженная пауза.

– Гитте? – обратилась Карина к Биргитте.

Голос прозвучал хрипло.

Биргитта откинула свою роскошную копну волос, вздохнула и порылась в сумке *Adidas*, вытащила экземпляр книги – следом потянулись носок и трусики с пятном выделений на ластовице.

– Я должна... – начала Биргитта и засунула обратно свое грязное белье.

Застыла, сжав в руках книгу. Смотрела на нее, так и не закончив фразы.

– Что? – спросила наконец Карина.

Биргитта сделала глубокий вдох. Когда она заговорила, голос ее зазвучал низко и глубоко, с интонациями, которых в нем раньше не было. Так может говорить только человек, взгляды которого непоколебимы, словно отлиты в бетоне.

– Короче, почему мы должны читать эту книгу? Как ты могла ее выбрать? Это же *полное дерьмо!*

Сусанна перестала жевать, Агнета выпрямилась, так что зашуршали пластиковые шарики в кресле-мешке. Карина почувствовала, как пульс снова застучал в горле – как утром, когда Викинг Стрёмберг пронесся мимо нее по обледенелой улице.

Хотя атмосфера в читательском клубе в последний год сильно изменилась, однако за все эти годы у них никогда не случалось

кардинальных разногласий. Она попыталась рассердиться, за что-нибудь ухватиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Подожди-ка, – выпалила Сусанна и подалась вперед так, что чуть не ударились коленями о миниатюрный журнальный столик. – Гитте, поясни свою мысль. Почему ты считаешь, что эта книга – дерьмо?

Карина почувствовала, что краснеет, уставилась на Биргитту, пытаясь разозлиться, но вместо этого ощутила состояние, близкое к невесомости – словно детский диванчик под ней вдруг исчез.

– Этот самый Гумберт Гумберт, главный герой, – заявила Биргитта, – мерзкий тип, который женится на женщине, потому что его возбуждает ее маленькая дочь. Это так отвратительно, что просто хочется блевать на протяжении всей книги. Такое может понравиться только тем, кто совсем с головой не дружит.

В ушах у Карины зашумело, ответ Сусанны она услышала словно через фильтр адреналина.

– Мне тоже показалось, что книга отвратительная, но зачем же так говорить? Такие книги тоже нужны.

– Но ведь это порнография! – сказала Биргитта. – Вы что, считаете, что порнуха – это хорошо?

«Это не порнуха!» – хотелось крикнуть Карине, но она не смогла выдать из себя ни звука.

– Могла бы и не читать, раз тебе она показалась такой ужасной, – ответила Сусанна.

Биргитта повернулась к Карине и ткнула в нее книгой, которую по-прежнему держала в руке.

– Да нет, – возразила она, – мне пришлось это прочитать, потому что *она* выбрала эту дрянь. Эту чертову похабщину.

Она швырнула книгу на пол. Карине показалось, что книга горит – трещит и корчится от боли. Она не понимала, что книга пытается сказать, но явно много всего. Биргитта побагровела, отчего сделалась некрасивой. Агнета наклонилась вперед и заботливо подняла книгу, погладила по обложке, словно стряхивая пыль.

– А мне п-п-понравилось, – ответила она в своей обычной негромкой манере. – Хотя читать ее нелегко, и все так трагично.

Интересно было почитать об Америке 50-х годов, но все герои такие г-г-грустные, и все умерли...

В комнате стало тихо, Карина снова смогла дышать. Вернулось гудение вентиляции.

– А что касается любви, – продолжала Агнета, доставая из сумки свои комментарии, отпечатанные на машинке, всегда через красную ленту, – кто имеет право судить другого за то, что тот ч-ч-чувствует? Если это никому не приносит вреда, человек ведь имеет право любить кого угодно?

– Тут речь вовсе не о любви, – отрезала Биргитта. – Этот мерзкий дядька одурманивает и насилует свою падчерицу, просто псих какой-то. А потом он убивает другого человека – и это называется «не приносит вреда»?

– А я все равно считаю, что человек имеет право сам выбирать, какие книги читать, – настаивала Сусанна.

– Гумберт Гумберт, конечно, противный, – согласилась Агнета. – И с-с-сумасшедший. Но ведь не все герои в книге должны быть симпатичными...

– Очень даже можно навредить другим своей любовью, – заявила Биргитта, – любя чересчур или же не любя вовсе.

На мгновение по комнате проскользнул дух Викинга Стормберга, но все опустили глаза, делая вид, что его нет. Все знали: Биргитта резала себе руки, когда Викинг с ней расстался.

– София! – проговорила Карина, и ей удалось произнести это почти обычным голосом. – А ты что думаешь?

София положила ручку на блокнот и подняла глаза.

– Главный герой всю жизнь то скует из-за того, что в детстве потерял подругу. Мне кажется, это очень странно. Почему он не завел себе новую?

Она снова взяла ручку и склонилась над блокнотом.

Биргитта выбралась из своего мешка-кресла, так что черные волосы заплясали вокруг лица, закинула за плечо сумку *Adidas*, а куртку перекинула через левую руку.

– Мне очень жаль, – произнесла она. – Я прямо с автобуса, даже не заходила домой, а нам на выходные задали кучу уроков. Так что я ухожу.

Все заморгали, явно с недоверием. Биргитта стояла, перетаптывалась на месте. Сусанна поднялась первой, затем остальные, все обнимали ее, вздыхали преувеличенно громко и сочувственно – бедняжка, как тяжело ездить туда-сюда, как у тебя хватает сил, мы ведь встретимся завтра, ведь в три часа матч, ты придешь посмотреть? Нет, ясное дело, она не сможет, этакая святая мученица. Звезда местной хоккейной команды – Викинг Стормберг, он практически единолично вывел «Полярный круг» – да-да, именно так называлась команда, если кого-то интересовало происхождение названия читательского клуба – в третий дивизион. В те дни, когда на промерзшем катке Кварндаммской школы игрались матчи, вся жизнь в Стентрэске замирала.

Карина устремила взгляд на Биргитту.

– Ты действительно собиралась покончить с собой, когда резала себя? Или просто хотела привлечь к себе внимание?

Биргитта охнула и побледнела. Казалось, даже воздух в комнате замер. Карина почувствовала, как гнев хлынул наружу, словно лава – поток ярости, разрушающий все на своем пути.

– Тяжело тебе, наверное, все время сидеть на Олимпе, – продолжала она. – Ясное дело, приходится тебе, бедняжке, иногда спускаться вниз, чтобы попинать ногами нас, простых смертных. Обзывать нас мерзкими и тупыми, хотя на самом деле ты даже не понимаешь, о чем речь.

Она перевела дух – звук в тишине отдался эхом.

Биргитта повернулась и ретировалась к выходу. Все смотрели ей вслед. Входная дверь с грохотом захлопнулась. Агнета и Сусанна так и застыли с полуоткрытыми ртами. У Карины пылали щеки.

До этой минуты никто из них ни разу не решался раскачивать лодку, ставить под сомнение хрупкое единство, построенное на общих воспоминаниях детства и отсутствии других вариантов. Так они и стояли, балансируя на краю пропасти, пока Сусанна не решила тоже прыгнуть. Взглянув на свои часы – пластмассовые швейцарские, предмет ее безмерной гордости, она покосилась на Карину. Карина отвела глаза. Сусанна вернулась в комнату сказок, чтобы собрать свои гетры пастельных цветов. София захлопнула блокнот и засунула его во внутреннее отделение кожаной сумки с логотипом дубильни в Бёлебю, снова достала леденец на палочке. Бумажка приклеилась, зашуршала,

нехотя отрываясь. Сусанна не сколько раз обмотала вокруг шеи вязаный шарф. Агнета засунула свой листок с комментариями обратно в сумку. Гудела вентиляция.

Сусанна подошла и встала вплотную к Карине, шарф закрывал половину лица. Сдвинув его вниз, она понизила голос до театрального шепота.

– Гитте видела вас, – прошипела она, достаточно громко, чтобы и другие услышали. – Она видела вас, как вы разговаривали. Ты что, влюбилась в Викинга?

Карина открыла было рот, но тут же снова закрыла, ничего не понимая. Гнев замер, словно наткнувшись на невидимое препятствие.

– Давай, изображай невинность, – буркнула Сусанна и направилась к выходу.

Агнета поспешила за ней, не попрощавшись, Карину обдало запахом мыла, когда та пронеслась мимо. София устремилась следом, как послушный щенок.

Во всей библиотеке, кроме детского отдела, царил мрак, и, хотя Карина не видела дальше своего носа, ей стало ясно: что-то рухнуло. Она так и осталась стоять в дверях – ноги застыли, словно отнялись. Неуклюжими движениями она надела сумку и погасила свет. Густые тени поглотили ее. От звука машин, проезжающих мимо по Фёренингсгатан, в окнах дрожали стекла, из прочих звуков был слышен только гул вентиляции.

Закрыв дверь в комнату сказок, она вдруг кинулась в приступе внезапного страха к вешалке и выходу. Едва успев засунуть одну руку в рукав куртки, она захлопнула за собой входную дверь, повернула ключ с дурацкой неуклюжей побрякушкой и бросила его на столик дежурного полицейского участка, не проронив ни слова.

По улице Фёренингсгатан гулял ледяной ветер. Он шипел за углами домов, неся острые кусочки льда из Арктики, застревавшие на фасадах домов и обжигавшие щеки Карины. Она застегнула молнию на куртке до самого верха и пожалела, что на ней нет шапки – ну и пусть шапка придавила бы волосы, кому какое дело? Карина подняла плечи, пытаясь хотя бы немного спрятать уши в воротник – с переменным успехом. Эту куртку она носит с девятого класса, она ей уже давно мала. Мама обещала ей новую на Рождество, но

муниципалитет объявил о сокращениях социального обслуживания на дому – рабочих часов оказалось меньше, чем хотелось бы. Начальник отдела ссылался на новый закон о Социальной службе, который вот-вот должны принять, но в это никто не верил – по крайней мере, в семье Карины.

За тучами по-прежнему угадывался серый сумеречный свет. Он ложился поверх крыш, загоняя людей в дома и машины.

При мысли о том, чтобы идти домой, у Карины засосало под ложечкой – трижды проклятая тесная квартирка без балкона. Мама и папа перед телевизором, Ульрика с телефонной трубкой, словно намертво приклеенной к уху, ее монотонная болтовня о парнях и самогонке. В сознании промелькнул образ Биргитты, ее черные глаза и бледные щеки – небось сидит и жалеет сама себя на вилле, где комнат не меньше, чем у семьи Бюрстранд квадратных метров жилья.

И еще она знала, что Сусанна солгала. Биргитта не могла стать свидетелем их с Викингом краткой беседы утром, ведь на неделе она живет в Питео и не ездит на автобусе в Эльвсбюн. Наверняка сама Сусанна видела их и разболтала Биргитте.

Или – может быть, она беседовала с Викингом в другой раз в последние несколько недель?

Карина сделала глубокий вдох, ледяной воздух обжег горло.

Случись такое, она бы не забыла.

Интересно, у Викинга теперь новая девушка? Может быть, спросить Софию – вдруг она знает. Они ведь в одном классе, на естественно-научном отделении.

Ноги в грубых ботинках казались тяжелыми как свинец, она вяло шаркала ими о гравий, но вдруг они остановились, словно жили какой-то своей жизнью.

Тут она вспомнила, что забыла сдать свой экземпляр «Лолиты». Она должна была вернуть ее на место на нужную полку – иностранная литература в переводе на шведский язык.

Плевать.

Мимо, хрустя по гравию, проехал микроавтобус с обледеневшими стеклами, замедлил ход и остановился впереди на Стургатан. Двигатель заглох, открылись двери, раздались голоса мужчин, говоривших по-английски. Она тихо охнула, прищурилась, чтобы рассмотреть их. Наверное, американцы, возвращающиеся в пансионат

Stone Swamp Inn – пансионат с самым идиотским названием на свете^[4]. Карина услышала, как открылась и закрылась дверь, американцы исчезли. Черт подери, самая первая вещь, которую она купит со своей первой зарплаты, – это контактные линзы. Очки она ни за что не наденет, даже под страхом смерти. Страхнув с волос снег, она двинулась вверх по горбатой Стургатан.

В окнах паба пансионата *Stone Swamp Inn* горел теплый желтый свет – как единственный цветной островок посреди черно-белого фильма. Стекла запотели изнутри и покрылись ледяными узорами снаружи, из паба доносилась музыка.

Хочу жить сейчас, не потом, а сейчас...

С этой песней Томас Ледин только что выиграл отборочный тур и попал на конкурс Евровидения – она до боли прекрасна.

*Уехать, уехать —
Скорее в Париж,
Ну что ты в кафешке
Унылой сидишь?*

Поднявшись на четыре ступеньки вверх, Карина открыла дверь.

В лицо ей ударили запахи: сырость, сигаретный дым, пивная отрыжка. Мокрая шерсть и арахис. Отпустив дверь, так что та с резким скрипом захлопнулась за ней, Карина прищурилась, вглядываясь в туман. Гул голосов напоминал грязный коврик – мерзкий и все же уютный. Томас Ледин смолк, его сменил Эдди Медуза, который заорал, что ни одна сволочь не смеет прийти к нему и заводить разговоры о панк-роке. Вдохновляюще.

– В баре есть место, – сообщила ей незнакомая задерганная официантка и указала пальцем куда-то, где дым смешивался с тенями.

Карина сняла варежки. Кто-то засвистел в два пальца, она не видела, кто, да и не собиралась принимать это на свой счет. Глаза сфокусировались на стойке бара и бармене – высоком блондине, имени

которого она не могла вспомнить. В дальнем конце стойки оказалось два свободных стула. Усевшись на один из них, Карина положила школьную сумку на другой, потянула вниз молнию на куртке.

– Кока-колу, – сказала она блондину. – Со льдом, пожалуйста.

– Гляди, какие жернова, – проговорил старикан за столом позади нее.

Карина не знала, к кому он обращается, но на всякий случай отвернулась. Появилась запыхавшаяся официантка с двумя пиццами, покрытыми свиным филе и бернским соусом, поставила их перед стариком и его приятелем.

– Два больших крепких и две по шестьдесят водочки *Renat*^[5], – буркнул старикан.

Официантка выудила из кармана блокнотик, повторила заказ и исчезла.

Карине подали ее бокал с напитком. Эдди Медуза продолжал ругаться – все панки свины и пусть катятся к чертям. Прищурившись, Карина осторожно огляделась, но не обнаружила ни одного знакомого лица. Отчасти это объяснялось тем, что она ничего не видит, отчасти темнотой и дымом, но в первую очередь тем, что в такой ранний час многие еще не добрались до бара. Бенни и его приятели наверняка сидят где-то, похрустывая чипсами и запивая их лимонной фантой. Мама больше не разрешает им сидеть у них дома, так что они наверняка тусуются у Анте или Боба. Ей придется ретироваться до того, как кто-то из них появится здесь.

– *This seat taken?*^[6]

Она подняла глаза и встретилась взглядом с бородатым американцем.

Бинго!

– *What?*^[7] Нет.

Она поспешила убрать сумку с барного стула, опустила ее на пол рядом с собой. Только тут заметила, как в помещении жарко и душно.

У американца была широкая задница и некрасивые джинсы, такие ненатуральные, как из супермаркета. Он заказал арахис и пиво, которое стал пить прямо из горлышка. Протянул ей пачку сигарет, она взяла одну, он поднес ей зажигалку. Потом закурил сам, выпустил струю дыма.

– *So you live here or...?*^[8]

– *In this pub? No*^[9].

Он громко рассмеялся.

– *You're funny*^[10].

Американца звали Брюс, он оказался родом из Аризоны. Карина не стала спрашивать, чем он занимается в Стентрэске, – сама знала. Ее папаша работал охранником на ракетной базе, однако не он разболтал. В этом не было нужды. Все иноземные державы, испытывавшие свое оружие массового поражения на просторах вокруг Стентрэска, всегда останавливались в *Stone Swamp Inn*. Достаточно пройти мимо ресторана, где завтракают проживающие, или мимо паба, или просто посмотреть, какие микроавтобусы останавливаются снаружи, чтобы понять, кто приехал на этот раз.

Когда она допила свою колу, он спросил, не хочет ли она еще, и она ответила, что хочет. Тогда он заказал ей еще одну колу, но на этот раз с ромом. Напиток оказался таким крепким, что у Карины перехватило дыхание. Она взяла горсть арахиса – ей хотелось дать ему почувствовать, что они едят их вместе.

Бармен поменял кассету в магнитоле, и зазвучал диск группы *Woppers «Number 1»*^[11]. Такая пластинка была у Карины дома. Первая песня называлась «*At the Hop*»^[12], там говорилось о том, как круто танцевать свинг и рок в одном месте, которое, судя по всему, называлось *The Hop*. Американец стал подпевать, Карина лишь напевала тихонько, зная, что не умеет петь.

Он спросил, что может делать красивая девушка в Стентрэске в пятницу вечером, и она ответила как есть: что она была с подругами на собрании читательского клуба. О Набокове Брюс никогда не слышал. О группе *Woppers* тоже, что, пожалуй, не так и удивительно, однако с уверенностью заявил, что они американцы. И *Pippi Longstockings*^[13] тоже придумали в Америке, а вот АВВА – шведы. Он хотя бы не конченный дурак, повезло. Он сказал, что живет в Тусоне, рядом с полем для гольфа. Она не играет в гольф? Она поперхнулась от одного вопроса.

Он хотел потанцевать, хотя было очень тесно. Она рассмеялась и стала отмахиваться, хотя и не всерьез. Он положил руки ей на талию и поднял ее со стула, они стали двигаться в такт музыке. Вокруг них толпились и толкались, Карина споткнулась и наступила на свою

сумку. Под подошвами грубых ботинок оказалась библиотечная книга – так тебе и надо, проклятая «Лолита». Почувствовала, как на глаза навернулись слезы, потянулась за своим бокалом, залпом допила все, что в нем оставалось. Кивнула, когда американец спросил, не хочет ли она еще.

В пабе было почти невыносимо жарко. *Voppers* допели пластинку до конца и теперь говорили «спокойной ночи» – очень в тему. «*Goodnight, sweetheart*»^[14], жаль покидать тебя, но что делать? Можно остаться! Она рассмеялась, ей снова захотелось выпить!

Американец притянул ее к себе, прижавшись к ней всем своим мощным телом, от него пахло дымом и туалетной водой. Одна ладонь скользнула по ее спине и оказалась за поясом брюк – как раз там, где остался синяк от утренней встречи с тротуаром. Она допила остатки очередного напитка.

Не хочет ли она заглянуть к нему в номер? Там у него есть еще выпивка. Она закрыла глаза и кивнула. Наклонившись, чтобы взять куртку и сумку, она заметила, что нетвердо стоит на ногах. Он хотел держать ее за руку, пока они шли через паб, но она стряхнула с себя его руку, нет необходимости сообщать всему городу, ха-ха-ха.

Брюс жил на втором этаже. Ковровое покрытие в коридоре было темно-зеленое, потертое посередине. Она поцеловала нового знакомого, пока он возился с ключом, борода кололась, во рту у него остался острый вкус пива и арахиса. Ключ упал на пол, Брюс прижал ее к стене – его таран к ее лобку. Со стороны лестницы донеслись смех и шаги, Карина вывернулась и схватила ключ. Ей удалось вставить его в скважину, повернуть, распахнуть дверь... Она ввалилась в номер в тот момент, когда коллеги американца заметили их и помахали им. Плевать. С ними тоже девушка – видать, затеяли групповуху. Бросив куртку и сумку возле двери, она стала расстегивать на американце рубашку. Он стянул с Карины джемпер и громко охнул – она не носила лифчика. Едва она легла на кровать, он навалился сверху, прежде чем она успела стащить с себя вторую брючину. Стянув с нее трусики, он сразу вошел в нее. Боль была дикая, Карина громко застонала от боли, но он воспринял это как комплимент. Он дергался на ней – быстрые ритмичные движения без всякого чувства, она смотрела в потолок и заметила, как все слегка покачивается перед глазами. Черт, она слишком быстро напилась. Его острые колени упирались ей в бедра,

при каждом толчке синяк на копчике отзывался болью. Временами мужик вспоминал, что она лежит под ним и останавливался, чтобы повертеть ее левый сосок – не грубо, но и не особо приятно. Кончая, он застонал и так тяжело навалился на нее, что ей было не вздохнуть. Он что-то пробормотал ей на ухо, наверное, спрашивал, хорошо ли ей было, но она не знала, что ответить. Он скатился с нее, и она наконец смогла сделать глубокий вдох. Из нее на покрывало вытекала семенная жидкость. Карина от души надеялась, что месячные еще не начались. Он ушел в ванную и включил душ. Несколько секунд Карина лежала неподвижно, размышляя, как вести себя дальше. Покусала губы, чтобы сделать их большими и красными, села и взбила подушки. Стащила с себя джинсы и трусики, застрявшие где-то на полпути, откинулась на изголовье кровати и постаралась придать себе безмятежный вид. Душ выключился. Американец кашлял и плевался. Вышел с висющим между ног членом и полотенцем в руке, удивленно замер, увидев ее, сидящую голый в постели. Она попыталась улыбнуться, но в голове шумело.

– *Are you hungry?*^[15] – спросила она.

– *We've had dinner*^[16], – ответил он.

– *How about that drink you talked about?*^[17] – спросила она, раздвигая ноги.

Он опустил глаза и отвернулся.

– *I'm sorry*, – проговорил он, – *but we have some work to do tonight...*^[18]

Она сглотнула, пока до нее доходил смысл сказанного. Он поимел ее и теперь мечтает как можно скорее от нее отделаться. Она стала нащупывать рукой трусики. Он снова зашел в ванную, закрыв за собой дверь.

Джемпер оказался под кроватью, где было полно пыли. Карина бережно отряхнула его – е го связала одна из тетушек, за которой ухаживала на дому ее мама. Джемпер любимый, из красной мягкой пряжи, не колется.

– Я ухожу! – крикнула она в сторону ванной.

Американец не ответил.

Взяв куртку и сумку, она вставила ноги в ботинки и вышла из номера. Коридор показался ей бесконечным, ей пришлось схватиться рукой за стену, чтобы остановить качку. Дверь, за которой исчезли

коллеги американца, стояла приоткрытая, внутри горел свет, и там вечеринка была в полном разгаре. Все трое мужчин работали одновременно, девушка стояла на четвереньках, члены во всех отверстиях. От этой сцены Карина охнула, импульс возбуждения пронесся в ее пострадавшем паху. Инстинктивно нагнувшись вперед, она попыталась закрыть дверь, но дверь не закрылась – в ней застряла сумка. Карина задвинула ее ногой в комнату, но только когда дверь закрылась и щелкнул замок, в мозгу возникло осознание того, что она увидела: сумка была кожаная, из дубильни в Бёлебю. Тем временем снаружи стало совсем темно. Мороз крепчал, но ветер утих. Шел легкий снег. Между ног было холодно и липко. Возле киоска Дагге торчали мальчишки из старших классов со своими мопедами. По смеху она услышала, что среди них Хокан, младший брат Сусанны. Они принялись свистеть и орать ей вслед, когда она проходила мимо, но у нее не хватило сил даже показать им средний палец. От мороза в голове прояснилось. Карина взглянула на часы. Микки-Маус показывал без четверти десять. Не так уж и поздно. Ее подташнивало, но терпимо. Сумка была легкая, учебники она оставила в своем шкафчике в школе – какой смысл таскать их с собой и зубрить в выходные? В сумке лежали только записки и «Лолита». Остановившись на автобусной остановке на Кварндаммсгатан, Карина достала книгу. Дополнительный библиотечный переплет не помог. Корешок сломался, когда она наступила на него. Несколько страниц выпали и теперь, покружившись, приземлились в снег. Она подняла их, вытерла варежкой, щурясь на текст в свете уличного фонаря.

Но не скажется ли это впоследствии, не испортили ли я ей как-нибудь в ее дальнейшей судьбе тем, что во влек ее образ в свое тайное сладострастие? О, это было и будет предметом великих и ужасных сомнений!

Карина скомкала страницы и засунула в урну, сдавив в единый ком слова Набокова, бумажку от жвачки и использованный автобусный билет. Несколько мгновений она держала в руке книгу, потом вышвырнула и ее тоже.

Тротуар перед ее домом забыли посыпать песком. От только что выпавшего мелкого снежка стало ужасно скользко. Она осторожно

продвигалась черепашьям шагом по ледяному покрытию, но все же поскользнулась, ударившись коленом и бедром. От боли на глазах выступили слезы, черт, черт, черт. Некоторое время она так и сидела на тротуаре. Мороз и влага проникли через ткань брюк, ягодицы отнялись, утратили чувствительность, в этом ощущении таилось нечто привлекательное и многообещающее. Мембрана, отделяющая от безумия, казалась тонкой и натянутой, словно кожа на барабане, этот выход всегда под рукой.

Мысль напугала Карину. Она поспешно поднялась на ноги.

Лампочка в подъезде на их этаже перегорела, но это не имело значения. В этом подъезде Карина знала каждый уголок, сразу нащупала замочную скважину. В нос ударил запах бекона, в животе у Карины перевернулось – обед в школе она тоже пропустила.

– Карина, это ты?

Из гостиной донеслось позвякивание, когда мама отставила на журнальный столик грог с кусочками льда.

– Угу, – буркнула она в ответ, сбросила ботинки, повесила куртку. Встала в дверном проеме со школьной сумкой на плече.

– Что вы смотрите?

Папа фыркнул.

– Ингмара Бергмана, – произнес он. – Подходящее занятие в пятницу вечером?

– Ингмар, – поправила Карина. – Его зовут Ингмар.

– Где ты была? – спросила мама.

– В читательском клубе, – ответила Карина. – Засиделись, заговорились. О творчестве Набокова и чем оно отличается от творчества Бродского.

– Ты поела?

– Угу, – ответила Карина. – Но бутерброд я все же съем.

– Там остались пальты^[19]. Как контрольная?

– Хорошо.

Карина вошла в комнату, которую делила с младшей сестрой, положила сумку на стол и засунула протоколы в обувную коробку – к остальным. Сестра валялась на кровати, читая одну из ее книг про Китти.

– Кто тебе разрешил это брать?

– Пойди убейся, – ответила Ульрика.

Карина вернулась в кухню. Остатки ужина стояли в холодильнике, она нарезала целый палт на ломтики. Намазав на него сверху масло, начала есть, стоя возле мойки. Вошел папа, сел за кухонный стол, уставился на нее, не отводя глаз.

– Ты что, выпила?

Она развела руки в красноречивом жесте, показывающем, насколько нелеп этот вопрос.

– Бенни опять вчера задержали в пьяном виде, – проговорил папа.

– Знаю, – ответила Карина.

– А ты откуда знаешь?

– Все знают.

Она нарезала новый палт, внутри оказалось много бекона. Сосредоточила все усилия на том, чтобы движения получались четкими и трезвыми.

– Хассе нашел работу, – сказал папа. – В Стокгольме.

Карина замерла, не донеся до рта палт, почувствовала, как по телу пронеслась волна адреналина. Хассе был ее второй брат – тот, который не пил.

– В психушке, – продолжал папа каким-то странным голосом. – Санитаром.

– В Бекумберга^[20]? – спросила Карина. – Когда он переезжает? Где он будет жить?

Папа посмотрел на свои руки.

– Что ему там делать? – проговорил он со вздохом.

Потом поднялся, поплелся в гостиную, где Ингмара Бергмана уже сменил какой-то концерт классической музыки.

– Пойду лягу.

Мама не ответила. Кусочки льда позвякивали в бокале.

Бекумберга – наверняка он поедет туда. Она читала в газете с объявлениями о работе, что там требуется персонал. Там сотрудникам дают служебные квартиры! Она могла бы переехать вместе с ним!

– Хассе!

Она просунула голову в комнату братьев – на полу кучи грязного белья и журналов про машины, никаких братьев.

Карина отправилась в ванную, почистила зубы, удалила макияж и подмылась. Пошла напрямик в свою кровать, не удостоив Ульрику

взглядом, взяла географический атлас, лежавший на ночном столике. Открыла указатель на последних страницах.

Тусон, Аризона.

Отыскала нужную страницу – юг США, пустынный ландшафт, довольно близко к границе с Мексикой. Карина положила палец на название.

Закрыла глаза, почувствовала, как точка на карте обжигает подушечку пальца.

Каково бы это было – поселиться там? В таком месте, где никогда не бывает минусовой температуры, в стране, где возможности человека ничем не ограничены...

Американцы вернутся, она точно знала. Поэтому-то и строят новый мост через реку Питео.

Янки хотят безопасно перевозить свои машины смерти через бурную порожистую реку.

20 декабря 2019, пятница

Жители поселка Стентрэск испытывали гордость по поводу, так сказать, размера.

Помимо порогов и ракетной базы, у них есть еще и мост, самый большой во всей долине реки Питеэльвен. Почти на метр шире, чем тот, по которому проходит трасса 94 на Эльвсбюн, потому что там велосипедная дорожка только по одной стороне. Вот уже сорок лет мост соединяет поселок с парадоксом, расположенным по другую сторону реки, – высокотехнологичной пустошью.

Трещины в пролетной балке на южной стороне моста обнаружили в конце октября 2019-го – повреждения оказались значительными. Всю осень на ракетной базе наблюдалась активность, и мост играл ключевую роль во всей ее деятельности. Поэтому тендер на реставрацию моста был проведен в рекордные сроки – некоторые критики утверждали, что он прошел с нарушениями.

Однако факт обнаружения тела положил конец этим дискуссиям.

Не следует забывать, что условия осуществления самого проекта были, мягко говоря, далеки от оптимальных. Работы затруднялись из-за морозов и темноты. Однако из соображений безопасности никакие другие альтернативы – кроме как немедленно провести ремонт – не рассматривались.

Когда-то мост строился для того, чтобы выдерживать тяжелый транспорт, направлявшийся к базе: танки, различные виды бронемашин, ракеты, которые иногда перевозили по суше, иными словами, все виды оружия и материалов, необходимых для работы ракетной базы. Однако со временем выяснилось, что несущая способность конструкции оказалась явно недостаточной.

Реконструкция краевых балок – классическая ремонтная мера для обеспечения несущей способности и безопасности, а здесь ее пришлось проводить в усложненных условиях. Кроме всего прочего, пришлось использовать различные виды ускоряющих и противообледенительных присадок для литья и каменных работ при температуре ниже нуля, составы на основе растворов нитратов натрия, а также средств, понижающих точку замерзания. Для удаления льда и

снега с бетонных поверхностей – техническую соль, не содержащую хлориды, которая не повреждает бетон или арматуру. Для формирования анкерных болтов использовали расширяющий строительный раствор для заливки, что вполне оптимально также для анкерных болтов со сплошным стальным стержнем, болтов со сквозным отверстием, комбинированных анкерных болтов и прочего. Обогреватели и прожектора на мосту, где то одна, то другая полоса движения перегорожена. Бытовки для обогрева и санитарных нужд строителей. Предприятие, выигравшее тендер, базировалось на юге страны, там не очень-то привыкли к таким условиям работы, что еще больше усложняло задачу.

Короче говоря: холодно, темно, адский труд. И дело тут не только в дополнительной несущей способности: внизу под мостом река переходила в Стурфорсен – крупнейший неукрошенный порог в Европе.

Вся конструкция громоздилась на четырех больших опорах – словно четыре ноги, они опирались на склоны по обе стороны реки, поддерживая все сооружение. Снаружи они казались монолитными, но на самом деле в них имелись заполненные гравием кессоны.

В ту самую пятницу в процессе ремонта как раз дошли до восточной опоры моста на стороне Стентрэска. В верхней части фундамента образовались трещины, поэтому пришлось снять асфальт на проезжей части, обнажив бетон под ней. В первой половине дня отбойным молотком вскрыли бетонное покрытие, после обеденного перерыва начали вынимать гравий из кессона, чтобы укрепить и заизолировать опору изнутри.

Вот там-то и лежала девушка.

Вернее, там лежали ее одежда и сумка.

Строитель, работавший отбойным молотком, был родом из Онге, человек терпеливый и опытный. Он сразу заметил, что в опоре моста находится что-то такое, чего там быть не должно, и позвал бригадира. Кессон был небольшой, этакий бетонный гробик размером в кубометр, прямоугольный и заполненный гравием, так что рабочие принесли лопаты и принялись копать.

Когда из-под гравия показались рука и одно плечо, работу срочно прервали и позвонили в полицию.

После долгого ожидания и переключений не на тех людей они наконец связались с администратором полицейского участка в Стентрэске. На тот момент бригадир был настолько напуган, что беседовать с администратором пришлось рабочему из Онге. Он объяснил ситуацию: в основании моста лежит одежда, кожаная сумка с пряжками и тело, у которого, похоже, нет головы. Женщина на телефоне в полицейском участке Стентрэска отреагировала здраво и деловито, задала уточняющие вопросы и дала строителям инструкции ничего больше не трогать, огородить место находки и ждать прибытия полицейского патруля.

После чего переговоры завершились, и строитель из Онге понял, что в этом году рождественские каникулы у него начнутся раньше обычного.

* * *

Карина Бюрстранд направилась напрямик в кухню участка, где сидел Викинг Стормберг и поедал обед из ланч-бокса вместе с практиканткой из Даларны.

– Нам нужно поговорить, – сказала Карина.

Викинг поднял на нее глаза, не переставая жевать.

– А что такое?

Она бросила взгляд вглубь коридора, где проходил Ахмед с тележкой для уборки.

– Мы можем поговорить в твоём кабинете?

Практикантка, темноволосая женщина по имени Фатима Аль-Азиз, впервые взглянула на нее с интересом. Викинг поднял брови.

– Они нашли Софию, – выпалила Карина, развернулась и пошла прочь по коридору.

Викинг догнал ее. В руке он все еще держал вилку.

– Что ты такое говоришь, черт подери?

Карина зашла в кабинет и закрыла за ними дверь. Настольная лампа освещала стопки бумаг на столе, но в остальном пространство было окутано мраком.

– Строители, ремонтирующие мост, ведущий к ракетной базе, нашли в восточной опоре высохшее тело, – проговорила Карина. – Там

лежала также кожаная сумка с клапаном и карманами, ремнями и пряжками. От дубильни Бёлебю. Такая была у Софии.

Карина сглотнула.

– Голову они не обнаружили. Черепа нет.

Несколько долгих секунд Викинг стоял, уставившись на нее, – Карина буквально видела, как напряженно он думает.

– А одежда? Как она была одета?

– Одежда лежала сверху.

На несколько мгновений шеф полиции закрыл лицо руками, пробормотал нечто, напоминавшее «разрази меня гром».

– И это выяснилось сейчас, ни раньше, ни позже? – спросил он, опуская руки.

Она кивнула в сторону коммутатора, где звуковые сигналы включились на полную мощность, ибо никто не заботился о том, чтобы снять трубку.

– Позвонил какой-то парень из Дорожного управления или с того предприятия, которое выиграло тендер. С кем связаться, с уполномоченным? С криминальной полицией в Лулео?

– И с теми, и с другими, – ответил Викинг. – И начальником участка в Елливаре.

Он снова вышел в коридор, но остановился спиной к ней. Карина смотрела на его долговязую фигуру, но в свете ярких ламп в приемной видела лишь темный силуэт. Он стоял, не оборачиваясь.

– Когда это произошло? Когда она пропала?

Он задал вопрос, хотя должен был знать. Всякое иное предположение немыслимо.

– В тысяча девятьсот восьмидесятом, – ответила Карина. – В августе тысяча девятьсот восьмидесятого. Второго числа. В субботу. Была гроза.

Викинг пошел в кухню, позвал практикантку и вышел на парковку.

Коммутатор затих – граждане, жаждущие пообщаться с властью, отвечающей за наведение порядка, отчаялись дозвониться. В тот момент, когда патрульная машина тронулась в путь, в холл вошел посетитель, записанный на 12.30, – ярко накрашенная мама с двумя сыновьями школьного возраста, которые остервенело ссорились из-за фигурки Бэтмена.

– К сожалению, я вынуждена попросить вас подождать несколько минут, – проговорила Карина, и женщина демонстративно вздохнула.

Зайдя в помещение за стойкой, она позвонила Роланду Ларссону – местному уполномоченному по осмотру места происшествия. Строго говоря, он уже отправился на каникулы – она дозвонилась ему в тот момент, когда он находился в торговом центре «Смостаден» в Питео, куда уехал, чтобы отпраздновать Рождество с родственниками жены.

– Выезжаю, – сказал он, перекрикивая рождественские мелодии, звучащие на заднем плане.

Карине показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Затем она набрала номер управления криминальной полиции в Лулео. Звонки эхом отдавались в тесном помещении, Карина повернулась спиной к стеклянной стене и холлу, глядя на парковку. Снаружи трепетал декабрьский свет – магический, почти неуловимый, едва возникавший на пару часов в середине дня. Солнце стояло за горизонтом, на юге виднелась красная полоска неба. Неуверенный рассвет, переходивший в сумерки, так толком и не родившись.

На другом конце ответили – молодая женщина, на которую, по всей видимости, была возложена роль оперативного дежурного. Она засомневалась по поводу того, чтобы посылать людей – во второй половине дня в пятницу перед самым Рождеством. Разве местный уполномоченный с этим не справится? Точно известно, что это действительно человеческие останки? И есть обоснованные подозрения о наличии преступления?

Карина не стала объяснять девушке из Лулео, какова вероятность того, что человек без головы, замурованный в опоре моста, а) стал жертвой несчастного случая или б) покончил с собой. К тому же девушка гарантированно не в курсе исчезновения Софии Хельстен – скорее всего, еще и не родилась, когда это произошло, а судя по диалекту, она вообще не из этих мест. Вместо этого Карина медленно и четко разъяснила, что не воспринимать всерьез убийства молодых женщин было бы равносильно политическому самоубийству для полиции региона, особенно если погибшая – дочь бывшего мэра, пропавшая в подростковом возрасте. Девушка оказалась не совсем тупая, поняла ситуацию и пообещала выслать на место экспертов-криминалистов – да-да, без промедления.

Начальника полицейского участка в Елливаре на месте не оказалось, он вышел купить рождественскую ветчину, поэтому Карина проинформировала о случившемся инспектора Паананена. Затем она вернулась к стойке и занялась делом о замене паспорта. На заднем плане Ахмед включил посудомоечную машину.

Женщина, ожидавшая в холле, оказалась из Эльвсбюна. Она была раздражена – и тем, что ей пришлось ждать, и тем, что ей пришлось тащиться в Стентрэск за новым паспортом. Теперь они стали малонаселенным районом, налоги повысились, а сервиса никакого. Все деньги, вырученные за лес, руду и гидроэнергию, уплывают в Стокгольм, а люди так и сидят тут, обманутые и ограбленные. Карина вынуждена была с ней согласиться.

Заученными формулировками она объяснила женщине, как сделать фото на паспорт в автомате по другую сторону плексигласовой загородки. Дети затеяли драку на полу. Женщина напудрилась еще больше и наложила на губы слой блеска, прежде чем встать перед аппаратом, но все равно осталась недовольна – ей показалось, что на фото она выглядит слишком старой. Спросила, можно ли переснять фото. Сделала еще одно, но и оно ее не удовлетворило.

– Это полицейский участок, – громко сказала Карина мальчишкам. – Для драчунов у нас есть специальные камеры.

Дети смолкли, словно кто-то выдернул шнур из розетки. Изумленно посмотрели на Карину, сели ровно и поправили шапки. Мама предприняла третью попытку.

– Хорошо, – с казала Карина и перекинула фото в свой компьютер, не дожидаясь, пока женщина начнет возражать. – Мы пошлем СМС, когда паспорт будет готов, это может занять до пяти рабочих дней, даже чуть дольше сейчас, на рождественских каникулах. Оплата при получении. Хотите заказать национальное удостоверение личности?

– А зачем оно мне?

Карина пожала плечами. Мальчишки снова начали ссориться из-за игрушечной фигурки, но на этот раз шепотом.

– Оскар, Лиам, пошли, – сказала их мама, складывая в сумочку пудру и блеск для губ.

Снова замигал коммутатор. Это был репортер из газеты *Norrbottens-Kuriren*.

– Мы получили сведения, что обнаружена София Хельстен, есть ли в этом доля правды?

Проклятие! Викинг вряд ли успел добраться до моста.

– Вы позвонили на коммутатор полиции, – ответила она. – Мы здесь никого не обнаружили.

– Я могу поговорить с дежурным?

– Он сидит в Елливаре.

Карина чувствовала, что журналист явно не удовлетворен ее ответами – она на догадывалась, что ее записывают.

– Кто у вас там местный шеф полиции? Стормберг?

– Викинг Стормберг – шеф полиции Стентрэска, все верно, – любезно ответила она. – В настоящий момент он вышел, но вернется через пару часов. Вы можете позвонить ему позже.

Закончив разговор, она тут же набрала мобильный номер Викинга. Тот ответил тут же.

– Все уже известно, – сказала она. – Звонили из *Kuriren*. Что там?

– Скорее всего, человеческие останки. Одежда тоже – кажется, кофта и то, что когда-то было джинсами.

– Ларссон и кто-то из управления уже едут к тебе, – сообщила Карина.

– Дело Софии Хельстен сохранилось? – спросил Викинг. – Оно должно лежать в архиве позади котельной.

От внезапно нахлынувшей паники у Карины сжалось в животе. Дело, со всеми данными, сведениями и протоколами допросов. Лето тысяча девятьсот восьмидесятого – то самое ужасное лето.

– Я посмотрю.

– И позвони Сёдерлунду в службу охраны, попроси его послать двух охранников. Ты смотрела прогноз погоды? Кто-то сказал, что ожидается шторм.

Карина кликнула на компьютере сайт метеорологической службы.

– Сегодня вечером и ночью – оранжевый уровень опасности. Снегопад и сильный порывистый ветер с гор.

Викинг громко застонал. Она молча ждала, слыша, как ветер завывает у него в трубке.

– Мы с ней учились в одном классе, – тихо проговорил Викинг. – Мне кажется, она была в меня немного влюблена.

– Все были влюблены в тебя, Викинг, – ответила Карина. – Не только те, с кем ты встречался.

Она отключилась. В приемную заглянул Ахмед.

– Я уйду.

– С Рождеством, Ахмед! Привет семье!

Он улыбнулся и исчез. Кстати, можно ли поздравлять мусульман с Рождеством? Карина засомневалась. Хлопнула задняя дверь, когда Ахмед ушел.

Коммутатор охранного предприятия сообщал о часах работы компании. К счастью, у Карины имелся личный мобильный телефон Рикарда Сёдерлунда – тот ответил мгновенно.

– Двух человек на мост? Что там такое случилось?

Карина посмотрела в окно, за которым танцевали легкие снежные хлопья.

Дело, со всеми допросами. Все данные о том, что произошло, что каждый из них делал. Что делала она.

– Сначала загляни к нам в участок, возьми тент и прожектора, – сказала она. – У строителей наверняка есть освещение, но мы хотели бы поставить свое.

– Дам тебе двух ребят до 20.00. Потом могу поставить туда Пекку.

– Конец связи.

Скрывать эту новость от общественности более пяти минут все равно не удастся.

Засунув телефон в задний карман, Карина достала связку ключей от подвального этажа, покинула свое место за стойкой и заперла входную дверь. Правда, по пятницам они официально работали до 15.00, но в такой ситуации она не могла допустить, чтобы в холле толпились посетители. Она погасила лампы под потолком. Только гирлянда на елке по-прежнему ритмично мигала.

Когда Карина приоткрыла дверь в подвал, ее встретил грохот масляного отопительного котла. С точки зрения экологии обогреть это сквознячное бетонное здание за счет масла – полное безумие. Экоактивисты полезли бы на стенку, если бы узнали. Лестница в подвал была узкая и крутая. Сердце у Карины отчаянно стучало. Ей пришлось повозиться, прежде чем она нашла ключ от архива. Воздух внутри оказался сухим и прохладным, с легким налетом чего-то неприятного. «Как в склепе», – подумала она, хотя и не знала, каково

побывать в склепе. Лампа дневного света под потолком поначалу упрявилась, мигала, но потом все-таки снизошла и решила сотрудничать.

Металлические архивные шкафы стояли штабелями друг на друге плотными рядами. Боже, она не заглядывала сюда целую вечность. Выдвинула наудачу какой-то ящик, он оказался не заперт. Где начать поиски?

Дела были рассортированы в хронологическом порядке, по дате заявления, зарегистрированного в полиции, это она знала. Но где в этом лабиринте вход? Найдя 2010 год, она стала вести пальцем по табличкам на ящиках, двигаясь назад во времени: 2009, 2008, 2007... Под ее туфлями заскрипел гравий – здесь давно никто не убирался. Тьма сгустилась, когда Карина добралась до 90-х. Лампа над 80-ми погасла совсем. Карина достала из кармана мобильный телефон и включила фонарик. 1985, 1984, 1983...

1980, июль-август

Сделав глубокий вдох, она выдвинула ящик.

Коричневая коробка с крышкой.

**Дело об исчезновении
София Хельстен
2 авг. 1980**

Коробка была пыльная и тяжелая, как камень. Вытащив ее, Карина задвинула ящик локтем. Поставила коробку на архивный шкаф. Положила обе руки на крышку. Сердце стучало где-то в горле. Через картон Карина ощущала жжение тайн из прошлого.

Что кому известно? Какие сведения скрыты в протоколах допросов?

Она подняла крышку – запах пыли и типографской краски. Посветила фонариком в телефоне на первый лист.

Заявление об исчезновении, составлено в понедельник, 4 августа 1980 года шефом полиции Густавом Стормбергом.

В ту же секунду в заднюю дверь заколотили. Проклятие! Это явились охранники.

Поспешно закрыв коробку, Карина взяла ее под мышку и стала подниматься по лестнице.

– Иду! – крикнула она и поставила коробку на столешницу в кухне.

Поспешила к задней двери, впустила охранников, мужчину и женщину. Приняла их так, как обычно – сдержанно и немногословно.

Охранники выглядят так молодо – или это она постарела? Она показала им кладовую, где хранились тенты и осветительные приборы. Им пришлось опустить заднее сиденье в машине и несколько раз обернуться туда-сюда, прежде чем они все погрузили.

– Погодку обещали ужасную, – сказал мужчина.

Когда машина охранников исчезла за валом счищенного снега, Карина вернулась в кухню, забрала коробку с делом Софии Хельстен в комнатку позади стойки и опустила шторы. Руки у нее слегка дрожали, когда она сняла с коробки крышку и достала документ, лежащий сверху.

Пропавшая: София Элизабет Хельстен

Дата рождения: 09.09.1962

Адрес: Бакосвеген 11

Почтовый адрес: 975 9 °Стентрэск

Словесный портрет: Каштановые волосы. Голубые глаза

Рост: 163 см

Зазвонил ее мобильный телефон – Карина подскочила, словно кто-то неожиданно закричал у нее над ухом.

Она поспешно положила лист обратно и накрыла коробку крышкой.

Звонил Хокан.

– Ты можешь заехать в *Systemet*^[21]? Я буду поздно.

Она дышала поверхностно, открыв рот, чтобы Хокан не понял, как она запыхалась. Вспомнила, что приехали швейцарцы – в четвертый раз за четыре года. Взглянула на свои часы.

– Могу не успеть, – проговорила она. – Не знаю, насколько мне придется задержаться.

– Что-то случилось?

На пару секунд она крепко зажмурилась.

– Я заеду в *Systemet*, – сказала она. – Без проблем.

Он замолчал, словно собираясь с духом, прежде чем сказать нечто важное.

– Что такое? – спросила она.

– Звонила Каролина, они не приедут.

От разочарования она буквально задохнулась.

– Но... – выпалила она. – Мы же закупили еды. Все готово!

– Да, но...

– И какие отмазки она придумала на этот раз?

– Плохая погода, нога болит – сама знаешь, какая она.

Проклятие, она не должна так расстраиваться. Стиснула зубы.

– Ну что ж, – проговорила Карина. – Тем больше еды достанется всем остальным.

– Люблю тебя, – сказал Хокан.

– Я тебя тоже.

Они закончили телефонный разговор.

Как получилось, что в воспитании старшей дочери они потерпели такое чудовищное фиаско? Каролина, кажется, впитала все, что они с Хоканом презирали. Существует ли такой ген, который заставляет людей стремиться быть как все – любой ценой?

Ее невеселые размышления прервали отсветы белых прожекторов, пробившиеся сквозь шторы и пробежавшие по стенам. Подойдя к окну, Карина взглянула на парковку. Патрульная машина уже подъехала, ах ты черт. Карина отпустила занавеску и взглянула на коробку. Неприятное чувство при мысли о ее содержимом заполняло собой всю комнату. Не успев ни о чем подумать, она поставила коробку с делом Софии на свой стул и задвинула его под стол. Звук двигателя смолк, свет прожекторов снаружи погас, кто-то отпер заднюю дверь. Карина вернулась к коммутатору и прослушала сообщения на автоответчике, записанные в последний час. Звонили из всех средств массовой информации региона плюс из одной национальной вечерней газеты.

– Мы должны выступить с каким-то сообщением для прессы, – сказала Карина, когда Викинг и практикантка стряхнули с себя снег в предбаннике.

– Лучше подождать людей из Лулео и уполномоченного, – ответил Викинг. – Ты хорошо придумала про тент и прожектора.

Она отвернулась. Полицейские удалились в кабинет шефа. Практикантка демонстративно закрыла за ними дверь, задавака чертова.

Ей надо срочно купить рождественскую выпивку, ей надо срочно посмотреть, что там записано в деле. Проклятие.

– Я вышла ненадолго, по делам, – громко сказала Карина закрытой двери.

Она вернулась в комнату за стойкой – в одном из ящиков письменного стола у нее лежала холщовая сумка. Выдвинув стул, она засунула дело Софии в шопер. Оно едва поместилось. Переобувшись и накинув верхнюю одежду, она повесила на плечо сумочку и взяла шопер под мышку.

На парковку она вышла через задний ход. Бросила взгляд через плечо, когда за ней захлопнулась дверь. В кабинете Викинга горел свет, золотой прямоугольник отражался в ледяной корке на асфальте, однако Карина не увидела в окне ни его самого, ни практикантки. Ключи от машины не лежали в сумочке на обычном месте, ей пришлось отложить шопер прямо в снег, чтобы достать их. Звуковой сигнал, когда она открыла машину, эхом отдался среди кирпичных стен. Карина открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья, положила тканевый мешок на сиденье, закрыла дверцу, заперла машину. Посмотрела на заднюю дверь полицейского участка и на окно Викинга. Никакой реакции. Только теперь она смогла перевести дух, посмотрела на звезды.

Глубокий синий цвет, заливавший небо за несколько секунд до того, как погас скупой полярный свет, теперь куда-то канул, везде царил темнота. Поправив на плече сумочку, Карина двинулась в сторону улицы Стургатан.

Адреналиновое крещендо предрождественской суеты навалилось на нее всей своей мощью. Стало быть, все как надо. Она всего лишь бюрократка, направляющаяся в магазин, чтобы купить рождественскую выпивку, избранный народом представитель, предвкушающий празднование Рождества с семьей – по крайней мере, с той ее частью, которая изволит появиться.

В убогих динамиках скрежетал звон колокольчиков, не пора ли на очередном собрании муниципалитета выдвинуть предложение по

поводу покупки новых? Пульс вошел в норму – скорее всего, никакой опасности нет. Что может произойти – сейчас, сорок лет спустя?

Она похлюпала дальше, ступая по снежной каше. Пакеты, коробки и коляски бились за пространство среди обледенелых сугробов. Новая феминистская уборка снега не простиралась до торговой улицы. Видимо, капитализм и потребление воспринимались как оплот патриархата.

– Привет, привет, с Рождеством! – сказал ей попрошайка у входа в торговый центр.

В *Systembolaget* не осталось ни одной свободной тележки, Карине удалось схватить одну из последних корзин на колесиках. Стала пробираться среди тел, вспотевших в своих пуховиках, к красному вину и поддонам с пивом. Здесь тоже играла рождественская музыка. Карина нашла какой-то шираз из Южной Африки, забрала все семь бутылок, оставшихся на полке. В помещении было невыносимо жарко. Затем, извиняясь направо и налево, проложила себе дорогу к испанскому игристому, взяла четыре бутылки кавы марки «Анна», этого хватит на Новый год. Придирчиво оглядев свою корзину – та уже почти заполнилась – решила все же впихнуть еще несколько банок пива *Norrlands Guld*. Придется Хокану самому сходить и купить еще в дни между праздниками – в конце концов, пиво пьет только он. Под грудью потекли струйки пота, на форменной рубашке останутся пятна. Она порадовалась, что надела сегодня пиджак и что самые тяжелые годы менопаузы и приливы для нее остались позади. Под конец она прихватила на стойке с крепкими напитками целую бутылку «Абсолюта», не было сил идти и изучать полки с разными сортами аквавита. Тому, кто захочет пропустить стопочку к рождественской селедочке, придется довольствоваться обычной водкой, которую, к тому же, можно смешивать с другими напитками, насколько она понимает. Ее мама по-прежнему любит выпить грог перед телевизором. Сама Карина не разбиралась в крепких напитках – ей казалось, что все они отдают керосином. Возможно, воспоминания о Софии Хельстен пробудили в горле привкус подростковой пьяной блевоты – тьфу, какая гадость.

– Приятно, что вы, политики, остаетесь примером для нас, других, – произнес мужчина в шерстяном пальто верблюжьего цвета, кивая на ее переполненную корзину с алкоголем.

В его голосе сквозило такое презрение, что Карину обдало ледяным холодом. Она собралась с силами и улыбнулась.

– И вас тоже с Рождеством...

– И как ты выносишь себя? А? Как ты можешь смотреть на свое отражение в зеркале? Да еще такая жирная!

Последнее он произнес так громко, что люди стали останавливаться и глазеть на них.

– Вы видите, кто это? – воскликнул мужчина в верблюжьем пальто и с пылающим лицом огляделся по сторонам, указывая на нее пальцем, словно сам себя назначил Олицетворением праведности.

– Карина Бюрстранд! Все вы, кто за нее голосовал, – стыдитесь!

Все кассы работали, она выбрала ту, где очередь казалась короче всех, и начала выкладывать свои бутылки на ленту.

– Расистка!

Шепот донесся справа – от женщины ее возраста, которая встала за ней в очередь. На женщине был красивый макияж, на шее – дизайнерское украшение, из тех, какие иногда мелькают на фото инфлюэнсеров в *Instagram*.

– С Рождеством, – ответила Карина.

– Вы наверняка думаете, что это шведская традиция, ограниченные люди, – выпалила женщина.

Щеки у нее покраснелись, она заговорила громче.

– А что рождественский гном пришел к нам из Турции, а рождественская елка – из Германии, – продолжала она, – о таком вы и не слыхивали...

Расплачиваясь и складывая бутылки в пакеты, Карина ощущала спиной косые взгляды. Необычно, чтобы люди нападали на нее при личной встрече – обычно они ограничивались тем, чтобы ненавидеть ее в сети.

Получилось пять пакетов – возможно, она слегка перестаралась. Пакеты такие тяжелые, буквально неподъемные. Едва отойдя от магазина на десяток метров, она вынуждена была поставить пакеты на землю и перевести дух. Звон бубенчиков сменился новой рождественской песенкой. По обеим сторонам улицы мимо нее проходили толпы людей. Гул голосов смешивался с музыкой и хрустом гравия под ногами в единый человеческий узор.

Ей довелось дожить до этого дня. Софии не довелось.

Снова схватившись за пластиковые ручки, Карина потащила к парковке позади полицейского участка.

Снегопад усилился, ветер тоже. Карина ехала домой с ощущением, что въезжает в гигантскую метлу.

Черт-черт-черт, она думала, что лето тысяча девятьсот восьмидесятого ушло безвозвратно, навсегда, мягко опустившись в болото забвения, но сейчас оно снова всплыло, зловонное, как неопорожненный дачный туалет. Карина еще крепче сжала руками руль.

Их дом располагался на окраине городка, на осушенном болоте, которое в начале 1970-х застроили одинаковыми одноэтажными виллами модели «Эльвсбюн». Их дом был зеленым, единственный во всем квартале. Каролина всегда дико стыдилась этого: что они не такие как все.

Каролина обещала приехать на Рождество домой. В прошлом году они с мужем были в это время в Таиланде, в предыдущем году – в Южной Африке, а в 2016-м отмечали Рождество в Боллнэсе с родителями мужа. На самом же деле проблема заключалась не в этом, а в принадлежности Карины к партии Шведских демократов^[22]. В центре Стокгольма она не котировалась – как и в винно-водочном магазине в Стентрэске, оказывается. Каролина хотела показать своему окружению, что она соблюдает дистанцию, и это вполне понятно. Карина это знала. Когда она выдвинула свою кандидатуру на должность мэра, то понимала: она рискует, что Каролина совсем отдалится. Так и случилось. Вопрос в том, должна ли она отказаться от борьбы за то, во что верит, ради того, чтобы не осложнять отношения с дочерью, живущей за тысячи километров от нее.

Ничего не попишешь. Трусость не скроешь. Сиди и читай свою *DN*^[23] в дорогушей квартире с кафельной печью.

Хотя могла бы предупредить заранее, какое неуважение...

По крайней мере, Линнея с маленькой Алисией приедут. Сергей остался на нефтяной платформе – судя по всему, он получает надбавку во время государственных праздников.

Карина свернула на их улицу – Бредвеген^[24], ничуть не оправдывающую свое название. За хлопьями падающего снега проступили желтые квадраты освещенных окон, когда она подъехала к

дому 43. Пошла к дому с теплым чувством в груди – она любила Рождество. У людей появлялся повод посидеть в уютной темноте друг с другом, прекрасный праздник. Говорят, что из-за темноты народ много пьет, впадает в депрессию, доходит до нервного срыва.

Сама она ничего такого за собой не замечала. По крайней мере, во взрослом возрасте.

Адам сидел в наушниках у себя в комнате, увлеченный компьютерной игрой, он отпихнул маму, когда она попыталась его обнять. Она поставила в холодильник две банки пива, положила водку в морозилку и засунула остальные запасы на нижнюю полку в кладовой. Достала телефон и отправила Хокану эсэмэску с текстом: «Выпивка закуплена». Потом вернулась в комнату Адама, приподняла один наушник.

– Сегодня пятница, ты помнишь, что мы делаем по пятницам, – сказала она ему в ухо. – Собери свои грязные трусы.

– А-а, меня убили!

Карина вышла к машине, забрала шопер с делом Софии и вернулась обратно в дом. Адам сидел в наушниках спиной к двери, остервенело стуча по клавиатуре. Она зашла в спальню и закрыла за собой дверь – совершенно беззвучно. Положила коробку на покрывало, закрыла шторы, зажгла ночник. Не снимая верхней одежды, села на край кровати, так что коробка наклонилась от ее тяжести. Открыла крышку.

Крепко сжала на не сколько секунд кулаки, сделала глубокий вдох. Об исчезновении девушки сообщил Хильдинг Хельстен, ее отец.

В субботу, 2 августа, София Хельстен отправилась во второй половине дня в библиотеку, чтобы взять книги, но домой не вернулась. Они с женой не спали всю ночь и ждали. Девушка, предположительно, была одета в джинсы и сандалии, футболку и вязаную кофту. Торговые марки и цвета одежды отец более точно назвать не мог.

Карина отложила заявление в сторону, перевернув его задней стороной вверх. Надо сохранить порядок, в котором лежат бумаги.

Далее следовали какие-то списки и формальности по поводу следствия, потом начинались протоколы. Похоже, распечатки лежали в том порядке, в котором проводились допросы. Последней Софию видела Астрид, библиотекарь. Протокол допроса был составлен и

отпечатан на машинке в четверг, 5 августа. Судя по всему, в первый день никакие меры не предпринимались – теперь она вспомнила, что по этому поводу потом подняли тарарам. Критиковали полицию за то, что заявление не восприняли всерьез. Было упущено драгоценное время и все такое.

Она быстро пробежала протокол глазами.

В субботу, 2 августа, София Хельстен посетила библиотеку Кварндаммской школы, возвратила книги и взяла новые.

Книги, которые она сдала:

«Оборотная сторона полуночи» Синди Шелдона

«Крупинки» Джудит Кранц

«Поющие в терновнике» Колин Маккалоу

Карина сглотнула. Именно эту книгу они обсуждали на последнем заседании читательского клуба вечером накануне исчезновения Софии.

Книги, которые она взяла:

«Последние дела мисс Марпл» Агаты Кристи

«Зеркало треснуло» тоже Агаты Кристи

«Ветры войны», часть I и часть II, Германа Воука

Что ни говори о литературных предпочтениях Софии, особо утонченными их не назовешь.

Астрид Берглунд вспоминает, что София была в брюках – возможно, джинсах, и в кофте. Возможно, голубой. Про сумки и пакеты она ничего не помнит. Девушка ушла из библиотеки перед самым закрытием, когда собиралась гроза. Астрид призвала ее поспешить домой, пока не хлынул дождь. У библиотекарки сложилось впечатление, что София Хельстен вела себя как обычно. Она не казалась нервной или расстроенной, с другой стороны, особенно веселой тоже не была. «Я всегда воспринимала ее как тихоню».

«Тихоня». Да, можно это и так назвать. Карина всегда считала, что София немного тормозит. Что-то с ней было не так – какой-то диагноз, которого тогда толком не ставили. И она регулярно ездила к какому-то доктору в Будене – неясно, почему.

Карина быстро перелистала документы. Обнаружила несколько заметок, сделанных дежурным в связи со звонками от

общественности, вырезок из газет, но ни одна из них не вызвала у нее тревоги. На несколько дней в августе 1980 года всеобщее внимание во всей стране было приковано к исчезновению Софии – ведь летом так мало новостей. Но всего через неделю жизнь снова пошла своим чередом: пожар в ночном клубе, извержение вулкана – и новость о девочке-подростке, не вернувшейся домой, сместилась на последние полосы местных газет.

Карина стала листать протоколы допросов: допрос Карины Бюрстранд, 6 августа 1980.

На мгновение сердце замерло в груди. Она вцепилась в лист обеими руками. Все это она помнит, да уж, черт возьми. Как сдавило грудь, как вспотели руки, как паника обжигала изнутри. Она знала, что к ней придут, заранее продумала, что будет говорить. Явился Ларс-Ивар. Он пришел домой к родителям Хокана, куда она переехала – в первую неделю безработицы после неудачной попытки поработать на коммутаторе муниципалитета. Спросил, можно ли поговорить с ней о Софии. Ответить она не смогла, только молча кивнула. Они сидели в их с Хоканом комнате, Хокан ждал в кухне. Ларс-Ивар, в штатском, на стуле у письменного стола, она – на кровати. Что она может рассказать о своей последней встрече с Софией?

Она посмотрела ему прямо в глаза, не мигая, не дрожа.

Сейчас, читая то, что сказала тогда, она осознала, что помнит все слово в слово.

У них была встреча читательского клуба, как обычно, в первую пятницу месяца. Они прочли книгу, которую выбрала София, – «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу, и обсуждали, как обычно. София вела протокол. Протоколы она писала всегда, хотя задним числом их никто не читал. Ничего особенного не произошло, они говорили о творчестве Маккалоу.

Не говорила ли София чего-нибудь необычного – например, что собирается уезжать?

Нет, ничего такого.

Нет, в субботу они не встречались.

«Стало быть, в последний раз ты видела Софию, когда вы в тот вечер разошлись после книжного клуба?»

«Да», – ответила на допросе восемнадцатилетняя Карина.

Пятидесятисемилетняя Карина закрыла глаза, воспоминания обрушились на нее водопадом. В тот вечер, на той встрече читательского клуба – как они переругались! Сусанна сравнила Колин Маккалоу с Владимиром Набоковым не в пользу последнего, и она пришла в ярость. София, обычно такая молчаливая и немногословная, стала орать на них. Агнета расплакалась. Биргитта в своей обычной манере восседала, наблюдая за всеми сверху вниз, потом поднялась и первая ушла домой. Сучка чертова. А потом – последняя встреча. Память обжигала, словно огонь. Мужчина, который не вернулся назад. Уехал, оставив ее. Больше не проявлялся, а она не знала, где его искать.

– Yes!!! – закричал Адам в своей комнате – знак того, что он успешно изничтожил большое количество противников.

Карина отложила протокол допроса самой себя. На несколько секунд закрыла глаза, потом начала листать записи допросов других членов клуба «Полярный круг».

Они никогда не обсуждали между собой, что именно сказали тогда полиции.

Факт заключается в том, что они никогда больше не встречались. Во всяком случае, не собирались группой.

Теперь, просматривая протоколы, Карина обнаружила, что все их показания совпадают. Все сказали, что они обсуждали книгу «Поющие в терновнике» и писательницу Колин Маккалоу, ничего особенного не произошло. София ничего не говорила о том, что собирается уезжать, ни о каких угрозах, не упоминала никакого парня. Пальцы Карины перебирали страницы, глаза летали по строчкам. Самой разговорчивой оказалась, конечно же, Сусанна – ее допрос занял восемь страниц. Самый краткий – Агнеты, по телефону из Карлстада.

Затем следовали допросы сотрудников ракетной базы.

Карина быстро просмотрела первый из них. Допрос начальника базы. Эверт Ландён. Папа Биргитты.

В те недели на базе находились представители военно-морского флота США, они измеряли влияние действий армии на инфраструктуру. С этой целью вокруг Наусты были возведены здания, мосты и виадуки. В целом Эверт Ландён не может прокомментировать, какого рода работы проводились на базе в те выходные, о которых идет речь. Что касается шведского персонала, то у него есть поименные

списки – ничто не мешает полиции связаться с этой частью сотрудников. Что же касается командированных, то он ничем не может помочь: ни кто именно участвовал в работе, ни сколько их было – никаких списков нет, поскольку их никогда не существовало.

Карина судорожно сглотнула.

Быстро пролистала записи допросов других сотрудников базы. Далее в коробке лежал протокол допроса Керстин Линдгрэн, тогдашней владелицы пансионата *Stone Swamp Inn*. Он датирован 18 августа 1980 года – через две недели после исчезновения Софии.

На несколько мгновений Карина перестала дышать. Насколько это опасно? Если что-то выяснилось, полиция наверняка связалась бы с ней раньше?

Она быстро прочла документ.

В те выходные в *Stone Swamp Inn* проживало около десятка американцев. Пентагону было сдано одиннадцать комнат, однако как минимум одна из комнат использовалась для хранения оборудования, в этом Керстин Линдгрэн была уверена.

Соответственно, она была не в курсе, сколько человек проживали в отеле и не знала их по именам. Те, кто работал на базе, не регистрировались в журнале. Это была стандартная процедура – так делалось всегда.

Было ли замечено что-то необычное – какие-нибудь отклонения от нормы?

Да, пара номеров пустовала в последние десять дней. Трое или четверо мужчин покинули пансионат в ночь со вторника 5 августа на среду 6 августа. Речь идет о номерах 5, 7, 10 и 11. Номера, разумеется, были оплачены на весь оговоренный срок, до 16 августа, так что для нее это не имело значения. Просто она отметила этот факт.

Вынося за скобки документы и доказательства: известно ли ей, кто эти мужчины?

Разумеется, она их знает. Они не раз приезжали на базу весной и летом. Их работа продолжалась всю зиму, но конкретно эти четверо больше не появлялись.

У нее сложилось впечатление, что их отправили домой раньше срока?

По этому поводу Керстин Линдгрэн не хотела строить догадки. Она могла лишь утверждать, что они побывали в Стентрэске четыре

раза, предполагались еще три приезда, но их заменили другими сотрудниками.

Существовали ли контакты между командированными сотрудниками обороны и местным населением?

В целом нет, за несколькими исключениями. Это касалось некоторых представительниц молодого поколения.

Карину прошиб пот. Боже милостивый.

Может ли она назвать имена? Девушек, которые общались с командировочными? Особенно в те выходные?

Керстин Лундгрэн ответила, что у нее было очень много дел. Период отпусков у местного населения, туристы, приезжающие посмотреть на полночное солнце, плюс американцы, но она отметила беготню на втором этаже.

«Беготня на втором этаже» – вот, стало быть, как это называлось! Карина отложила лист бумаги. Протокол продолжался на следующей странице.

Полицейский призвал Керстин Линдгрэн перечислить тех женщин, которых она видела бегущими на втором этаже. Последовала только одна фамилия.

Карина Бюрстранд.

София Хельстен не упоминалась.

У Карины закружилась голова, на мгновение ей показалось, что она сейчас упадет в обморок.

Поколебавшись несколько секунд, она схватила этот лист, скомкала в твердый маленький шарик и засунула в карман пальто. Целую минуту старалась восстановить дыхание. Адам в своей комнате принялся кричать и ругаться – должно быть, его подстрелили в игре. Взглянув на часы, Карина поняла, что ей срочно пора возвращаться. Быстро пролистала оставшиеся двадцать-тридцать страниц, но это было бесполезно – она не воспринимала то, что там написано.

Сложив все документы в правильном порядке, она закрыла крышку. Положила коробку обратно в шопер.

Вышла в прихожую и столкнулась с Адамом.

– Ты уже дома? – удивленно спросил он.

Коробка, которую она держала под мышкой, была тяжелая и грозила вот-вот выскользнуть из ее рук.

– Я сложила в холодильник и кладовку папину выпивку на Рождество. Пожалуйста, не выпивай все.

Она поцеловала его в щеку и вышла из дома.

Автобусная остановка за школой казалась пустой и всеми покинутой. Карина остановилась возле урны, но заколебалась. А что, если кто-нибудь начнет искать пустые бутылки? В голове пронесся образ попрошайки у торгового центра – привет, с Рождеством.

Решив оставить бумагу в кармане, Карина поехала дальше.

Как раз вышла из машины на парковке, когда приехал Роланд Ларссон. Похоже, он не очень-то соблюдал ограничения скорости на скользком шоссе от Питео.

Дело ей придется оставить в машине.

Они быстро обменялись рукопожатиями, она отперла заднюю дверь, они вошли вместе. Роланд стянул шапку, в свете ламп блеснула его бритая макушка.

– Кофе? – спросила она.

– С превеликим удовольствием.

Она указала на кабинет Викинга, и Роланд зашел, не закрыв за собой дверь. Сквозь жужжание кофейного агрегата Карина слышала их голоса. Скомканный протокол допроса жег карман.

– Мы перегородили почти всю проезжую часть, – говорил Викинг. – По западной стороне можно проехать с небольшой скоростью. Там работают швейцарцы, совсем перекрыть движение мы не можем.

– Вы уверены, что это тело?

– Не может быть никаких сомнений. Из гравия торчит рука и плечо. На теле видны повреждения, но они, похоже, возникли сейчас, когда бетон сверху вскрывали отбойным молотком.

– Так голова отсутствует?

– По крайней мере, на плечах ее нет.

– Может быть, ее утащил какой-нибудь зверь?

Карина зашла в комнату позади стойки и повесила пальто на вешалку. Надела туфли. Вернувшись в кухню, налила две чашки кофе и стакан сока, поставив рядом молоко в маленьком кувшинчике.

– Мне пойти купить вам чего-нибудь перекусить? – спросила она, расставляя перед ними на столике чашки.

– Спасибо, я обойдусь, – произнес Викинг, а двое других ничего не сказали.

Они дождались, пока она закончит и выйдет, прежде чем продолжить разговор.

– Что это за пространство, о котором мы говорим?

Карина прошла по коридору в кухню, достала из шкафа чашку и запустила кофейный агрегат. Затем вернулась и встала снаружи вплотную к двери, почувствовала, как во всем теле запульсировала кровь.

– Вверху основания моста на восточной стороне, под проезжей частью...

– То есть, вернее, под велосипедной дорожкой, – перебила практикантка.

– ...под велосипедной дорожкой...

– Где бетон потрескался, – добавила практикантка.

– Это довольно большая полость, – продолжал Викинг, – заполненная гравием. Она обнажилась, когда слой бетона вскрыли отбойным молотком...

– И слой асфальта, – добавила практикантка.

В кабинете повисла тишина – она расплзлась, выплескиваясь в коридор. Карина поймала себя на том, что задержала дыхание.

– Да нет, пожалуйста, продолжай, – произнес наконец Викинг. – Проинформируй уполномоченного по осмотру места происшествия, прошу.

– Ой, простите, – пробормотала практикантка. – Я... Простите.

Карина закусила губу, испытав злорадство. Отпила кофе из чашки.

– Они пытались добраться до трещин, что-то случилось с пролетной балкой. Всю опору приходится укреплять.

– Хм, – проговорил Роланд Ларссон. – В каком состоянии тело?

– По крайней мере, на руке, торчащей из гравия, сохранились и кожа, и ткани.

– Хм, – снова сказал уполномоченный, вероятно, он что-то записывал.

– К сожалению, рабочие перенесли объекты, обнаруженные в кессоне, – продолжал Викинг. – Надеюсь, контаминация незначительная.

– Одежда и сумка? – спросил Роланд Ларссон.

– И бумажник.

– В каком состоянии вещи?

– В приличном. Кофта выглядела почти нетронутой. Джинсы в плесени и полиняли, сумка тоже. Мы их не обследовали, ждали тебя и народ из криминальной полиции.

– Должно быть, в кессоне было сухо, – задумчиво проговорил Роланд Ларссон. – По крайней мере, до недавнего момента... Никаких органических материалов, которые могли бы способствовать разложению тканей или предметов... Когда запечатали пространство?

Викинг тяжело вздохнул.

– Сколько времени мост простоял в таком виде? Сорок лет?

– Это важно, – вклинилась Задавака. – Н а все убийства, совершенные до 1 июля 1985 года, вышел срок давности.

– А были ли?.. – начал Роланд, но Задавака еще не закончила.

– Это связано с убийством Улофа Пальме, – продолжала она как ни в чем не бывало. – В 2010 году законодательство было изменено. На все убийства, совершенные после этого момента, срока давности нет. Но все, что были совершены до того, уже списаны в архив.

О боже! Карина не могла удержаться, чтобы не закатить глаза. Словно остальные тут не в курсе!

– Отпечатки пальцев? – спросил Роланд. – Есть ли сохранившиеся отпечатки пальцев? Оставшиеся со времени исчезновения?

– Не знаю, – ответил Викинг. – Я не успел посмотреть дело.

Карина чуть не подавилась своим кофе.

– Что будем делать с погодой? – спросил Роланд.

– Поезжай и оцени на месте, – ответил Викинг. – Если будет совсем жуткая погода, придется все перекрыть и оцепить место. У нас там есть охранники.

Грохот стульев по полу – судя по звукам, все встали.

– Нам необходимо идентифицировать ее, – сказал Викинг. – Фатима, постарайся дозвониться сотруднику Национального оперативного отдела, который ведет реестр без вести пропавших. Посмотри всех пропавших в нашем регионе, скажем, начиная с 1975 года. Возможно, нам придется связаться и с Интерполом, но это будет следующий шаг. Если, конечно, это понадобится.

Карина поспешила к стойке и стала прослушивать сообщения, записанные на автоответчик коммутатора. Быстро составила список

СМИ, желавших получить информацию о находке в опоре моста, протянула Викингу, когда тот проходил мимо.

– Проклятие, – проговорил он и принялся чесать в затылке. – Ты можешь набросать заявление для прессы?

– Я перешлю его тебе, прежде чем рассылать, – ответила Карина.

– И папку с делом – куда ты ее положила?

«На заднее сиденье своей машины».

– Поставлю тебе на стол, – ответила Карина.

– Не знаешь, есть ли у Софии родственники в городе?

– Не знаю, – ответила Карина. – Мне кажется, нет.

– Где-то наверняка есть какой-нибудь троюродный брат. Сможешь найти?

Она быстро записала: заявление для СМИ, найти родственников для ДНК.

– Попроси криминалиста из Лулео ехать прямо к нам, как только он появится, – сказал Викинг.

Роланд Ларссон и Викинг ушли. Фатима сидела в одной из внутренних комнат и названивала в Национальный оперативный отдел, закрыв дверь, чертова воображала. Карина дождалась, пока патрульная машина исчезла из виду, потом пошла и достала из машины холщовую сумку. Снег ударил в лицо. Войдя в дверь, она скинула с себя шопер и понесла коробку в кабинет Викинга. Верхний свет был выключен, горела только настольная лампа. Карина поставила коробку посреди стола, рядом с недопитым стаканом сока.

Затем уселась в комнатке позади стойки и принялась бронировать номера, распечатывать карты и описания. Затем набросала краткое заявление для СМИ. Такие обычно публиковались на сайте Полицейского ведомства в разделе «Новости и события», там представители СМИ пусть и читают. Она сжала руки в кулаки, пытаясь сосредоточиться. По стенам то и дело проносились отсветы автомобильных фар. Карине и в нормальном состоянии такое давалось тяжело. Никогда она не умела четко формулировать мысли в письменной форме. Лучше всего это получалось у Агнеты, она у них в группе считалась писательницей. У Агнеты была голубая портативная пишущая машинка марки *Facit*, на которой она печатала рассказы для молодежных журналов. Свои комментарии к встречам читательского

клуба она также набирала на машинке. Никто другой не записывал свои мысли подобным образом, но у Агнеты была потребность на что-то опереться – вероятно, потому, что она немного заикалась... Сусанна вовсе не так много писала в молодые годы, это сейчас она стала журналисткой-фрилансером – то есть безработной, как это, кстати, называется на нормальном языке. У Сусси всегда лучше получалось болтать, чем писать – и думать.

– В НОО^[25] никто не отвечает, – сказала Фатима, остановившись в дверях. – У тебя есть какой-нибудь список надежных телефонов?

Подумать только, какая неожиданность – Задавака столкнулась с трудностями и решила опуститься до уровня вольнонаемных сотрудников.

Карина подняла глаза на практикантку, топтавшуюся на пороге. Да уж, задача у нее так себе. Вечером в последнюю пятницу перед Рождеством даже самые крутые зубры из Национального оперативного отдела нашли себе занятие поинтереснее, чем сидеть в своих кабинетах. Ясное дело, что на офисные номера никто не отвечает.

Надо не забыть отделаться от листка бумаги в кармане пальто.

– У нас, телефонистов на коммутаторе, к сожалению, нет тайного клуба, где мы обменивались бы секретными номерами телефонов, – ответила она.

Карина уселась поудобнее на своем офисном стуле – Задавака выглядела так, словно вот-вот разорвется на куски.

– Но если тебе действительно ни до кого в Стокгольме не удастся дозвониться, то можешь позвонить в дежурную пресс-службу. Они отвечают всегда. У меня есть мобильный телефон начальника пресс-службы Стокгольмской полиции, он может достать кого угодно в любое время дня и ночи. Позвони ему и передай привет от меня, я перешлю тебе его номер эсэмэской.

Взяв со стола свой телефон, Карина нашла человека, о котором говорила, и переслала его контактные данные практикантке. Затем вернулась к написанию заявления для СМИ.

Несколько секунд Фатима стояла неподвижно, растерянная и раздавленная. Когда эсэмэска звякнула в ее телефоне, лежащем в кабинете, она поплелась туда.

Начальник пресс-службы Стокгольмской полиции в свободное время писал детективные романы, прошлой весной Карина

организовала ему встречу с читателями в библиотеке, которая оказалась вполне успешной. По всей вероятности, он уже давно позабыл о ней, но фраза «передай привет от меня» ни к чему не обязывала. Задавака скорее умрет, чем передаст привет от телефонистки. И он правда помогал ей пару раз найти нужных людей.

Заявление полицейского участка в Стентрэске для прессы

Находка в окрестностях Стентрэска может быть человеческими останками

В пятницу в 12.15 в полицию поступил сигнал, что во время проведения строительных работ на территории муниципалитета были обнаружены предположительно человеческие останки.

Место расположено возле Питеэльвен, рядом с трассой 347. В связи с установкой полицейского заграждения движение транспорта на Грансель и обратно может быть ограничено.

Полиция и эксперты-криминалисты выехали на место, чтобы оценить, следует ли начать дальнейшее расследование.

Новости из полиции
Опубликовано
20 декабря 2019 в 18.23

Не то чтобы за такое сразу дали Нобелевскую премию, но она отправила текст Викингу на утверждение по WhatsApp. Сразу же пришел ответ.

Может быть, написать «движение на ракетную базу и обратно»?

Она и сама об этом думала.

Мне показалось излишним выкладывать описание местоположения ракетной базы. Грансель звучит более нейтрально. Все, кто в курсе, и так поймут.

Она выждала полминуты.

Ты права. Отсылай.

Она опубликовала сообщение. Строго говоря, оно ни о чем не информировало, только подтверждало очевидное: что почти вся проезжая часть на мосту перегорожена. Всё равно все начнут звонить. Она услышала, как практикантка с кем-то беседует по телефону за закрытыми дверями. Наверное, дозвонилась до начальника пресс-службы.

Зазвонил ее мобильный телефон. Снова Хокан. По звуку она поняла, что он включил громкую связь в машине.

– Звонила Сусанна, – сказал он. – Говорит, что нашли Софию. Это правда?

Она поднялась и закрыла дверь комнаты. Осталась стоять у письменного стола, глядя в темноту.

– Ты один?

– Да.

– В опоре моста Грансельсбрун нашли труп женщины. Это может быть она.

– Ах черт! Я только что проезжал мимо, там черт-те что творится, все перегорожено.

Он замолчал. Сорок лет – большой срок. Хокану было всего пятнадцать, когда все это произошло, однако он помнит.

– Стало быть, новость достигла стокгольмских газет, – проговорила Карина.

– Обе газеты уже зацепились за это, и на *Flashback*^[26] длиннющий тред. Сусанна сказала, что приедет раньше, чем собиралась, – прилетит первым самолетом завтра утром. Хочет сделать подкаст.

– О боже, – выдохнула Карина и плюхнулась на свой офисный стул.

– Знаю, – произнес Хокан. – Хотя, наверное, хорошо, что ей есть чем заняться. Первое Рождество без Кристера, она так и так будет на

стенку лезть.

Карина увидела, как на парковку заезжает машина криминальной полиции из Лулео.

– Приехали из Лулео, мне придется еще задержаться.

– Я звонил Адаму, попросил его поставить картошку.

– Он слышал про труп?

– По крайней мере, он ни о чем не спросил. До скорого!

Карина пошла к задней двери и отперла ее эксперту-криминалисту. Это оказалась молодая женщина, с которой она никогда ранее не встречалась.

– Сандра Хаммарлунд, – представилась женщина и пожала руку – пожалуй, даже слишком крепко.

Ей наверняка приходится нелегко.

Карина представилась и провела Сандру Хаммарлунд внутрь. Строго говоря, она должна была бы отправить ее к практикантке, но Задавака все еще сидела за закрытой дверью и разговаривала по телефону.

– Шеф полиции и уполномоченный выехали на место, – пояснила Карина и протянула эксперту две карты, которые заранее распечатала, – одну более общую, вторую более подробную, с координатами. – Там все огорожено, поставлены тенты и освещение. Ночью там будут дежурить охранники. Я забронировала тебе номер в *Swamp*, это пансионат в центре города. Он обведен красным кругом.

Она указала на карту.

– Если ты дашь мне свой номер, я пошлю тебе эсэмэской контакты всех участников процесса.

Сандра Хаммарлунд достала из внутреннего кармана пиджака визитную карточку и протянула ее Карине.

– Насколько далеко находится этот мост?

Карина взглянула на освещенную парковку.

– Совсем недалеко. Около километра пешком. На машине два-три, может быть, четыре.

– Если я правильно поняла, у вас тут в деревне есть давнее нераскрытое дело об исчезновении?..

В деревне?

– Дело у шефа на столе, – ответила Карина.

Ей удалось добиться того, чтобы голос звучал совершенно обычно.

На звук голосов вышла из своего кабинета практикантка. Не хотела упустить случая показать себя. Сердечно поздоровалась с коллегой из Лулео – оказалось, они знакомы. Ясное дело.

Карина улыбнулась.

– Тебе удалось дозвониться до оперативного отдела?

Она просто не могла сдержаться. Фатима сразу помрачнела.

– Нет, но начальник пресс-службы обещал перезвонить.

– Отлично, – ответила Карина и скрылась в комнатке за стойкой, ощущая спиной испепеляющий взгляд Задаваки. Переслала Сандре Хаммарлунд все контакты, которые той могли понадобиться, включая номер пансионата *Stone Swamp Inn* и личный мобильный телефон его нынешней владелицы Бритт-Мари.

Оглядела парковку, скользнула взглядом к реке. Идти не километр, скорее полкилометра. Если пойти по дорожке за школой.

Сама она никогда не ходила этим путем. Тропинка была крутая, темная и скользкая. Вплотную к тропинке стояли хвойные деревья, протягивая ветки к тем, кто проходил по ней. Кто-то сказал однажды, что там живут лесные тролли, которые поедают маленьких детей. Кто это сказал? София?

Карина не могла вспомнить. Воспоминания и стыд слились, смешались воедино.

Сандра Хаммарлунд уехала на место находки. Задавака окопалась в своей комнате.

Сидя в полумраке, Карина пыталась разобраться в родственных связях Софии. Государственный реестр частных лиц и адресов не слишком много добавил. В Швеции обнаружилось более тысячи двухсот ныне живущих граждан по фамилии Хельстен.

Она сходила на кухню и принесла себе кофе.

Ведь София всегда встречала Рождество с кузиной? Где-то в другом конце региона? Мама была откуда-то с юга – как была ее девичья фамилия? Карина понятия не имела. А вот папа был родом из Мальмфельтена.

Вернулась патрульная машина, Викинг был один. Карина услышала, как хлопнула задняя дверь, – он направился прямо в свой

кабинет.

Она ограничила параметры поиска, сосредоточившись на северной части региона. Составила список Хельстенов, живущих в Норрботтене, искала в открытых источниках их адреса и телефоны. Распечатала список, подошла к кабинету Викинга и постучалась.

Он сидел, разложив перед собой стопками материалы дела, коробка был отставлена на боковой столик, крышка упала на пол.

– В Норрботтене проживает на сегодня двадцать четыре человека по фамилии Хельстен, – сказала она, положив список на угол его стола.

– Сядь, – велел он, указывая на стул для посетителей с другой стороны.

Она села, усилием воли заставила себя дышать животом. Настольная лампа отражалась в очках для чтения на носу у Викинга.

– Вы были одними из последних, кто ее видел, – проговорил Викинг. – Ты и остальные, ваш читательский клуб по пятницам.

Карина поколебалась – ну да, вероятно, так и есть.

– Не случилось ли в тот вечер чего-то необычного? Такого, что тебе вспоминается теперь, задним числом?

Она закусила губу, подумала немного.

– Прошло сорок лет, – проговорила она. – Что заставляет тебя думать, будто...

– Я не думаю, я спрашиваю, – уточнил Викинг.

Он снял очки, посмотрел на нее пронизательным взглядом. Карина опустила глаза, посмотрела на свои часы.

– Завтра утром приедет Сусанна, – ответила она. – Вероятно, она помнит больше, чем я.

– Так ничего особенного? Совсем ничего? Ничто не отличало тот вечер от обычной ситуации?

– Строго говоря, нет. Кроме того, что мы обсуждали на редкость скучную книгу.

– Что ты имеешь в виду?

Проклятие! Язык мой – враг мой. Она тяжело вздохнула.

– Книгу выбрала София. Она любила бестселлеры. В отличие от меня.

Он что-то отметил в блокноте, лежащем перед ним.

– Ты поддерживаешь отношения с Агнетой и Биргиттой?

– Иногда, – ответила Карина. – У нас есть группа в *Facebook*.

Несколько мгновений он смотрел на нее. Она выдержала его взгляд, не моргая.

– Мне нужно будет побеседовать с вами со всеми, – проговорил он и снова склонился над бумагами.

Карина поднялась. Задвинула стул. Вышла из кабинета, спокойно и естественно.

* * *

Стентрэск – муниципалитет лена Норрботтен в Лапландии. Центр – Стентрэск. Город называют «Воротами к порогам», это выражение сохранилось со времен путешествия Карла Линнея в Лапландию в 1732 году.

Стентрэск расположен на реке Питеэльвен в регионе Норрботтен, ближайшие населенные пункты на юге – Эльвсбюн и Арвидсъяур, на востоке – Буден, а также Йоккмокк на севере.

В плане церковной принадлежности с 1809 года относится к общине Стентрэск, до того принадлежал к общине Недерлулео.

До 1893 года населенный пункт подчинялся окружному суду Йоккмокка, затем до 1928 года существовал суд Стентрэска. С 1971-го по 2002-й Стентрэск относился к судебному округу Будена, а с 2002-го – входит в судебный округ Лулео.

В муниципалитете проживает 9031 человек.

В последние четыре десятилетия наблюдалась умеренно отрицательная динамика населения.

(Из книги «Факты о муниципалитетах Швеции»)

Алекс Хейли «Корни». Выбор Сусанны Юханссон. 2 мая 1980 года, пятница

Май в Стентрэске. Тьма однозначно капитулировала, хотя холод пока не собирается отступать. Тающие грязные сугробы лежали, погибая, вдоль фасадов домов – их дни сочтены. Камнеломка уже рванула из промерзшей земли, потянула лепестки к свету. Река вот-вот готовилась сбросить оковы льда – не только на незамерзающих порогах, но и по всей протяженности до самого моря. В Ботническом заливе лед тронулся, на финской стороне откололись последние льдины.

Настало время ликования.

* * *

Мысль о «Полярном круге» первой возникла в голове у Сусанны, едва она проснулась. Возможно, ей что-то приснилось, она не помнила, но ситуация казалась на редкость достоверной. Она сидела там, в комнате сказок: запахи, звуки, крошечные окошки под потолком. Карина сидела рядом с ней, откинувшись в кресле-мешке, тепло бедра Карины обжигало ей бедро. Во рту пересохло от страха и желания, от той опасности, которой она себя подвергала.

Теперь они не встречались, виделись только в «Полярном круге». Там они обнимутся при встрече, будут сидеть рядом, смогут заглянуть друг другу в глаза, обсуждая очередную книгу.

Внутри все сжалось от страха и предвкушения – возможно, сказался и голод.

А вдруг кто-нибудь догадается?

Она должна держаться на расстоянии, не допустить, чтобы кто-нибудь узнал. Все помнят, что случилось с Педиком-Бенгтом, которому выбили зубы на парковке возле универмага. Кровь вмерзла в лед и до самой весны просвечивала сквозь снежное покрывало. Никто ничего не видел, хотя все знали, что произошло. Потом последовали разговоры про толерантность – грош им цена.

Протянув руку, Сусанна включила радио, стоявшее на тумбочке у кровати, настроила его на первую программу. Конечно же, утренние новости только что закончились, теперь ей придется слушать нудное музыкальное радио до следующего выпуска погоды.

Она еще полежала в постели, отгоняя от себя мысли о Карине и «Полярном круге». Прислушивалась к звукам, доносившимся из кухни, где крутилась мама. Папа уже уехал на работу. За стенкой царила тишина – младший братец точно еще не проснулся.

Собравшись с силами, она вылезла из теплой постели. Пошлепала босиком, пописала в маленьком туалете между своей комнатой и комнатой брата – ай-ай-ай, какой холодный пол! Выпила несколько глотков воды из стаканчика для чистки зубов. Пospешила обратно в свою комнату, встала на тряпичный коврик и открыла дверь платяного шкафа. До чего же ей надоели шерстяные брюки и теплые колготки! Правда, многослойная одежда сейчас в моде, это выглядит богемно – типа как проснуться утром и оставить волосы распущенными по спине, спонтанно и беззаботно, локоны будут прыгать вверх-вниз, когда ты идешь по школьному коридору, но сама ты прекрасно осознаешь, какая ты свежая и грациозная, ты постоянно здесь и сейчас, вот такой ей хотелось бы быть. Стройной, расслабленно-небрежной, с покрытыми серебристым лаком ногтями, беззаботно жующей жвачку...

В зеркале на дверце шкафа отражалась вся ее фигура – в трусиках и спальной футболке. С ростом ничего не сделаешь, не уменьшишься же, и стройнее просто не бывает. Волосы она мыла травяным шампунем, но такими пышными и вьющимися, как у Карины, они не становились...

Внутри все сжалось. Отвернувшись от зеркала, Сусанна посмотрела на школьное фото девятого класса, прикрепленное на доске над столом – над маленькой фотографией Карины, вставленной под рамку. Это была одна из тех крошечных индивидуальных фотографий, которыми обмениваются с друзьями. Она тоже подарила свое фото Карине.

Она приложила руку к низу живота, ощутила тепло через хлопчатобумажные трусики. Как две женщины занимаются любовью? Этому она не знала, но было бы желание, а способ можно найти.

Радио заиграло музыкальную заставку к прогнозу погоды, Сусанна закрыла дверцу шкафа. Пока слушать нечего. Пройдет вечность, прежде чем они дойдут до Норрботтена.

«...пасмурная и дождливая погода, переходящая в течение дня...»

Она подошла к доске над столом. Фотография была снята весной 1978 года, 9 «А» класс Кварндаммской школы. Многие из парней специально вырядились, напялили кепки и солнцезащитные очки, висели друг на друге, пытаясь выглядеть крутыми. Вот они с Кариной рядом, позади них Викинг и Кристер – Карина небрежно опирается на ее плечо сложенными в замок руками, она обвивает рукой талию Карины. Сама она широко улыбнулась в камеру, а вот Карина смотрит серьезно, взгляд у нее загадочный и мечтательный. Видны ее бедра, ее неподражаемая грудь. Рядом стоят, обнявшись, Агнета и София, обе одинаково веселые. Биргитта – единственная на фотографии, кто не смотрит в камеру, она стоит последней справа, повернувшись в сторону, видны только ее черные волосы и острый профиль. Маленькая фотография Карины под общим снимком, несмотря на скромные размеры, великолепна – волосы, губы, глаза...

Сусанна сосредоточилась на прогнозе погоды по радио, метеоролог бормотал что-то, словно зомби, но вот он уже оставил позади Свеаланд и долину озера Мэларен. Оторвавшись от фотографий, Сусанна вернулась к шкафу, выбрала две пары джинсов.

Она слишком высокая, у нее слишком маленькая грудь и слишком широкие бедра, но все это можно компенсировать, если правильно одеваться. Главное знать и учитывать особенности своей фигуры, чтобы в целом производить нормальное впечатление. Она знала, что для этого нужно – маленькие туфельки на низком каблучке, избегать поперечных полос, которые подчеркивают бедра, все эти очевидные правила, ну и свободные блузки с красивыми вырезами, ее любимые на нынешний момент – лимонно-желтая от *Fruit of the Loom* и мятно-зеленый джемпер от *UCLA*, модные бренды и приятные на ощупь материалы.

«...в течение дня пасмурная погода сменится...»

Почему Норрланд всегда упоминают в прогнозе последним? По какой причине всегда двигаются снизу вверх, от Сконе и на север? Разве не логичнее было бы начать сверху, а потом пойти вниз? Ведь

именно так обычно поступают во всех иных ситуациях. Никто не читает книжную страницу снизу вверх.

Бросив джинсы на кровать, она подошла к окну. Солнце встало уже пару часов назад, распространяя зыбкий, трудно поддающийся описанию свет. Термометр, который Поросенок помог ей прикрутить к раме, показывал плюсовую температуру – правда, всего один градус тепла, но все же. Многообещающе!

«...на побережье и в материковой части Норрланда. Переменная облачность, на юге Лапландии возможны снежные бури. Температура от плюс одного до плюс девяти градусов. Вечером и ночью ясно...»

Девять градусов тепла, вот как надо было сказать! Никаких теплых колготок под брюки, никакого шарфа, достаточно налобной повязки.

Она вернулась к кровати, на которую бросила джинсы. Ведь она может выбрать совсем светлые, которые дышат летом, зеленеющими березами, бурлящими ручейками и полуночным солнцем. Проклятие! Ее самые светлые джинсы ей маловаты. В них будет неудобно сидеть, но что поделаешь? Девять градусов! Пастельные цвета с головы до пят – и майка, и джемпер.

Она снова поспешила на цыпочках в туалет, ощутила сквозняк на полу, помыла лицо и подмышки. Брызги полетели во все стороны, на полу образовалась лужа – Сусанна вытерла ее полотенцем. Мама сто раз говорила ей, чтобы она так не делала: «Полотенце – это не половая тряпка!» Но кому какое дело до обычного полотенца, купленного в супермаркете? Которое к тому же посерело от того, что его выстирали вместе с черным носком? Да-да, стирала-то она, но не она оставила в машине черный носок – привет, Поросенок! К тому же пол совсем не грязный. Она прокатала под мышками роликовым дезодорантом с цветочным запахом и помахала локтями, чтобы влажные пятна поскорее высохли. Мама грохотала на кухне посудой – судя по ее шагам, она набирает в легкие воздуха, чтобы издать утренний клич.

– Хокан, ты поднялся?

Само собой, он еще не встал. Можно было и не спрашивать. Она выскочила из туалета, сжала руку в кулак и заколотила в дверь брата.

– Поросенок, вставай живо!

Бормотание за дверью, жалобное поскрипывание кровати.

Она поспешила обратно в свою комнату, плюхнулась на пуфик перед трюмо. Так, надеть носки – не уродливые «трубки», а настоящие, с пяткой. Поймала себя на том, что сидит, скрючившись, так не годится. Выпрямила спину – для высоких осанка важнее всего. Не пытаться съежиться, это вызывает презрение.

Она увидела свои глаза в зеркале, и страх снова вонзил в сердце когти. Из этой комнаты она давно уже выросла – плакаты с *ABBA* и *Viggen*^[27] на фоне заката, стопки журналов и книг про Китти на полках, собрание пластинок с песенками из мультиков Диснея. Мама не могла понять, почему она не хочет убрать подальше всю эту ерунду для маленьких девочек, несколько раз предлагала ей свою помощь.

Маме Сусанна не могла объяснить. Проблема в том, что она не может показать, кто она такая, вернее, кем она становится. Единственный шанс за что-то зацепиться – это держаться за прошлое. Она не хочет лгать, не хочет притворяться, но быть откровенной тоже не получится.

Сусанна крепко зажмурилась. Все равно никто ничего не знает, так что плевать.

Широко раскрыла глаза, снова посмотрела на себя, сделала глубокий вдох.

Любовь снаружи не видна, и мысли тоже.

Внизу в кухне мама захлопнула дверь кладовки.

– Сусси, ты будешь какао?

– Нет, спасибо.

Она отыскала тушь – *Max Factor*, водоустойчивая, самая лучшая. Нанесла довольно много, но не настолько, чтобы тушь скаталась комками. Подводка, серый карандаш – черный слишком резко смотрится на скандинавской коже, затем легкая бирюзовая линия по внутреннему краю нижнего века. Брови – немного серого, просто чтобы подчеркнуть. Она поморгала и оглядела себя в зеркале. На фоне темных подводок ее глаза казались светлее – скорее зелеными, чем карими. Под конец выдавила из тюбика приличную дозу «Клерасила» и нанесла поверх прыщей на лбу. Не толстым слоем, но достаточно. Выдохнула, подождала, пока крем высохнет, тем временем по радио опять стали передавать эти бесконечные новости. Какая-то забастовка или локаут, люди не вышли на работу, посредники, переговоры, профсоюзы – она выключила радио. Затем попудрилась. Не сильно, не

настолько, чтобы все это легло панцирем, но достаточно, чтобы красный прыщ у виска стал менее заметен.

– Сусси, будешь жареный тост?

Мама известно, что от хлеба толстеют.

– Нет, спасибо, мама, я скоро приду.

Светло-розовый блеск с запахом клубники, от которого губы слипаются. Волосы вроде ничего. Или все же стоило помыть их вчера вечером? Ах черт! Где у нее сухой шампунь?

– Ты опоздаешь на автобус, Сусанна.

Теперь она стала Сусанна, внизу начали раздражаться. Она посмотрела на часы – на свой *Swatch*, о, как она обрадовалась, когда открыла пакет с рождественским подарком. Хотя сейчас появились новые модели, куда изящнее, она знала несколько человек, кому купили такие этой весной. Они продавались в магазине Холмгрена в городе, так что все их видели и знали, что у нее старые. Мама носит одни и те же часы с двадцати пяти лет, *Certina New Art* в золоте, но ведь это неувядающая классика, чего тут сравнивать.

Ну да, она не собирается опаздывать на автобус. Нашла сухой шампунь, вытряхнула немного белой пудры на кожу у основания волос, быстро провела несколько раз щеткой по волосам.

Затем засунула ноги в джинсы, легла на кровать и изо всех сил втянула живот. Ей пришлось использовать щипцы, лежавшие под рукой на тумбочке у кровати, чтобы застегнуть молнию. Так, теперь *Fruit of the Lome* и джемпер *UCLA* сверху. Она вытащила свою школьную сумку, сняла фотографию Карины с доски над столом и положила во внутренний карманчик. Нетвердой походкой спустилась вниз по лестнице – джинсы оказались действительно очень узкие.

– Хокан встал?

Мама стояла в прихожей в уличной одежде, держа в руке связку ключей от пасторской канцелярии.

– Я постучала ему в дверь.

Ее взгляд скользнул по лицу и фигуре Сусанны, одобрителный кивок.

– Сегодня обещали девять градусов, – сказала мама.

Сусанна выпрямила спину, мама обратила взгляд в сторону верхнего этажа и набрала воздуха в легкие.

– Хокан!!!

Приглушенный рык в ответ, словно из пещеры:

– ДА!!!

Мама удовлетворенно кивнула и взбила прическу перед зеркалом в прихожей.

– Сусси, у меня сегодня вечером на работе собрание, ты могла бы около шести поставить картошку?

Ну вот, ничего-то она не помнит!

– Мама, у меня «Полярный круг»!

– Ах да! Ну ладно, тогда придется папе, хорошего тебе дня...

– Почему не Хокан? Почему ему всегда удается отвертеться?

Но мама уже вышла на улицу, дверь за ней захлопнулась с громким щелчком. Стало совсем тихо. Поросенок точно не встал.

Сусанна перевела дух. Как хорошо, когда кухня полностью в ее распоряжении. Когда можно самой выбрать в холодильнике, чего бы ей хотелось поесть, какие взять приборы, какую посуду. Маме не нравилось, когда она доставала тарелки от рёрстрандского сервиза, но зачем нужна вся эта посуда, если ею никогда не пользоваться?

Она быстро сделала себе тарелку овсяных хлопьев с кефиром, отрезала кусочек полукопченой колбасы – «толстеют не от мяса, толстеют от соуса». Подумать только, было время, когда она не понимала сексуального подтекста этой поговорки. Уже совсем убегая, она почистила зубы в гостевом туалете пастой *Tätt intill* – от нее зубы становятся белыми, а дыхание чистым, хотя сама она ярко-красная. Маме это не нравится – на моющихся обоях, куда попали капельки, появились светлые пятна, это явно доказывает, что паста соответствует заявленному: отбеливает все желтое.

Ну вот, осталось принять последнее решение: в результате она остановилась на розовой куртке с подплечниками и светло-коричневых ботинках, потому что сегодня уже почти лето.

Ну ладно, пока еще не совсем. Холод обжег щеки, она поправила светло-розовую налобную повязку, чтобы та закрывала уши. Дорожка от дома покрыта льдом. Чтобы удержать равновесие, Сусанна раскинула руки, как канатоходец – может быть, не очень красиво, но ее здесь никто не видит. Тротуар, к счастью, без снега. Теперь она могла немного расслабиться и прибавить ходу. Шла, выпрямив спину,

откинув плечи чуть назад: помним про высокий рост и презрение. Бросила взгляд на свои старые часы – она успеет, никаких проблем.

А вот и остановка, там почти пусто. Да, ведь сегодня промежуточный день. Вчера было первое мая, день рабочего движения, а завтра – суббота, день потребления. Народ так легко переходит от одной крайности к другой. Это наглядно показывает двойственную природу человека. Как бы то ни было, у многих учителей сегодня методический день, и ученикам не надо в школу. А ей надо, но это не страшно. Что ей делать в своей девчачьей комнате – кроме как учить уроки и разглядывать старые школьные фотографии с Кариной?

Налобная повязка была великовата, съезжала на лоб. Сусанна и забыла, что эта розовая так растянулась. Ну ладно, она оттянула ее на затылок, потом увидела компанию парней. Кристер Шильц, лучший друг Викинга, Пекка Карлссон и Стефан Алатало, еще кто-то. Все они учатся последний год на автомехаников, она всех их знает с незапамятных времен, несколько месяцев в конце девятого класса она встречалась со Стефаном. Пару раз они неуклюже позанимались сексом на узкой кровати в его мальчишеской комнате, было не больно, но не очень-то здорово. Когда она проходила мимо, парни обычно всегда начинали толкать друг друга и о чем-то шептаться, что-то выкрикивать – она всегда игнорировала их. Сейчас они столпились вокруг Кристера и что-то там рассматривали – то ли комиксы, то ли спортивный журнал, то ли порно.

Миновав их с полузакрытыми глазами, она встала на другом конце остановки, поглядывая на вершину холма.

Оттуда обычно появляется Карина.

Почему она идет в школу так рано? Уроки в Кварндаммской школе начинаются в восемь десять. Она могла бы пробыть дома еще не менее получаса.

Может быть, потому, что ей хочется пройти мимо остановки? Посмотреть на кого-то – может быть, даже на нее? От этой мысли лицо у нее запылало, Сусанна уставилась в землю, радуясь тому, что на ней слой пудры.

Парни громко загоготали, она повернулась к ним спиной.

Сусанна и сама не помнила, когда влюбилась в Карину. Возможно, она была влюблена в нее с самого детства. Карина ни на кого не

похожа, ее просто невозможно описать. Она не смотрит ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад, уверенно шагая по жизни или проходя мимо шумной компании парней. Волосы у нее, как у кинозвезд в Голливуде, огромная грудь и узкие бедра, и она ничего не делает со своей внешностью. Куртка на ней та же, что и в девятом классе, которая уже тогда вышла из моды. Охотничьи брюки, фланелевые рубашки, бесформенные акриловые свитера домашней вязки – она частенько донашивает вещи за старшими братьями. И грубые ботинки для езды на скутере – уже одна эта деталь. Тем не менее ей удавалось оставаться убийственно красивой. В ней было нечто чужеродное, пылающее – темное и сверхъестественное. Она была роковая. Все вокруг нее становилось опасным для жизни.

Вот! Вот она идет! Сусанна невольно охнула при виде Карины. Куртка расстегнута, тяжелая сумка бьется о бедро, волосы разметало на ветру. Сама того не осознавая, Сусанна подняла руку в приветственном жесте, помахала, широко улыбаясь. Карина ее не заметила. Сусанна опустила руку. Покосилась на парней: никто из них не заметил ее реакцию.

Глядя из-под налобной повязки, она рассматривала Карину. Как та двигалась, слегка покачиваясь на каждом шагу, как ритмично, словно в танце, поднимались и опускались ее бедра. От одного ее вида у Сусанны подкашивались ноги, в животе словно забурлила целая бутылка шипучки.

Но вот на вершине холма показался автобус, переключился на малую передачу и с тяжелым вздохом подполз к краю тротуара. Кристер поднял глаза и заметил Сусанну, она ощущала спиной его взгляд, но игнорировала его. Садясь в автобус, пыталась проследить за Кариной глазами, оставаясь невидимой. Не хотела выдавать себя.

Автобус был почти пуст. Она прошла далеко назад. Кристер шел прямо за ней, его присутствие вызывало у нее легкое чувство неудовольствия. Она выбрала место у окна слева, Кристер сел впереди нее. Встал коленями на сиденье, подался в ее сторону через спинку, вся компания расположилась вокруг него, Сусанна смотрела в окно.

– А знаешь, чем Хокан занимался на Вальборг^[28]?

В его голосе звучали какие-то надрывные нотки, не предвещавшие ничего хорошего. Боже милостивый, что еще натворил ее придурковатый братец? Она вздохнула. Достала из кармана куртки

«шейк», разорвала бумажку, целиком засунула большущую жвачку в рот и посмотрела на Кристера ленивым взглядом.

– Если честно, – проговорила она, жуя, – то я испытываю тотальное равнодушие к тому, чем развлекается компания на мопедах возле киоска Дагге. Мы с Биргиттой ходили на Вальборг в кино, смотрели «Респектабельную жизнь» Стефана Ярла, ты видел?

– Он потерял невинность. И знаешь, с кем?

Ей стало не хватать воздуха. Она продолжала жевать. Кристер и все остальные парни, сгрудившиеся вокруг него, смотрели на нее блестящими глазами. У нее начали гореть щеки – какое счастье, что она основательно напудрилась.

Она опустила глаза, взяла сумку, принялась рыться в ней, нашла библиотечную книгу, которую они собирались обсуждать вечером на книжном клубе, – «Корни» Алекса Хейли. Книгу выбрала она, сегодня ее очередь выступать в роли ведущей, обсуждать, подавшись вперед, глядя на Карину, глаза в глаза.

Она открыла книгу на том месте, где лежала закладка, перелистала вперед и назад, словно ища что-то. Отметила про себя, что руки спокойны, ничуть не дрожат.

– Ты видел его? – спросила она, поднимая глаза на Кристера.

Тот заморгал.

– Чего?

– «Респектабельную жизнь». Уникальный фильм, документальный. Невероятная история. Первый вышел десять лет назад, «Нас называют неприкаянными». В этом Стоффе умирает от передозировки на станции *T-Centralen*.

Она надула из жвачки большой пузырь, потом опустила голову и принялась читать.

– С Кариной Бюрстранд! Кариной Бюрстранд! У которой такие огромные сиськи!

Мир накренился, все замерло. Сусанна почувствовала, как вся кровь отлила от головы, прилила к животу и паху, звуки вокруг нее стали тяжелыми и вязкими. Дышать, дышать. Не отрывая взгляда от книги, она жевала и переворачивала страницы, ничего не видя.

– Завидуешь? – спросила она, не поднимая глаз.

Кристер засмеялся, но его смех прозвучал как-то неуверенно. Во всяком случае, он опустил и сел на сиденье, как положено. Вся

компания оставила ее в покое.

Ей стало трудно дышать, к горлу подкатывали слезы. Автобус заурчал, взбираясь на пригорок. Сусанна почувствовала, как ее затошнило, в груди словно ком. А что, если ее и вправду вырвет?

Автобус, едва разогнавшись, резко затормозил. Сусанна выронила книгу, ей пришлось так крепко схватиться за спинку переднего сиденья, что заныли запястья. Она вытянула шею, пытаясь понять, что произошло. Похоже, впереди какие-то дорожные работы. Наконец-то что-то делают с мостом, ведущим на ракетную базу. Она потянулась за книгой, улетевшей под сидение Кристера.

– Можно мне мою книгу, пожалуйста? – произнесла она.

Голос звучал легко и светло, однако она опасалась, что он ее выдаст, сорвавшись в плач.

Кристер наклонился и поднял книгу, протянул ей. Автобус снова тронулся. Когда она уже собиралась взять книгу, парень снова отдернул руку, так что она не могла достать.

– Что сказал Хокан? Какова она в постели?

В ушах свистело так, что она с трудом воспринимала происходящее. Мимо окна автобуса проносились деревья, ветки тянулись к стеклам. Кристер ухмылялся, помахивая книгой за пределами досягаемости.

– Давай уже, рассказывай. Она кончила?

Сусанна проглотила слезы, преодолела приступ тошноты, усилием воли отогнала желчь куда-то к пупку. Склонив голову набок, посмотрела прямо в глаза Кристеру.

– В историческом плане женщина сама выбирала, с кем ей заниматься сексом, и изначально родство считалось по материнской линии. И только когда до мужчин дошло, что они – отцы детей, они учредили брак, чтобы контролировать женскую сексуальность.

Автобус резко повернул влево, на 374-ю трассу, и покатился в сторону Эльвсбюна.

– У женщин сексуальные способности значительно превосходят мужские. Вы можете только один раз, потом он у вас повисает траурным флагом. Мы можем заниматься этим сколько угодно.

Кристер протянул Сусанне книгу, она взяла ее с нейтральным выражением лица.

– Спасибо, – проговорила она.

На самом деле ее благодарность предназначалась не Кристеру, а Биргитте и ее феминистским монологам.

И пока автобус с грохотом несся в сторону Эльвсбюна, слезы сжались внутри нее в комки, превратившись в колючие шарики хаоса.

* * *

Школьный автобус оставил позади пустошь. Здесь мы имеем в виду не какое-либо художественное преувеличение или стереотипное описание местности, а самое что ни на есть буквальное. Имея в своем распоряжении 8000 квадратных километров воздушного пространства и 3300 квадратных километров суши, ракетная база была и остается крупнейшей в Европе зоной для испытаний оружия массового уничтожения. Мы говорим о территории размером чуть больше американского штата Род-Айленд.

По вполне понятным причинам этот участок, определяемый как плоскогорье, не может быть использован для других целей, помимо вышеуказанной. Люди, проживавшие тут ранее, давно эвакуированы. Остатки зданий в деревне Науста стоят, словно тени прошлого: дом, сенной сарай для зимовки. Три саамских деревни используют пастбище для северных оленей, оленеводов заранее предупреждают о проведении испытаний. Считается, что отношения между базой и саамами сложились хорошие, как и отношения с жителями муниципалитета в целом.

Дело в том, что ракетная база – крупный работодатель. Приезжающие сотрудники оборонных структур, арендующие базу, чтобы испытывать свои бомбы, также приносят жителям дополнительный источник дохода. Поначалу с местными сотрудниками происходили несчастные случаи, но со временем удалось обеспечить более высокий уровень безопасности.

За долгие годы ракетной базой пользовались представители различных национальностей – американцы, немцы, французы, японцы, швейцарцы, голландцы и даже турки, хотя последних, похоже, больше не приглашали. Разрешение на использование сооружений базы выдавалось непосредственно правительством Швеции. Руководство ракетной базы никогда не сообщает, КОГДА что-то будет происходить,

КТО проводит испытания и ЧТО испытывается. Это военная тайна. Все планы-графики засекречены.

Разумеется, при базе есть собственный аэродром. Много из того, что здесь взрывается, доставляют самолетами, однако далеко не все. Материалы для различных конструкций – таких как мосты, дороги, здания, инфраструктура – частенько подвозят по земле. Поэтому, когда в начале 1970-х годов базу разрешили использовать иностранным державам, возникла потребность построить более прочный мост через реку Питеэльвен.

Его построили вблизи поселка Стентрэск весной и летом 1980-го года.

А секретность по поводу того, кто находился на ракетной базе в августе того года, стала, как говорят, причиной одного из немногих конфликтов между базой и местным населением за несколько десятилетий.

* * *

Никогда еще расстояние до комнаты сказок не казалось таким непреодолимым. Линолеумный пол засасывал, словно топкое болото Кальмюрен.

Она настроилась серьезно: железная воля и непроницаемая броня.

Агнета и София уже пришли. Сидели на креслах-мешках, рядом с каждой лежало по экземпляру «Корней». У Сусанны возникло легкое ощущение провала, вернее, разочарования – ей хотелось немедленно припереть к стене Карину, или, по крайней мере, увидеть ее. А с Софией так сложно. Она отвечает как-то шиворот-навыворот, нередко односложно, в ней нет ни капли обаяния. Более всего она напоминает перегоревшую лампочку: блестящая и изящная снаружи, но темная и немая внутри. А Агнета заикается, что тоже осложняет общение. Ведь не следует помогать и подсказывать слова, которые заика пытается выговорить, а когда ты человек словоохотливый, как Сусанна, то все это ужасно тяжело.

Она поприветствовала их так весело и непринужденно, как только могла, и выбросила жвачку в мусорную корзину. Агнета ответила, а София промолчала. Очень в ее духе. Она сидела и строчила что-то в

своим вечном блокноте – но стоп, что это на ней за джинсы? Неужели новинка от *Puss & Kram*?!

Сусанна почувствовала, как что-то щелкнуло в голове. Как это возможно? Где она их достала?

– Какие красивые джинсы, – проговорила она без всякого восторга в голосе. – Где ты их взяла?

София подняла глаза.

– Спасибо, – ответила она и продолжила писать.

Единственное место, где, как знала Сусанна, продается продукция *Puss & Kram* – бутик на улице Гамла Бругатан в Стокгольме. Сама она, конечно, никогда там не была, но читала об этом – даже нашла в автодорожном атласе эту узкую улочку в центре столицы. Когда София успела там побывать? Или же эти джинсы можно купить в каком-то другом магазине, который она пропустила? Наверняка, но где именно? Можно ли заказать через почтовый каталог? Они сидели как приклеенные, красивые и узкие, как сценический костюм Агнеты из *ABBA*. Папаша Софии постоянно ездит в Стокгольм на конференции социал-демократов, но так подобрать джинсы без примерки просто невозможно. И кофта, надетая на Софии, тоже новая – какой-то неизвестный Сусанне материал, вроде мягкой шерсти. Меринос? Или кашемир? Все возможно, но какое расточительство! Такие шмотки – на перегоревшей лампочке.

Сусанна уселась на детский диванчик – туда садилась та из них, кому предстояло вести заседание клуба.

Где же Карина? Ведь она всегда приходит рано. А что, если она вообще не появится?

Агнета сидела и грызла ручку – ужасная привычка у любого другого, но только не у Агнеты. Ей удавалось даже следы зубов на пластике оставлять элегантные, просто невероятно. Она так естественно грациозна. Как всегда, одета в тонкую одежду бежевого и бледно-розового цвета, светлые мешковатые джинсы еще больше подчеркивали ее стройность. Вероятно, это работает, потому что у нее бедра, как у мальчика – узкие и костлявые. Даже жидкие волосы ей идут, как ей удается все свои недостатки превращать в достоинства? Хотя заикание – штука неприятная. Оно ей точно очень мешает.

Боковым зрением Сусанна заметила, как в комнату сказок влетела Карина, горло сдавило, дышать стало трудно. «Какова она в постели?

Ей понравилось?»

Карина поздоровалась так же лениво и равнодушно, как обычно, – или же она избегает Сусанну? Плюхнулась в кресло-мешок, не снимая куртки, принялась рыться в сумке. Ни разу не подняла глаз на Сусанну. Намеренно?

Появилась Биргитта – хотя она сегодня свободна и пришла не прямо с автобуса из Питео. Ее черные волосы тщательно расчесаны, на ней вареные джинсы с тесьмой вдоль шва. Ее самые лучшие. В чем тут дело? Она куда-то собралась! На вечер у нее планы, о которых Сусанна не знает!

– На этот раз мне бы очень хотелось, чтобы вы действительно поставили на место мешки, когда закончите, – сказала Астрид. – Чтобы мне не пришлось, придя в субботу на сказочный час, первым делом убирать за вами.

Она бросила на Карину косой взгляд, в котором читалась обида. Библиотекарша вышла, захлопнув за собой дверь и, вопреки обыкновению, не помахав им.

Сусанна тщательно подготовилась еще на неделе, за что была сейчас бесконечно благодарна самой себе.

София раздала протокол прошлого месяца, исключительно краткий. Самый короткий за всю историю клуба – как и само тогдашнее заседание, он обрывался на полуслове.

– Ну что ж, рада, что мы смогли встретиться, несмотря на праздники и забастовку и все такое, – начала Сусанна, и ей удалось говорить как обычно. – Для начала несколько слов об авторе: Алекс Хейли, чернокожий американский писатель, который решил изучить устную традицию своей семьи и разыскать своих предков в Африке. Таким образом, этот роман – правдивое повествование об истории его семьи. Вместе с этой семьей мы проходим все ужасы рабства, подумать только, что люди могут быть так жестоки друг к другу...

Боковым зрением она увидела, как Карина повернулась на своем мешке – у нее еще хватает наглости сидеть тут, как ни в чем не бывало! Изображает из себя знатока литературы, а на самом деле думает о том, как совокуплялась с ее младшим братом – *е е младшим братом!*

Тут до нее дошло, что в помещении повисла тишина – остальные с удивлением уставились на нее. Оказывается, она внезапно замолчала

– последняя неоконченная фраза повисла в воздухе. Так что она перевернула страницу в книге, сделала глубокий вдох.

– Кунта Кинте. Так звали предка Алекса Хейли. В возрасте семнадцати лет он был похищен белыми работорговцами в Африке и продан, наравне со скотом, по другую сторону океана. Когда он пытается сбежать, работорговцы отрубают ему одну ступню.

Она почувствовала, что ей стало трудно говорить. Никто из остальных на нее больше не смотрел, ее голос дрожал, когда она продолжила говорить.

– Кунту Кинте переименовали в Тоби, и у него родилась дочь Киззи – и ее тоже в шестнадцатилетнем возрасте продают, словно корову или свинью, над ней издеваются и насилуют и... и...

Она не могла больше сдерживать слезы.

– Короче, – проговорила Карина и выпрямилась на своем пуфике. – Все это совсем не так.

Агнета протянула Сусанне бумажный платок – та взяла его, не поднимая глаз.

– Мы все читали этот роман, – продолжала Карина, – и знаем, что твое описание не соответствует действительности. Кунту Кинте берут в плен не белые работорговцы, а черные работорговцы. Не белые придумали рабство, черные сами очень долго его практиковали. И не работорговцы отрубают ему ноги, зачем им портить свой товар. Его калечат охотники за рабами. Но это не самое главное. Никакая это не «правдивая история».

Слезы разом высохли.

– Что ты хочешь сказать? – переспросила Сусанна, и ее голос прозвучал гораздо более гневно, чем она бы хотела.

Карина посмотрела на нее холодным равнодушным взглядом.

– Никакого Кунты Кинте в деревне Джаффуре в Гамбии не существует. У семьи Валлер, которая якобы купила «Кунту Кинте», был раб, которого звали Тоби, но он умер в 1782 году, за восемь лет до рождения Киззи. Но Киззи, похоже, вообще не существовало, как и ее сына...

– Ты просто лжешь, – горячо выпалила Сусанна. – Назло все портишь.

Карина пожала плечами.

– Это утверждаю не я, а *The Sunday Times*. Несколько лет назад там опубликовали большую статью про «Корни», в шведских газетах тоже об этом писали. К тому же часть истории Алекс Хейли украл из другой книги – романа «Африканец» Харольда Курлендера.

Сусанна ощутила неприятное покалывание в ладонях, сжала руки в кулаки, пытаясь избежать этого ощущения.

– Все это брехня. Все, что ты говоришь, – чушь собачья.

Карина развела руками.

– По крайней мере, Алексу Хейли пришлось заплатить много сотен тысяч долларов Харольду Курлендеру в качестве компенсации.

– Ты переспала с Хоканом?

В комнате все замерло. Все круглыми от изумления глазами смотрели то на нее, то на Карину, то куда-то между ними. Карина потрянула головой, отбросив волосы со лба, – казалось, ее все это нисколько не смущает.

– Почему ты спрашиваешь?

Сусанне пришлось сглотнуть, чтобы не закричать в голос.

– Ему пятнадцать лет!

– Вот именно! По закону он созрел для секса^[29].

София подняла руку, словно желая задать вопрос в классе.

– Мне это записывать?

– Не надо, – ответила Карина. – Ты можешь продолжить – рассказать, что ты думаешь о книге.

У Сусанны перехватило дыхание – проклятая Карина, вот сучка!

София положила ручку и выпрямила спину. Отзываясь о книгах, она начинала говорить, как робот, словно записала каждое слово и выучила наизусть.

– «Корни» – интересная история. Любопытно проследить, как черная семья из Африки попала в рабство в Америке.

На мгновение она задумалась.

– По-моему, не играет роли, правда это или нет.

Все это могло происходить на самом деле – мне так показалось.

Она взяла ручку, поправила очки и снова опустила глаза в блокнот.

Сусанна оторвала новую жвачку и засунула в рот, твердые края резанули по небу. В нос ударил терпкий вкус лакрицы. Карина ничего

больше не сказала и сидела теперь, уставившись на окошки под потолком, – вероятно, ей и нечего было сказать.

Сусанна обернулась к Агнете.

– А ты что думаешь о книге?

Агнета взяла свои листы с красным машинописным текстом и пробежала их глазами.

– Оч-чень хорошо написано, – проговорила она. – Возможно, это не великая литература, но увлекательно и хорошо читается. И я согласна с Софией – н-неважно, п-правда все это или нет, главное, что это *могло бы быть* правдой. И я верю в эту историю, без сомнений.

Она на мгновение задумалась.

– Хотя досадно, что Алекс Хейли скопировал другого писателя, от этого к-книга много т-теряет...

Она опустила свой лист бумаги и взглянула на Сусанну.

– В-вот что я думаю. В целом.

Щеки у Сусанны горели – и дело было не только в Карине. Почему все остальные ведут себя так странно? Никогда так раньше себя не вели. Они читали веселые, увлекательные и грустные книги, вместе смеялись, обсуждая их, иногда плакали вместе – в первую очередь, пожалуй, они с Агнетой, остальные – нет. «Корни» – отличная книга, потрясающий рассказ, такой захватывающий и достоверный...

Остальные удивленно посмотрели на нее – неужели она произнесла что-то вслух?

Она кашлянула в кулак.

– Гитте?

Биргитта выпрямилась в кресле-мешке, скрутила свои длинные волосы и перекинула через плечо, словно толстую веревку.

– Этой книгой Алекс Хейли внес огромный вклад в борьбу за права цветных в США, – сказала она. – Даже если он и использовал какие-то моменты из других романов, это не имеет никакого значения...

– Так что, цель оправдывает средства? – оборвала ее Карина. – Поскольку черные были обращены в рабство сто двадцать лет назад, мы можем сегодня не заботиться о правде?

На несколько мгновений Биргитта закрыла глаза, потом вздохнула, тряхнула волосами и поднялась.

– Знаете, что? – проговорила она. – Я сегодня не совсем в форме. Мне очень жаль, но я чувствую, что придется и на этот раз уйти раньше.

Она схватила свою сумку и успела дойти до двери, прежде чем Сусанна поднялась.

– Подожди, – выпалила Сусанна, хватая ее за руку.

Биргитта не может уйти без нее, не может оставить ее здесь одну. Сусанна снова обернулась к Карине.

– Ответь честно, ты занималась сексом с моим младшим братом?

Карина широко раскрыла глаза – в своей обычной манере.

– Ты уверена, что это тебя касается?

– Ты выбрала nepотpeбную книжку про старого извращенца, который совращает юных девочек. Сама ты развратница, которую тянет на молодое мясо.

Сусанна невольно охнула – не могла поверить, что у нее вырвались такие слова. Боже, что она натворила? Остальные уставились на нее, кровь снова прилила к лицу. Карина стояла с открытым ртом.

– Но Сусанна, – сказала Агнета. – Подумай, что ты т-такое говоришь.

Карина громко сглотнула.

– Да ладно, – проговорила она. – Пусть я буду главной развратницей группы. Не можем же мы всей толпой бегать за Викингом.

Она оглядела их всех, переводя взгляд с одной на другую, ее взгляд остановился на Сусанне.

– Ты прекрасно знаешь, что у тебя нет шансов, поэтому делаешь ставку на второй номер. Все идет прекрасно, не так ли, Кристер заинтересовался? Это он сказал тебе, что я спала с Хоканом?

Сусанна открыла было рот, но воздух весь закончился, она так и не смогла ответить. Карина взяла сумку, кивнула Софии.

– Ты с ним в одном классе – скажи, у кого-нибудь из нас есть шансы?

В очках Софии отражались лампы дневного света под потолком, невозможно было понять, как она реагирует.

– Викинг такой же, как все остальные парни. Ему нравятся хорошенькие девушки, которые проявляют к нему интерес и ценят его.

Биргитта развернулась, распахнула дверь и поспешила прочь в сторону отдела подростковой литературы.

– Это не по-товарищески, – сказала Агнета Карине.

– Без тебя знаю, – ответила Карина и тоже вышла.

Сусанна осталась стоять, словно ноги приросли к полу. Она не понимала, как ей теперь уйти отсюда.

– Я совершенно уверена, что у кого-нибудь из нас есть шансы, – продолжала София, словно не обратив внимания на торнадо, пронесшийся по комнате. – Влюбленность прямо связана с доступностью – чем ближе, тем лучше, и с местом, которое человек занимает в группе. Надо быть симпатичной и хорошо выглядеть, тогда твои акции поднимаются в цене.

Она повернулась к Агнете.

– Пойдем сходим в кондитерскую Лундберга?

– Мне надо домой, маме опять плохо, – ответила Агнета еще более уклончиво, чем обычно.

– Что с ней на этот раз? – услышала Сусанна свой собственный голос.

Агнета покраснела.

– П-просто нерегулярно принимала лекарства, – ответила она, взяла свой шарф и ушла.

Сусанна взяла свою сумку, стала рыться во внутреннем кармане, ища носовой платок. Когда она вытащила его, из кармана выпала фотография Карины – тот самый маленький снимок из девятого класса. Он приземлился на пол прямо у ног Софии, обратной стороной вверх. В тот день, когда они обменялись фотографиями, Сусанна нарисовала фломастером на обороте розовое сердечко. Теперь же оно сияло на фоне линолеума, словно сигнал опасности. Боже милостивый! Только бы София ничего не заметила! Сусанна уже занесла ногу, но София опередила ее. Она быстро наклонилась, подняла снимок, перевернула и провела пальцем по полным губам Карины. Подняла на Сусанну торжествующий взгляд.

– Стало быть, ты влюблена в нее, – сказала она.

Сусанна вскинула руку и наотмашь ударила ее по лицу. Не то чтобы очень сильно, но ладонь обожгло. Очки Софии сбились в сторону, она пошатнулась, сделала шаг назад. Ее глаза за стеклами очков потемнели.

– Никогда не смей так говорить, – ответила Сусанна и сама не узнала свой голос.

Они стояли неподвижно, глядя друг на друга.

– А иначе – что будет? – спросила София.

– Не смей, – повторила Сусанна. – Я не шучу.

– Ты еще пожалеешь об этом, – заявила София, поправила очки и взяла свою сумку.

Решительно засунув фотографию Карины в свой бумажник, она схватила свою куртку и удалилась.

Сусанна стояла неподвижно, пока не услышала, как захлопнулась входная дверь. Потом плюхнулась на детский диванчик и вжалась в него так сильно, что он чуть совсем не проглотил ее. Закрыла глаза, целиком отдавшись чувству стыда, горя и страха. «Что сказал Хокан? Как она в постели?» «Стало быть, ты влюблена в нее»...

Сусанна попыталась заплакать, но ничего не вышло. Злость обернулась сухими судорожными всхлипываниями. Что она наделала? Теперь ее фото у Софии, все пропало. Никогда она больше носу из дома не высунет. Это конец.

Прижав колени к груди, она обхватила их руками и принялась укачивать сама себя порывистыми мелкими движениями. За стеной проехал мимо грузовик, так что стекла задрожали. Сусанна слышала голоса, чей-то смех. Снаружи царил вечер пятницы, время ликования.

Здесь она больше не может оставаться. Она с трудом поднялась с низенького диванчика. Тело двигалось механически: она отметила, как руки схватили кресла-мешки и поволокли их к отделу подростковой литературы. Погасили свет и заперли дверь в комнату сказок, надели верхнюю одежду, убедились, что в остальных помещениях пусто. Затем она вышла, заперев за собой дверь, оставила ключ на стойке администратора в отделении полиции и замерла на тротуаре снаружи.

Температура вновь устремилась к нулю. Розовая куртка слишком тонкая для мороза. От ледяных порывов ветра голова прояснилась.

Она должна поговорить с Биргиттой. Открыться ей. Биргитта будет шокирована, но не станет ее осуждать. Казалось, что-то внутри вот-вот разорвется на части – не то в голове, не то в сердце. Биргитта – ее лучшая подруга, она должна понять.

Сусанна двинулась вниз, миновала здание школы и пошла по тропинке, ведущей навверх к строящемуся мосту. Эту тропинку, которую зимой не посыпали снегом и которая летом превращалась в грязное месиво, Сусанна в обычной ситуации избегала, но сейчас ей не хотелось ни с кем столкнуться. Дойдя до таунхаусов, она свернула влево и пошла по Бергвеген в сторону Олимпа. На самом деле улица, откуда открывался живописный вид на реку, называлась не так, это прозвище ей дали жители. Было светло как днем, солнце вообще едва зайдет, но налетели облака, мир казался серым и туманным. Ее розовая куртка выделялась среди молочно-белого тумана. Для подъема вверх по склону джинсы оказались слишком узкими, врезались между ног, она запыхалась, пока поднялась на вершину холма, где жил папа Биргитты. Она остановилась, чтобы перевести дух. В кирпичной вилле горели окна, изнутри доносилась музыка. По телевизору сейчас могли передавать разве что новости – забастовка, о которой она слышала утром, сказала и на выпусках телепередач. Папа Биргитты, начальник ракетной базы, мог позволить себе и вид на воду, и стереоустановку. Его новая жена работала врачом в больнице, как и мама Биргитты. Если верить слухам, старая и новая жена когда-то были лучшими подругами – что само по себе очень противно. Неужели можно вот так предать лучшую подругу. Сусанна не была уверена, что это правда.

Подойдя к входной двери, она нажала на кнопку звонка. От этого внутри заиграл небольшой карильон. Ей открыл один из близнецов, на заднем плане ссорились из-за чего-то остальные дети.

– Привет, Биргитта дома?

Сусанна намеренно не назвала мальчика по имени: не различала Хампуса и Себастиана.

– Не-а, она ушла.

Мальчишка начал закрывать дверь у нее перед носом.

– Ты не знаешь, когда она вернется?

– Привет, Сусанна, – с казала Гунилла, коварная подруга, высунувшись из кухни. – Биргитта ушла на читательский клуб, она вернется поздно.

Сусанна попыталась улыбнуться.

– Окей. Спасибо, Гунилла, хорошего вечера.

Мальчишка захлопнул дверь. Сусанна подняла воротник куртки, пошла вниз по дороге. Остановилась. Куда направилась Биргитта? Почему напялила джинсы с лампасами? С кем она общается в Стентрэске, кого не знает Сусанна? Или же она уехала на последнем автобусе в Эльвсбюн? Он только что ушел, а в «Форуме» сегодня дискотека. Может быть, в кино показывают какой-нибудь хороший фильм. Нет, в таком случае она спросила бы, не хочет ли Сусанна пойти с ней.

Мимо проехала машина, где-то протарахтел мопед, в остальном же улицы были пустынные.

Что же ей теперь делать? Она должна что-то предпринять. Какой идиотизм ударить Софию, как она могла вести себя так глупо? Надо как можно скорее попросить прощения.

Мэр жил неподалеку. Не с таким великолепным видом, как у семьи Ландён, – вероятно, чтобы не мозолить глаза избирателям.

Пройдя немного по Бергвеген, Сусанна свернула вправо. Большой угловой дом модели «Эгир» находился в тупике, развернутом спиной к поселку. На мосту горели фонари. В одном из окон светила лампа с вязаным абажуром, в остальном дом стоял, окутанный мраком. Сусанна почувствовала, как сердце забилось в груди. Откашлялась, собрала с духом и позвонила в дверь. Обычный звонок, никакого карильона. Дверь открыл папа Софии, мэр городка. Сусанна поймала себя на том, что невольно присела, словно делая книксен.

– Добрый вечер, меня зовут Сусанна, я хотела спросить, дома ли София, – выпалила она.

Жаль мэра и его жену, ведь у них есть только София. Они уже были довольно старые, когда родилась она, а потом долго бились над тем, чтобы сделать ей братика или сестричку – жене исполнилось уже сорок четыре, когда это наконец удалось. Но мальчик прожил всего несколько месяцев – наверное, у него что-то было не так со здоровьем, и после этого мама Софии ушла в себя. Нет, она по-прежнему показывалась на людях на официальных мероприятиях вместе с мужем, когда того требовал его статус, но вид у нее всегда был мрачный. Это крайне отрицательно сказывалось на карьере ее мужа – так считали поголовно все жители Стентрэска. Если бы не жена, он мог бы стать министром.

– Нет, – ответил мэр, – София ушла на свой читательский клуб. Они сидят в библиотеке. Пойди туда и постучись, там ты наверняка ее найдешь!

Так она не пришла домой! Куда же она пошла? Уже всюду распространяет свое дерьмо?

Сусанна поблагодарила и с трудом сдержалась, чтобы снова не сделать книксен.

Дверь захлопнулась, Сусанна осталась стоять на крыльце на пронизывающем ветру. В мерцании стекла закрытой входной двери страх и одиночество стали настолько остро ощутимы, что во всем теле гудело. Куда делась София? И Биргитта? Вместе пошли домой к Агнете? Нет, это исключено. Агнета со своей странной мамашей живет в двухкомнатной квартире в квартале Трэск, где многоквартирные дома постройки 1960-х похожи на казармы, отделанные снаружи металлическим листом. Все дома там на одно лицо, унылое однообразие, хотя Сусанна знала, где их квартира. Один раз она заходила в гости к Агнете попить кофе с булочками, когда у мамы был «хороший период».

Повернувшись спиной к дому мэра, Сусанна поплелась туда. Краткосрочные метели, которые, судя по прогнозу, ожидались сегодня на юге Лапландии, повисли в воздухе. Сусанна поплотнее натянула на уши повязку.

Поверит ли кто-нибудь Софии, если та начнет утверждать, что Сусанна влюблена в Карину?

Может быть, просто все отрицать? Снимок – фотография с розовым сердечком на обороте осталась у Софии, но что с того? Ничто не доказывает, что эта фотография хранилась у Сусанны.

Хотя все равно надо попросить у Софии прощения – или это равносильно капитуляции? Признанию того, что дело обстоит именно так?

Ах, если бы Биргитта была рядом!

Дорога до квартала многоквартирных домов оказалась длиннее, чем предполагала Сусанна. Шум машин с 347-й трассы доносился как отдаленный гул. Казарма Агнеты, насколько помнила Сусанна, была синяя, квартира на первом этаже.

Территория напоминала лабиринт, открытый всем ветрам. Почти все домофоны сломаны, что, впрочем, очень кстати. Сусанне пришлось

зайти в несколько подъездов, прежде чем она нашла то, что искала. Обнаружив дверь семьи Мякитало, она позвонила, но ничего не услышала. Судя по всему, звонок не работал – тогда Сусанна постучала в дверь.

За дверью послышались шаги, ей открыла Агнета. Вид у нее был весьма удивленный. Из квартиры вышел кот и ускользнул куда-то вверх по лестнице.

– Сусанна! Но... как я р-рада! Чего ты хотела? Кискис, иди сюда, дам тебе с-сливок.

Из квартиры раздался оглушительный хохот. Нет, это не телевизор. Не забастовка и не локаут. Сусанна вдруг почувствовала себя ужасно глупо – как ей вообще могло прийти в голову, что Биргитта будет сидеть и с кем-то общаться? Да еще в таком месте?

– Ой, я, наверное, не вовремя... У вас гости?

Агнета бросила взгляд через плечо.

– Не-а, это мама. У нее обострение. Но оно уже давно продолжается, так что скоро она н-наверняка успокоится... Подожди, я принесу сливки.

Агнета скрылась в квартире, там было темно. Сусанна ждала, ощущая нарастающую панику, даже подошвы ног зачесались – что она тут делает? Какая сверхидиотская идея – заявиться сюда! В подъезде резко пахло чистящим средством и готовящейся едой.

– Киса, иди сюда, киса, вот тебе...

Кот скользнул, словно тень, и снова скрылся в квартире, Агнета вышла на лестницу и почти совсем закрыла за собой дверь, оставив лишь маленькую щелку, чтобы она не захлопнулась. Вид у нее был невеселый. Сусанна точно не знала, что там с мамой Агнетой, и не ставила себе целью это выяснить.

– Так Биргитта не у тебя? Не знаешь, куда она пошла после «Полярного круга»?

– Так ее разве нет дома?

Сусанна покачала головой.

– Хочешь, з-зайди, посидим. Я испекла бисквит.

В квартире мама начала петь – громко и фальшиво. Похоже, на финском – или на меянкиели^[30].

– Нет, мне пора домой.

Это прозвучало слишком жестко, Сусанна попыталась смягчить свои слова улыбкой.

– Мы ведь увидимся на следующем «Полярном круге», – сказала она. – А то и раньше.

– Книга, которую предложила Биргитта, – сказала Агнета. – Ты прочла ее?

Сусанна провела рукой по лбу, роясь в памяти – что же это была за книга? Ах да...

– «Убийца полицейских»? Нет, я не читала, а ты? Хорошая?

– Мне вообще нравятся Шёваль и Валё, – начала было Агнета, но ее прервала мама, которая начала не то выть, не то петь йойк^[31].

– Короче, мне надо пойти присмотреть за ней.

Сусанна попятилась, сказала «пока», и Агнета закрыла дверь. Из квартиры донеслись голоса, но слов было не разобрать. Мама кричала и сердилась. Сусанна поспешила прочь, чуть не споткнувшись в дверях подъезда. Выйдя, посмотрела на окна первого этажа – там резко двигались тени.

Она поспешила домой – так быстро, насколько позволяли узкие джинсы. В волосах застревали мокрые снежинки, прическа сплющилась, как блин. Не желая ни с кем встречаться, опять прошла к центру по тропинке за школой. Всю дорогу до дома держалась боковых улиц, прячась от смеха и машин.

В дом она вошла через гараж, замерзшая до мозга костей. Мопед Поросенка стоял в самой глубине, что весьма необычно для вечера пятницы. Она потопала ногами, чтобы стряхнуть с себя растаявший снег. Прекрасные светло-коричневые ботинки размокли и потеряли вид.

– Сусанна, это ты?

А кто еще может войти через гараж в половине десятого вечера?

– Да, мам.

– Ты поела?

Рулёт из тонкой лепешки с салатом, съеденный на бегу – между школьным автобусом и «Полярным кругом».

– Да, поела.

Она потянулась за вешалкой, чтобы повесить свою розовую куртку. Мама, слегка раздурманенная, выбежала из гостиной, с блеском в глазах наклонилась к Сусанне.

– Знаешь, – прошептала она, – Хокан привел девочку.

Руки Сусанны замерли в воздухе.

– Что? Привел девицу? Подружку?

Мама кивнула.

– Они пришли час назад, пошли напрямиком к нему в комнату. Это так мило...

Сусанна не могла вздохнуть.

– Кто? Кто она?

– Твоя бывшая одноклассница, с такими пышными красивыми волосами.

Грудь сдавило.

– Карина?

– Да, точно, вот как ее зовут. Я ведь ее сразу узнала.

Мама снова повернулась в сторону гостиной.

– Герберт, хочешь еще чашку кофе?

– Спасибо, дорогая, не надо, – ответил ее папа.

Мама погладила Сусанну по щеке.

– Подумать только, вы уже такие большие...

Сусанна в одних носках поднялась по лестнице, избегая третью и седьмую ступеньку, которые жутко скрипели. Беззвучно закрыла за собой дверь своей комнаты. Услышала, как Хокан за стенкой что-то говорит, девушка смеется в ответ. Это смеется Карина, ее глаза неотрывно смотрят ему в глаза, в магнитоле крутится кассета.

Они сидят на его кровати. Или полулежат. Одежда растрепана, холодные руки касаются горячего тела.

Сусанна начала решительно срывать плакаты со своей стены.

21 декабря 2019, суббота

Оставив позади аэропорт Каллак, она выехала навстречу темноте. Лед, сковывавший асфальтовое покрытие, хрустел под зимней резиной. В роли водителя она чувствовала себя неуверенно. За руль всегда садился Кристер. Вцепилась в руль. Йеддвик, Антнэс и далее 94-я трасса – на северо-запад.

Ранним утром шторм утих, но обильный снегопад продолжался. Она ехала медленно. Представляла себе сырое яйцо между подошвой и педалью газа, как ее учили в автошколе Польссона в Стентрэске сорок лет назад.

Каждый раз так странно возвращаться назад в Норрботтен. Об этом они часто говорили с Кристером: стоило приземлиться в Лулео, как десятилетия, проведенные в Стокгольме, превращались в лирическое отступление. Повседневность в Тэбю отодвигалась, становилась сном – это была жизнь, которую проживали другие, возможно, отдаленно похожие на них.

При мысли о Кристере внутри все сжалось. Сразу после поворота на Клёвертрэск Сусанне пришлось остановить машину на обочине. На несколько минут она уронила голову на руль, дождалась, пока боль отступит.

В прокате ее статус повысили – дали машину больше, чем она заказывала, BMW X5 с автоматической коробкой передач. Неоптимально, если занесет.

Она поехала дальше, резко сбавив скорость. Попала в снежную колею, колеса буксовали и проскальзывали.

Снежинки мерцали в свете мощных фар. Конусы света образовывали тоннель, обрамленный отяжелевшими от снега деревьями. Бесконечно красиво.

Теперь она не сомневалась: приехав сюда, она поступила правильно. Оба сына работают в рождественские праздники: Эмиль – полицейским, Линус – барменом. Братья обычно шутили, что находятся по разную сторону баррикад. Однако они всегда прекрасно ладили. Очень помогали и поддерживали друг друга, когда умер папа. Оба, казалось, испытали облегчение, когда она сказала, что поедет на

север, – им не надо мучиться угрызениями совести, что она будет сидеть в сочельник одна.

По крайней мере, как родители они с Кристером преуспели, это хоть немного утешает.

Однако она не рассказала им об истинной причине, по которой перенесла поездку на более ранний срок. Мальчики ничего не знают о Софии. Как-то никогда не возникало повода затрагивать эту тему.

Когда стало известно, что обнаружено тело, у нее перехватило дыхание. Инициатива поехать туда возникла мгновенно и инстинктивно. Она должна быть на месте, она должна узнать правду.

Для Сусанны из Тэбю София никогда не существовала.

Для Сусанны из Стентрэска она никогда не исчезала. Продолжала жить как угроза ее существованию – хрупкому, как стекло.

Мимо проплывали дома Эльвсбюна, Сусанна оказалась позади снегоуборочной машины. Ну и хорошо, пусть снегоборщик и соберет всех лосей. Она держалась в ста метрах позади него, чтобы не попасть в облако снега. Деревни проносились мимо быстрее, чем она помнила, и это объяснялось не скоростью и не состоянием дороги. Все в Норрботтене съезжилось, уменьшилось с тех пор, как она уехала отсюда, – включая расстояния.

Компьютер лежал рядом с ней на пассажирском сиденье, запись поставлена на паузу. В те редкие моменты, когда ей попадалось навстречу крупное транспортное средство, она нащупывала кнопку enter, чтобы записать звуки окружающей обстановки.

У нее есть причины задавать вопросы. Выяснить, что людям на самом деле известно. Никто не усмотрит в этом ничего странного.

Когда до Стентрэска оставалось не больше полумили, снегопад прекратился.

В четверть двенадцатого она припарковала машину у маминого дома. Дорожка к дому была хорошо расчищена, с аккуратными ровными валами снега по обеим сторонам. Должно быть, здесь прошли снегоборщиком. Когда они успели?

Вынув из багажника сумку со всем необходимым для ночлега, она засунула компьютер в рюкзак и достала с заднего сиденья свою большую куртку. Остановилась на минуту у прокатной машины, глядя вниз в сторону центра.

Что бы с ними стало – с ней и Кристером – если бы они остались тут?

От одной мысли голова пошла кругом.

Жили бы по соседству с Кариной и Поросенком, общались каждодневно, помогали друг другу с детьми? Неужели чувства к Карине поблекли бы с годами? Вытеснились до состояния смутной печали – или же она сошла бы с ума?

Сусанна пошла к гаражу, мимо полена для рубки дров и аккуратной поленницы. Потопала ногами, отряхивая снег с ботинок, вошла в дом со стороны кухни, не постучавшись.

– Эй, есть кто дома? – крикнула она, переступив по рог, поставила сумку рядом с напольной вешалкой. В доме пахло в точности так же, как она это помнила, – жареным мясом, хлебом и немного влажной древесиной.

Из гостиной в прихожую поспешно вышла мама.

– Сусанна, дорогая моя! Проходи!

Одобрительный взгляд на ее стройную фигуру, поспешные объятия с запахом талька.

– Я позвонила Карин, – проговорила мама, – в точности как ты просила.

* * *

Подкаст, распечатка:

Ведущая: Я нахожусь в кухне у Сив Юханссон в поселке Стентрэск в южной Лапландии. Сейчас четыре часа вечера, за окнами совсем темно. В это время года здесь, у Северного полярного круга, не бывает по-настоящему светло. Здесь со мной также Карин Стормберг, жена Густава Стормберга, который возглавлял местную полицию, когда пропала София Хельстен, – она мать Викинга Стормберга, который сегодня ведет расследование. Спасибо за возможность прийти сюда.

Сив & Карин: Ну да, мы тебе всегда рады.

Сив: Не хочешь кофе?

Ведущая: Нет, спасибо.

Сив Юханссон: Но, дорогая моя, ты уверена, что не хочешь поехать? В самолетах так плохо кормят.

Ведущая: Нет, мама, все хорошо. Договорились?

Сив Юханссон: (неслышно)

– NB! Вырезать —

Ведущая: Если я начну с тебя, Карин, – какие у тебя воспоминания о том лете, когда пропала София?

Карин Стормберг: Ну, знаешь ли... Прошло сорок лет. Такое ощущение, что все это было в другой жизни. А вот что ее найдут – этого мы даже представить себе не могли. Как мы ее искали! Подумать только, она все это время была рядом. Лежала там, рядом с рекой.

Сив Юханссон: По радио как раз выступал Лассе Бергхаген.

Ведущая: Что?

Сив Юханссон: В тот день. Лассе Бергхаген. Рассказывал о своем детстве и какую чудесную музыку играл! Ах, до чего же он мил! Хочешь еще кофе, Карин? И пирога?

Карин Стормберг: Да-да, спасибо от такого пирога грех отказываться.

(звон посуды)

Ведущая: Карин, возвращаясь к Софии Хельстен – что ты о ней помнишь?

Карин (бормочет с набитым ртом): На самом деле ничего особенного. Пока она была жива. Маленькая такая девочка с

хвостиком на затылке, так и цеплялась за мамину юбку, хотя лет ей было уже немало. Хильдинг, ее папаша, был мэром, а Густав полицмейстером, так что мы часто встречались семьями, хотя это все равно происходило больше по долгу службы, так сказать. Она была тихая и неприметная, тоненькая как спичка. Что все вот так закончится – этого уж никак нельзя было себе представить.

Сив Юханссон: Сейчас они все рассказывают только о своих детских травмах, а музыку вообще слушать невозможно.

Ведущая: Мама, хватит про радиопрограммы, хорошо?

Сив Юханссон: (неслышно).

Ведущая: Карин, тогда, сорок лет назад, ты находилась в эпицентре событий. Как бы ты описала настроение в городе после того, как пропала София Хельстен?

Карин Стормберг: Боже, что тут скажешь? Густав – его уже нет в живых – он руководил поисками. Как мы ее искали! Все вышли как один. Прочесывали лес, обследовали дно реки, собаки, вертолеты, но мы ее так и не нашли. Ее словно ветром сдуло с поверхности земли.

Сив Юханссон: Во второй половине дня началась гроза – такая сухая гроза, без дождя. Опасались лесных пожаров, ведь раньше горело, так что в выпуске новостей по Норрботтену предупреждали об опасности пожаров...

Ведущая: Вы помните, как в то лето строили мост?

Сив Юханссон: Тогда тоже много говорили о безработице – я имею в виду в 80-е годы, но вы ведь все нашли работу. У всех, кто ходил тогда в тот ваш книжный клуб, все сложилось хорошо – в смысле, кроме Софии.

Ведущая: Карин, так как строили мост?

Карин Стормберг: Ясное дело, такое не забудешь. У нас в городке это было большим событием. Начали строить, едва отмерзла земля, и продолжали до глубокой осени. Строили очень быстро, прямо на удивление. Им надо было во что бы то ни стало закончить до Рождества, потому что тогда возвращались американцы, а те собирались что-то там перевозить по земле. Хотя у них с этой их базой сам черт не разберет.

Сив Юханссон: Карина, ее не оставили в то лето в муниципалитете, но Густав взял ее осенью на коммутатор в участке. Так она потом там и осталась. А та, которая заикалась, как бишь ее, она звонила мне потом и просила послать ей выписку из церковной книги для паспорта, она изучала экономику в Карлстаде, да-да, Агнета, вот именно...

Ведущая: Каким образом София могла оказаться там? Замурованная в опоре моста?

Карин Стормберг: Приходится думать, что случилось нечто ужасное. Но кто-нибудь должен что-то знать. Как она там оказалась?

Ведущая: Что происходило в городе потом, как бы ты это охарактеризовала?

(пауза)

Карин Стормберг (тихо): С людьми определенно что-то случилось. Народ начал запирать двери. Многие повесили плотные шторы и стали занавешивать окна. Казалось, все перестали доверять друг другу.

(пауза)

Ведущая: Как вы думаете, кто это сделал? Кто убил Софию?

(долгая пауза)

Сив Юханссон: Ну, знаешь ли... Должно быть, это кто-то со стороны. Кто-нибудь с базы. Наверняка. Никто из местных такого бы не сделал. Из тех, кто живет в Стентрэске.

Ведущая: Карин, а ты как думаешь?
(долгая пауза)

Карин Стормберг: А я вот совсем не уверена, что это кто-то со стороны. Это вполне может оказаться кто-то из наших. Кто-то, кого мы все знаем. И он по-прежнему ходит среди нас.

* * *

Карина сидела по другую сторону соснового стола и ела запеченную фалунскую колбасу. Столешница между ними была такая узкая, что они время от времени соприкасались коленями. Пиджак она сбросила на спинку стула, он висел наперекосяк. Один рукав лежал на полу. Ее взгляд был прикован к тарелке, и она жевала без сомнений или размышлений, как всегда и делала.

Сусанна по другую сторону стола ела медленно и собранно, в первую очередь сосредоточившись на том, чтобы не допустить срыва. Впервые она оказалась в Стентрэске без Кристера, ничем не защищенная от полного равнодушия Карины.

– Хочешь еще, Сусси?

Она улыбнулась младшему брату, подняла ладонь, жестом отвергая миску с картошкой.

– Спасибо, очень вкусно. Давно я не ела фалунской колбасы.

Ужин приготовил Поросенок. Запеченная колбаса, нарезанная до половины, заполненная в разрезах сыром и горчицей. Банка томатов без кожи и рассола, выложенная в огнеупорную форму. Лук кольцами, плавающий в растопленном масле. Вареный миндалевидный картофель в мундире, который каждый чистил в своей тарелке, складывая кожуру на край. Твердые хлебцы без тарелки, крошки собирались в кучку на термосалфетке. За едой пили «Йокк» – из концентрата, купленного в супермаркете, который разводили водой из-под крана, – за исключением Адама, который пил молоко. От «Йокка» Сусанна отказалась, подозревая, что в нем есть сахар, не пожелала сбивать свой уровень инсулина.

По правде говоря, фалунскую колбасу она теперь вообще не ела, уже много лет как не готовила. Сама уже успела забыть, почему. И правда, вкус у этого блюда потрясающий: вкус детства и белых ночей. Его обычно готовила мама – рецепт она нашла в газетке продуктовой сети *Ica*. Хокан поставил миску с картошкой рядом с Сусанной на случай, если она передумает. Сервиз Сусанна хорошо знала: Карина получила его в качестве премии, когда привела в книжный клуб издательства *Bonnier* двух новых членов – свою маму и ее. Маме пришлось купить огромное количество книг, прежде чем она смогла выйти из клуба, Сусанна ощущала ее раздражение, не острое, но явное. Судя по всему, купленные тогда романы окупились – сервиз используется до сих пор, глазурь не поблекла и не откололась.

Вот Карина доела. Отодвинула тарелку и выпила свой «Йокк».

– Кто-нибудь хочет кофе?

И Хокан, и Сусанна отказались.

Все же жаль, что Карина состригла свои роскошные волосы. После нескольких экспериментов в салоне Гины в городе она остановилась на варианте прически, при котором волосы торчали во все стороны, слишком явно крашенные в каштановый цвет. Видимо, она не бывала там некоторое время – у корней проступила седина.

Они так и не поженились, Поросенок и Карина. Сусанна задумалась, означает ли это что-нибудь, и если да, то что.

– Я, как уже сказано, решила сделать подкаст, – проговорила она, аккуратно сложив приборы на краю тарелки.

За ужином имя Софии Хельстен не упоминалось, но в кухне словно бы повисла ее тень. Карина стала ковырять в зубах зубочисткой, Поросенок потянулся за мобильником.

– Вы слушаете подкасты? – спросила Сусанна.

– Ну не то чтобы каждый день, – ответил Хокан и стал прокручивать в телефоне *aftonbladet.se*. Сусанна отметила, что он кликнул на заголовок: СОФИЯ, 17, НАЙДЕНА УБИТОЙ.

– True crime^[32] сейчас очень популярна, – сказала она. Карина сделала большие глаза – как всегда, когда ей что-то не нравилось.

– А я и не знала, что *Kommunal Ekonomi* освещает старые криминальные дела, – сказала она, поднялась и начала убирать со стола.

– Спасибо за еду, – проговорил Адам и ускользнул в свою комнату.

– Мы смотрели на *Netflix* сериал «Создавая убийцу», – сказал Хокан.

Карина гремела, возясь с посудой и объедками в своей старомодной кухне – даже не из ИКЕА, но это не имело значения. Она вписывалась в любую обстановку. Все вокруг нее становилось само собой разумеющимся и начинало играть всеми красками. Она немного располнела, но формы и пропорции остались те же: узкие бедра, танцевавшие при каждом ее движении, то, как она держала спину, немного выпятив грудь. Будь она источником энергии, наверняка была бы атомной электростанцией: четырехугольная, холодная снаружи, с очагом внутри, готовым при неправильном обращении взорваться с разрушительными последствиями.

И ей прекрасно известно, что Сусанна уволилась из узкоспециализированной газеты и теперь работает как журналист-фрилансер для нескольких работодателей.

– Я уже взяла интервью у мамы и Карин Стормберг, они по-прежнему очень ясно помнят те дни летом 1980-го. Строительство моста, прочесывание леса, грозу, повисшую в воздухе...

– Хочешь вина или еще чего-нибудь? – спросил Хокан.

– Не откажусь, если у тебя есть пино-нуар.

– На нижней полке в кладовке есть красное, – сказала Карина, стоя спиной к ним, указывая щеткой для мытья посуды.

Хокан пошел и открыл кладовку, наклонился, достал темную бутылку с завинчивающейся пробкой и яркой этикеткой – авось это можно пить. Карина взяла ее грязную тарелку и поставила в посудомоечную машину. Ногти у Карины коротко подстриженные и обломанные по краям, Сусанна никогда не видела невестку с маникюром.

– Пойдем в гостиную? – предложил братец.

Сусанна поднялась со стаканом воды в руке. Пошла и уселась на диван перед телевизором – и тот, и другой огромные, как океанский лайнер. Там шла без звука передача «По рельсам за удачей».

Хокан поставил перед ней на журнальный столик бокал с бордовым вином, себе кружку пива. Сусанна опустила в бокал нос, вдохнула аромат винограда. Э-э, шираз? Она повертела в руках бокал, пытаясь пробудить букет – вторичный запах, более вязкий, возникший в процессе производства, хранения и созревания. Ничего особенного

не произошло, как она и ожидала. Вино оказалось молодое и незатейливое.

– Ну что ж, будем здоровы, – сказал Поросенок, поднимая свою кружку с пивом.

– Ты помнишь Софию?

Сусанна пригубила вино, много танинов, неровный, но довольно приятный вкус. Хокан отпил глоток и поставил пиво на столик.

– Помню-помню, – ответил он. – Она была с прибабахом. Отлично умела сдирать шкурки с белок.

Сусанна замерла, не донеся бокал до рта.

– Сдирать шкурки – с кого?

– У нее была масса ловушек в рощице за домом, где они жили, на Бакосвеген, сама знаешь, она иногда разрешала нам пойти с ней, когда шла их проверять. С ножом обращалась невероятно ловко.

Он отпил большой глоток пива. Сусанна оставила бокал с вином.

– Ты уверен, что мы говорим об одном и том же человеке?

Он покосился на нее.

– Дочь мэра? Хвостик и очки?

– Ну да.

– А знаешь, – заговорил Хокан, усевшись в углу дивана, – я помню, как ты впервые привела в дом Кристера. Вы сидели в кухне и ели вафли, помнишь?

Она покачала головой.

– Он был просто вне себя от восторга, – продолжал Хокан. – Никогда не видел, чтобы человек настолько потерял голову.

Сусанна зажмурилась, почувствовала, как слезы хлынули по щекам. Вытерла их кончиками пальцев.

– Он и правда очень любил меня, – сказала она. – Все эти годы.

Вошла Карина, балансируя тремя порциями десерта и сливок. Поставила тарелки на столик. Тот же сервиз – из книжного клуба.

– Это Адам испек, – произнесла она с гордостью. – Он учится на кондитера.

Сусанна посмотрела на брата. Как ни странно, она не таила на него зла за то, что он получил Карину. Она выбрала Кристера – и ей удалось выжить.

Снова отпила глоток вина.

Можно ли рассказать в подкасте, что жертва преступления любила ловить белок и о свеживывать их? Какое странное занятие. Зачем? И что она делала со шкурками? Надо будет попробовать взять интервью у Поросенка, но Карина важнее.

Невестка никогда много не говорила, разве что когда речь заходила о книгах. Казалась почти замкнутой – даром что политик. Хотя пропавшая подруга детства – совершенно нейтральная тема, на которую можно без опасений поговорить сорок лет спустя, тем более что их объединяла литература.

– Ты готова дать интервью? – спросила она.

Карина тяжело уселась рядом с мужем, вздохнула и поцеловала его в губы.

– О расследовании я не могу сказать ни слова, – ответила она.

– Понимаю, но о Софии? Ты знала ее так же хорошо, как мы все.

– Разве кто-то по-настоящему знал Софию?

Себе Карина не налила вина, сидела и ела десерт. Сахара Сусанна старалась избегать, но понимала, что нельзя быть фундаменталисткой, а то станешь невыносима. Так что она попробовала пирожное. Плотный нижний слой напоминал тянучку, сверху восхитительный шоколадный бисквит со сливками и кисловатым черничным вареньем – да он просто великолепен.

– Меня более всего интересует портрет эпохи, – сказала она, облизывая ложку. – Настроение, чувство. Самый север Швеции, тысяча девятьсот восьмидесятый год – чем мы занимались, о чем думали? О чем мечтали? Как на всех нас повлияло исчезновение юной девушки?

– Ты собираешься поговорить с другими тоже? С Агнетой и Биргиттой?

Карина положила в рот большой кусок пирожного, послав вдогонку сливки и варенье.

– Мы пообщались сегодня в «Полярном круге», – ответила Сусанна. – Гитте едет сюда, ты знаешь об этом?

«Полярный круг» – так называлась и группа в *Facebook*. В первые годы после исчезновения Софии, когда Биргитта перебралась в Умео, Агнета жила в Карлстаде, а сама она в Стокгольме, они переписывались. Кстати, часто писали именно о книгах, которые читали. Потом пути их разошлись – впрочем, они с Гитте всегда

оставались близкими подругами, но контакты с другими почти прекратились. С появлением *Facebook* они снова разыскали друг друга – в этом колоссальный плюс новой техники. Все они стали взрослыми, и более чем, но собраться вместе оказалось здорово. Вот уже десять лет они общаются в закрытой группе в мессенджере: разумеется, группа носит название «Полярный круг». Единственное противоречие возникло тогда, когда Карина открыто заявила, что она – член партии «Шведские демократы». Гитте требовала, чтобы ее исключили – «не желаю общаться с нацистами», Карина отказывалась, и вся группа чуть было не распалась. Тогда же сама Сусанна и предложила компромисс: чтобы Карина использовала в группе профиль Поросенка. Как выяснилось, проблема заключалась не в самой Карине – просто вдруг кто-нибудь из Сёдертёрнской высшей школы узнает, что Гитте общается с членом партии «Шведские демократы». Правда, в сети, но все равно. Сейчас они редко общаются, да и о книгах говорят нечасто, но рекомендуют друг другу сериалы на *Netflix* и *HBO*.

– Я слышала, что у отца Биргитты инсульт, – сказала Карина. – Его выписали домой, но он больше не может обходиться без помощи, так что там все сложно.

Карина отказывалась называть Гитте иначе, чем Биргитта Ландён, хотя та еще до защиты официально сменила имя на Гитте Ландён-Батрачку.

– Даже Агнета подумывает о том, чтобы приехать, – продолжала Сусанна. – О на, кажется, и не была здесь с тех пор, как похоронила мать.

– Маму она похоронила в Питео, – ответила Карина. – Видимо, кто-то должен умереть, чтобы она нашла в себе силы поехать так далеко на север.

Сусанна положила ложку на тарелочку рядом с недоеденным пирожным.

– Меня интересует, насколько исчезновение Софии повлияло на всех нас. Все, что произошло в то лето...

– Ясное дело, ты можешь взять у меня интервью, – сказала Карина. – Но только я мало что могу сказать.

– Прямо сейчас?

– А тебе не нужен магнитофон?

– Оборудование у меня с собой.

– Как предусмотрительно, – усмехнулась Карина, собирая с тарелки крошки пирожного.

Сусанна поднялась и вышла в прихожую, где у нее лежал рюкзак. Обычно она освещала совсем иные вещи, нежели давние убийства, ее интересовали скорее тенденции в области дизайна и ретро, но ей доводилось подрабатывать в редакции новостей *Expressen* (одно лето в конце 80-х).

Пусть она и провела бóльшую часть своей профессиональной жизни в одной из узкопрофильных газет, однако фундаментальные принципы журналистики не изменились и по-прежнему следует соблюдать правила *что, где, когда, кто, как и почему*. Долг перед истиной, лояльность по отношению к гражданам, верификация, сведение к минимуму возможного репутационного ущерба для объектов публикации, навык излагать важные факты и события пропорционально и увлекательно, стремление не погрешить против собственной совести.

Свои интервью она обычно записывала напрямую в компьютер, портативный *Mac*. В подкасте самое трудное с технической стороны – добиться хорошего звука. Поэтому она инвестировала в несколько микрофонов: два конденсаторных с большой мембраной и один *Blue Microphones Yeti usb*, который мог воспринимать звук как с передней, так и с задней стороны. Первые два обладали достаточной чувствительностью и всеми необходимыми характеристиками для передачи человеческого голоса – при условии, что запись будет вестись в акустически приемлемой среде. Благодаря последнему два человека могли сидеть друг напротив друга и беседовать, что обычно значительно упрощало задачу в ситуации интервью.

Для интервью с Кариной она выбрала *Yeti*.

Оглядевшись, она отметила, что гостиная представляет собой акустически удачную среду: на окнах толстые портьеры в не сколько слоев, на полу ковры, вдоль стен полки с книгами. Хокан взял свое пиво и ушел в комнату в подвале – там у него стоял компьютер. Сусанна уселась в кожаное кресло и поставила микрофон на диванную подушку между ними.

– С кем еще ты беседовала? – спросила Карин.

Сусанна задумалась.

– Все, кто вел тогда дело, уже умерли, Густав и Ларс-Ивар и этот, с родимым пятном, как бишь его?..

– Урбан. Урбан Гранлунд.

– Да, точно, он умер весной этого года. Я обратилась к Викингу, он обещал. Папа Гитте возглавлял тогда ракетную базу, но он слишком плох, чтобы давать интервью. Странное дело – я прошла сегодня по городу, чтобы поговорить с людьми, и они довольно много чего могли сказать, но почти никто не помнит ее саму. Все помнят то, что началось потом, – разговоры, тревогу, страх.

Карина заерзала так, что кожаная обивка закрипела.

Сусанна подключила *Yeti* к компьютеру, надела наушники и включила запись.

– Что ты ела на завтрак? – спросила она.

– Какое это имеет отношение к Софии Хельстен? – удивилась Карина.

– Отлично, достаточно. Это был саунд-чек. Работаем.

Она сняла наушники, бросила взгляд на свои часы, мамины старые *Certina New Art*. Она получила их в подарок от мамы на двадцатипятилетие. На секунду задумалась по поводу вступления, которое заранее продумала, чтобы поставить интервью в нужный контекст, нажала на кнопку записи.

– Сейчас я сижу дома у Карины Бюрстранд, – начала она, – в ее гостиной на окраине Стентрэска. Сегодня суббота, двадцать первое декабря. Прошло около суток с того момента, как была обнаружена София Хельстен – замурованная в опору моста через Питеэльвен. Карина, ты хорошо знала Софию, вы регулярно встречались на заседаниях читательского клуба. Ты не могла бы рассказать о ней?

– Чисто формально она еще не идентифицирована, – ответила Карина. – Я даже не уверена, что ее уже извлекли из ямы. Тело будет обследовать отделение судебной медицины в Умео...

– Ну хорошо, – кивнула Сусанна, не останавливая запись. – Расскажи о «Полярном круге».

Карина засунула под спину вышитую подушку, поудобнее уселась на диване.

– Мы встречались и обсуждали книги. В старших классах раз в неделю, в гимназии раз в месяц.

Она замолчала. Сусанна ждала, но Карина, казалось, погрузилась в свои мысли.

– Как проходили встречи? – спросила Сусанна.

Карина пожевала нижнюю губу.

– Все началось с «работы по выбору» в седьмом классе – мы называли это литературоведением. Некоторые считали, что мы блефуем – встречаемся, болтаем о всякой ерунде и получаем потом хорошие отметки, но все было не так. Мы действительно обсуждали писателей и книги, которые читали. Это были не то чтобы нобелевские лауреаты – по крайней мере поначалу, но...

Некоторое время она молчала, Сусанна ждала.

– Мы долго этим занимались, – проговорила Карина. – Пока все не пошло вразнос.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Сусанна, хотя прекрасно знала.

– Это действительно как-то связано с телом, найденным в опоре моста? – ответила вопросом на вопрос Карина.

– Не знаю, – ответила Сусанна. – Почему все пошло вразнос?

– Клуб распался, – вздохнула Карина. – Мы изменились, стали слишком непохожими. Разошлись в разные стороны.

«Разошлись? – подумала Сусанна. – Вправду ли мы были такие разные? И не выбрала ли каждая из нас именно тот путь, какого можно было ожидать? Вернее, какого от нас ожидали?»

– Как бы ты описала Софию? – спросила она.

Карина сделала глубокий вдох – похоже было, что она действительно размышляет.

– Легко было подумать, что она – застенчивая девочка-подросток из захолустья. Она производила впечатление замкнутой и недоступной, но мне кажется, что мы ее недооценивали. Она была куда более дерзкой, чем казалась. Более эпатажной.

– Что заставляет тебя так думать? – спросила Сусанна в микрофон и сама почувствовала, что в ее голосе слышится скепсис.

Карина скрестила ноги и сложила руки на груди – классическая поза защиты.

– Я абсолютно не собираюсь дальше развивать эту мысль, – заявила она. – Просто у меня есть основания думать, что это так.

Сусанна внимательно наблюдала за ней. Неадекватная реакция на такой простой вопрос.

– Может быть, ты скажешь о Софии что-нибудь еще?

И снова несколько секунд размышления.

– Иногда у меня возникало чувство, что она немного с приветом, – проговорила Карина, – но в этом я, пожалуй, ошибалась. Но своеобразная, очень своеобразная. Хотя совсем не глупая. У нее имелся какой-то свой талант. И оценки получала хорошие – впрочем, это вполне могло объясняться nepотизмом. Понять ее было трудно. Мне это так и не удалось.

Вопрос в том, что из этого можно использовать в подкасте. Ну что ж, это она проанализирует потом.

– Враги у нее были? Кто-нибудь, кто хотел устранить ее?

Карина подняла глаза и посмотрела прямо на нее.

– Не знаю. А ты как думаешь?

– Подавляющее большинство убитых девушек погибает от рук своих бойфрендов или бывших бойфрендов. София была в отношениях? Тебе об этом что-нибудь известно?

Карина отвела взгляд в сторону телевизора, на несколько мгновений закрыла глаза.

– Строго говоря, мы с ней близко не общались. Встречались только на читательском клубе.

Это был не ответ на вопрос, но Сусанна решила сменить тему.

– Как ты думаешь, кем бы она стала, если бы дожила до взрослого возраста?

– Возможно, она очень даже дожила до взрослого возраста. Мы по-прежнему не знаем, она ли лежит там, в фундаменте моста.

Сусанна кивнула.

– Хорошо, скажем так: как бы ты описала Софию во взрослом возрасте?

– Я знаю, ты все смонтируешь так, будто я ответила на первый вопрос, – проговорила Карина. – Окей. Думаю, она стала бы инженером. Что-нибудь из области материаловедения. Сопромат и термодинамика. Такое, во что можно зарыться – на молекулярном уровне. Ей бы такое подошло. Область, в которой надо проявлять большое упорство и дотошность. Скорее всего, она защитила бы диссертацию, но не по физике элементарных частиц. Мне кажется, ей

подошло бы направление попроще, более приземленное. Вероятно, у нее был СДВГ или синдром Аспергера. Сейчас ведь всем ставят всякие диагнозы... Но с интеллектом у нее все было в порядке. Она училась на естественно-научном отделении...

Некоторое время Карина размышляла, ее взгляд блуждал где-то далеко.

– ...в одном классе с Викингом Стормбергом, – добавила она. – Она была одноклассницей Викинга, который сейчас возглавляет полицию в Стентрэске и ведет расследование в связи с обнаружением о станков. Они знали друг друга. Подозреваю, что София была в него влюблена.

Затем она подняла взгляд и посмотрела Сусанне прямо в глаза.

– Я никогда не рассказывала тебе, – проговорила она, – но София как-то пришла ко мне той весной – перед тем, как пропала. И сказала, что ты влюблена в меня. И что ты ударила ее, угрожала ей, если она кому-нибудь расскажет.

Сусанне показалось, что из нее вышел весь воздух, она не могла вздохнуть. Она знала, что София пыталась распространять слухи о ее влюбленности в Карину, но не знала, что они дошли до Карины. Она почувствовала, как у нее открылся рот, но не смогла его закрыть.

– Она показала мне снимок, – продолжала Карина, – одну из тех маленьких фотографий, которые можно было получить, когда делали общее фото класса, сказала, что ты нарисовала на обороте сердечко.

О Боже, Карина знала – в се эти годы? Все рождественские ужины, дни рождений и семейные торжества, когда они сидели рядом, – и Карина понимала или, по крайней мере, догадывалась, о Господи...

– На самом деле я послала ее куда подальше, – сказала Карина.

Рука, придерживавшая микрофон, вспотела, Сусанне пришлось вытереть ее о брюки. Наконец ей удалось сделать глубокий вдох.

– Но это же полный бред! – проговорила Сусанна. – Ты серьезно?

Карина рассмеялась, ее смех скорее напоминал фырканье.

– Я сказала ей, что ты меня терпеть не можешь.

Она подняла руку в знак извинения.

– Не хочу тебя обидеть, но ты была редкостная стерва. Но чтобы ты кого-то ударила или угрожала – полная чушь.

Сусанна сглотнула, тьма внутри нее грозила взорваться.

– Но откуда она все это взяла? Она что, страдала мифоманией?

– Примерно это я ей и ответила. Все же видели, как ты бегаешь за Кристером.

Слезы обожгли глаза Сусанны, она начала судорожно хватать ртом воздух.

Карина поднялась.

– Хочешь еще пирожное?

Сусанна поняла, что не сможет подняться. Ноги не повиновались ей.

– Нет, спасибо, – выдавила она из себя.

– Чего-нибудь другого?

На несколько мгновений она прикрыла глаза.

– Может быть, еще бокал вина? – проговорила Сусанна.

– Ты не планировала ехать домой на машине?

– Машина может постоять у вас до завтра?

Эта последняя фраза оказалась совсем не в тему. Карина остановилась в дверях.

– На улице парковка запрещена, – сказала она. – Из-за снегоборочной машины. Тогда тебе придется загнать машину в гараж, а я свою поставлю на дорожке у дома. Не могу же я перегородить проезд снегоборочной машине! Сразу попаду в газеты.

На мгновение у Сусанны закружилась голова – до нее дошло, почему она решила покинуть Стентрэск. Яснее и быть не может. Причина, по которой она выбрала анонимность и неприкаянность, попытки заново собрать себя, самой выбирать, какой ей быть.

– Пожалуй, я все же пойду домой, – проговорила она.

Карина пожала плечами и вышла в кухню.

Сусанна остановила запись, сложила в рюкзак компьютер, микрофон и наушники. Внизу в подвале Хокан включил подборку рождественских песен.

Ой, сбежала ветчина, а гости на пороге...

Зажмурившись, она помассировала точку между бровями. Нужно взять себя в руки, так не годится. Постаралась сосредоточиться на записанном интервью. Его можно будет использовать в подкасте – по

крайней мере, частями. Несколько удачных цитат, которые можно вырезать. Карина говорит с характерным диалектом, это хорошо, и еще ее слова о влюбленности. Мысль о том, что тот, в кого София была влюблена в молодости, теперь расследует убийство Софии, – в этом что-то есть.

Она допила вино, оставшееся в бокале.

Хотя София никогда не интересовала Викинга, в этом Сусанна была совершенно уверена. Он любил красивых девушек, чтобы глаз не оторвать. Гитте, с которой он одно время встречался, была звездой Стентрэска, *the It Girl*^[33], как сказали бы сегодня. С длинными черными волосами, она была и вправду красавицей, сказочно богатая – ну ладно, по меркам Стентрэска – и к тому же училась на неделе в Питео. Возвращаясь домой на выходные, она привозила с собой дуновение Большого Мира, но для Викинга она оказалась слишком настырной, слишком привязчивой. Агнета подошла бы ему куда лучше, если бы не это ее заикание. Хотя с годами она с этим практически справилась. Во всяком случае, когда они в последние годы общались в каком-нибудь групповом чате, это не так мешало, как раньше.

– Ты вроде хотела еще выпить, или как?

Карина держала перед собой два бокала, один для нее, второй для себя.

– Думаешь, я смогу сесть за руль после двух бокалов? – спросила Сусанна.

И тут Карина улыбнулась.

– Сегодня ночью в Стентрэске проверки на дорогах не будет, – заявила она тоном, не допускающим возражений, и Сусанна поняла: она точно знает. Наверняка у них на работе висит на видном месте схема кто когда дежурит.

Карина снова села на диван, выключила телевизор. В комнате стало темно. *It's the most wonderful time of the year*^[34] – распевал из подвала компьютер Хокана.

– Как ты справляешься без Кристера? – спросила Карина из темноты, и тут Сусанна сорвалась. Она закрыла лицо руками, зажав рот кулаком, чтобы сдержать крик.

Они опустошили бутылку шираза, а потом еще одну такую же. Карина выслушивала ее, сидела, обняв ее. Карина поверила ей. Должно быть, София солгала и напридумывала – само собой, Сусанна никогда никого не била. Она плакала, говорила о Кристере, о потере мужа, но на самом деле сама не понимала, где кончается одно горе и начинается другое. Утрата, пустота, оставшаяся от двух потерянных возлюбленных. Карина никогда не узнает. Сусанна и сама не понимала, что испытывает – облегчение или отчаяние. Карина слышала, но отвергла. Это показалось ей таким безумием, что она отказалась верить.

Помилование – и бездна.

В конце концов Хокан загнал ее машину в их гараж и поставил Каринину на дорожке у дома, чтобы снегоуборочная машина могла пройти поутру. Он предложил подвезти Сусанну домой, но та пожелала пройтись. Мороз терпимый, и она тепло одета.

Все равно она еще долго не сможет заснуть.

На прощание Карина обняла ее – горячо и крепко.

Стояла черная полярная ночь. Снегопад прекратился, но пелена облаков оставалась плотной и непроницаемой. Ни одной звездочки, а луна превратилась в тонкий серп. Со стороны поселка угадывался слабый отсвет, словно мутное пятно на фоне общей черноты. Небо над ракетной базой было такое же черное, как и земля под ним, этой ночью там не наблюдалось никакой активности. Но у 374-й трассы она заметила синеватый свет – как раз там, где над Питеэльвен протянулся мост Грансельсбрун.

Вилла Хокана и Карины располагалась на окраине поселка, однако отсюда до Кварндаммской школы минут пятнадцать-двадцать ходу. Дом, где она выросла, находился почти в самом центре, всего в паре сотен метров от Пешеходной улицы.

Она не мерзла, было несколько. Под толстыми подошвами поскрипывал снег, мороз обжигал щеки, проясняя мысли в голове.

Сусанна шагала мимо затемненных вилл с рождественскими звездами в окнах и электрическими подсвечниками на подоконниках. У многих домов были крыши из кровельного железа – на юге такое редко встретишь. Здесь черепица замерзала на морозе, соскальзывала

вниз, когда сходил снег. Не меньше половины домов – типичные дома модели «Эльвсбюн», модульные домики массового производства, начисто лишённые очарования.

Ритмично шагая от одного фонаря к другому, Сусанна решила быть с собой предельно откровенной. Всем типам домов были присвоены старинные шведские имена. Если бы они вернулись сюда, то в каком жили бы сейчас – в «Эве», «Эльсе» или «Александре»? Если бы отказались от мест в университетах или вообще не подавали бы туда документы? Уехав, все равно вернулись бы обратно, получив дипломы? Возможно, она и могла бы работать журналисткой в Стентрэске, но ведь здесь еще с 70-х годов существует фирма по продаже покрышек, *Samuelssons Gummicentral* – чем бы занимался Кристер? Он талантливый предприниматель. Ему наверняка удалось бы победить в конкурентной борьбе *Gummicentralen*, и все Самюэльссоны возненавидели бы его на много поколений вперед. Или же создал бы какое-нибудь другое предприятие – строго говоря, что угодно, связанное с автомобильной техникой. Ясное дело, это получилось бы. Если бы они захотели. Но никто из них не захотел возвращаться. И это вовсе не ее решение, не ее бегство. Кристер тоже мечтал отсюда вырваться, возможно, ему надоело быть в тени Викинга – друга, который всегда оказывался чуть красивее, чуть круче, чуть лучше и в хоккее, и в учебе, и с девушками.

Достав из рюкзака мобильный телефон, она включила его на запись и засунула в карман в надежде, что он запишет звуки природы и среды вдоль дороги. Скрип снега под ногами, ритмичное похрустывание одежды в такт шагам, ее дыхание, когда она поднимается на горку, – возможно, это удастся использовать как фон для ее подкаста.

Неподалеку от полицейского участка мимо нее прогрохотал трактор, переделанный из легковой машины, – она и не знала, что такие до сих пор существуют. В запотелом салоне сидели по меньшей мере пятеро подростков, до нее донеслась незнакомая мелодия, которой подпевал пьяный мужской голос. Машина свернула за киоском по продаже хот-догов, закрытым на ночь, и двинулась дальше к Олимпу. Когда машина проехала, тишина стала еще более оглушительной.

Вопрос в том, какую часть себя ты на самом деле выбираешь: какой процент определен генами, какая часть – средой. Их с Кристером сыновья были стокгольмцами до мозга костей, они никогда не знали другой жизни. Говорили на стокгольмском наречии, вставляя выражения, характерные для высшего общества, прикипели душой к центру и северным пригородам. Норрботтен они знали и любили, но воспринимали как экзотическое место, куда ездят в отпуск. В их картине мира в Стентрэске всегда светило полуночное солнце.

Оба в полном отчаянии оплакивали отца, но теперь, как ей казалось, уже вступили в новую фазу. Линус говорит о том, что собирается купить квартиру побольше вместе со своей девушкой – может быть, даже покинуть центр и перебраться в таунхаус. Возможно, скоро встанет вопрос и о детях, допытываться она не хотела, но интуиция подсказывала ей: что-то намечается.

Эмиль работает в полиции, сейчас живет один. По крайней мере, насколько ей известно. Он говорит о том, что хочет изучать криминалистику, чтобы со временем стать следователем.

Она хорошо разогналась. Ноги шли сами собой, дышать стало легко. Правильное решение – пойти пешком, хотя рюкзак на спине тяжеловат. Уверенным шагом она пересекла покрытый льдом школьный двор, миновала уличную курилку – незабываемое место. Ох, как самые крутые стояли там и дымили – она так и не сумела стать похожей на них.

Но стоп, что это там такое? Она остановилась. Вверх на северо-запад тянулась дорога, расчищенная, но не освещенная. Такие же аккуратные сугробы по обеим сторонам, как возле маминого дома – вероятно, тот же снегоуборщик. Проход или же велосипедная дорожка. Кратчайший путь к Бэкосену. Когда-то и она ходила здесь, давным-давно, хотя и нечасто. На вершине холма ей снова почудился мерцающий синий свет.

Сусанна двинулась вверх по склону. Дорога круто уходила вверх, в мышцах ног началось жжение. Боясь споткнуться, она достала из кармана телефон и включила функцию фонарика. «Круг света создает искристый мир защищенности среди ледяного космоса», – подумала она, получилось красивое предложение. Произнесла его вслух, чтобы не забыть, – ведь диктофон по-прежнему включен.

На вершине холма она остановилась, облако пара от дыхания окружило ее, словно туманом. Источник сине-белого света находился прямо под ней, в паре сотен метров от нее. Фундамент моста через Питеэльвен – антитеза защищенности. Его очертания подсвечивали несколько прожекторов гигантских размеров – две человеческие фигуры, двигавшиеся вниз, припаркованные машины. Эксперты-криминалисты все еще работают. Может быть, и Викинг там? Нет, уже перевалило за полночь, он наверняка уехал домой.

Ноги сами понесли ее в ту сторону. Подойдя ближе, она увидела людей, передвигающихся по мосту. Над тем местом, где, по всей видимости, обнаружили тело, был натянут огромный тент – после сегодняшнего снегопада на нем лежал мелкий снег. Боковины тента были оттянуты в стороны, чтобы свет прожекторов проникал внутрь. Молодая женщина и пожилой мужчина сосредоточенно работали под тентом, присев на корточки, – с первого взгляда было ясно, что они свое дело знают. У временного ограждения стоял мужчина в форме охранника, направив на нее взгляд, – видимо, заметил свет ее фонарика.

Сердце забилось чаще, когда она приблизилась к месту находки. Охранник включил свой фонарь, невероятно мощный, и направил ей прямо в лицо. Она остановилась, совершенно ослепленная. Инстинктивно подняла ладонь, пытаясь защитить глаза.

– Сусси? Черт, неужели это ты?

Фонарь погас. Сусанна опустила ладонь, по-прежнему ослепленная, в глазах звездочки, но голос она узнала.

– Пекка?

– Ну да. Какого черта ты тут делаешь?

Она стояла и моргала. Охранник приблизился как раз тогда, когда к ней вернулось зрение. Он крепко обнял ее, погладил по спине своими толстыми рукавицами. Пекка Карлссон всегда был без ума от нее и даже пытался в свое время ее лапать. Она высвободилась из его объятий.

– Пекка, безумно рада тебя видеть, – проговорила Сусанна, засовывая телефон в карман куртки.

– Слушай, мне так жаль, что мы не смогли приехать на похороны. Конец года, подача декларации о доходах, знаешь ли, Лоттен не смогла вырваться. Проклятый рак.

Сусанна попыталась улыбнуться ему.

– Понимаю, – проговорила она. – Спасибо, что думал о нас.

– Вы получили венок?

Венок? Она понятия не имела.

– Очень красивый, спасибо.

– А ты, стало быть, совершаешь вечерний моцион?

– Гостила у брата, выпила вина. В таком случае лучше на своих двоих. К чему садиться за руль подшофе?

Пекка Карлссон засмеялся глухим смехом. У него были большой живот и широкая грудь – сочетание чревоугодия с силовыми тренировками. Сусанна кивнула на фигуры, работавшие у опоры моста.

– Просто ужас все это.

Охранник повернулся к экспертам, почесал у себя под шапкой и вздохнул.

– Да уж, хуже не бывает, – ответил он. – Само собой, все очень хотели, чтобы ее нашли, но не таким образом. И не в такую ужасную погоду. Вчера вечером вообще пришлось накрыть место находки тентом, работать было невозможно.

Некоторое время они стояли молча, наблюдая, как эксперты перебирают песок и гравий, который они, видимо, достали из кессона в опоре моста и выложили кучей на проезжую часть. Река под ними шумела и пенилась, направляясь к порогу Стурфорсен, где вода через пару километров круто обрывалась вниз. В темноте Сусанна слышала грохот падающей воды. Стурфорсен не замерзал никогда, даже в сорокаградусный мороз. Дул ветер, в воздухе летали кристаллы льда, обжигая ей щеки.

Пекка снова перевел взгляд на нее.

– Но расскажи, у тебя-то как дела, черт возьми? Приехала проведать мамашу?

Тут она поразовалась, что выплакала все слезы на кожаном диване у Карины.

– Первое Рождество без Кристера, – пояснила она. – Тяжело.

Он снова обнял ее, она не сопротивлялась.

– Говорят, по первости все праздники даются тяжело, – проговорил он. – Сама понимаешь: первый день рождения, первый мидсоммар, первый отпуск. Мне-то самому повезло.

Пекка был одним из тех парней, которые всегда толпились вокруг Кристера по пути к школьному автобусу. Вот уже тридцать лет он женат на Лоттен, у них трое взрослых детей. Даже родители у него оба живы – что он может знать об утратах.

– Спасибо за участие, – проговорила она. – Это согревает. Кстати, если уж мы заговорили о тепле, – ты не замерз тут?

Он рассмеялся, символически потопал ногами.

– Ах черт, ну ты же знаешь, я привык.

Она бросила взгляд на место находки.

– Наверное, они скоро закончат, так что ты сможешь пойти домой? – спросила она.

– О нет, я тут точно до утра. Сама знаешь, кто-то должен следить за ограждением.

Пекка шагнул ближе к ней и понизил голос.

– За сегодняшний вечер они откопали тело. Эксперт из Лулео позвонила, чтобы прислали катафалк, так что он вот-вот будет здесь. Только отправят ее – и все, их дело здесь закончено.

На земле рядом с кессоном, где работали эксперты, стояли небольшие носилки. В синеватом свете прожекторов они казались ослепительно белыми.

– Никогда бы не подумала, что все закончится вот так, – проговорила Сусанна. – Кто мог такое сотворить с Софией? Ведь она никогда и мухи не обидела.

Пекка покачался взад-вперед, обдумывая ответ.

– Она была с прибабахом, – ответил он теми же словами, которые употребил Хокан – совпадение?

– Ты имеешь в виду ту историю с белками?

Он глянул на нее с искренним удивлением.

– С белками?

Ай-ай, промах.

Она пожала плечами.

– Возможно, она была не совсем такой, какой казалась.

Пекка позабыл о белках, кивнул.

– Она лгала, причем так странно. Как тогда, когда она сказала Кристеру, что даст ему поводить свою «ламборгини», в жизни не слышал большей глупости.

Сусанна почувствовала, как вся кровь прилила к голове и тут же ухнула куда-то в кончики пальцев ног.

– Она говорила такое Кристеру? Зачем?

– Она ведь за всеми бегала, особенно за Кристером и Викингом. Ну и я там где-то рядом отсвечивал, хо-хо. Она и Карина – они от души повеселились в то лето, можно сказать. Но кто, черт подери, когда-нибудь разъезжал на «ламборгини»? В Стентрэске?

В том, что София Хельстен могла завести себе любую машину, какую бы только пожелала, Сусанна не сомневалась ни секунды, но чем таким они с Кариной занимались в то лето? Да так, что Пекка Карлссон посмеивался над этим сорок лет спустя?

– Что ты имеешь в виду, что делали они с Кариной?

Пекка Карлссон подмигнул ей.

– Еще она говорила, что ты втюрилась в Карину, что тебя возбуждает твоя невестка. Слышала что-нибудь подобное? И еще она считала себя первой красавицей, это было так нелепо.

– То, что касается Софии и Кристера, что заставляет тебя думать...

– Заявляла, что она самая красивая девушка в Стентрэске, якобы все так считают. И что она собирается учиться в американском университете, даже сказала, как он называется, но пойдя упомни, черт подери...

Со стороны поселка приближалась машина, свет фар, направленный в небо, долетел чуть раньше, чем звук двигателя. Пекка отвлекся, с важным видом вышел на дорогу, держа в руке включенный фонарь, расправив широкие плечи, гордо держа голову, – он так отлично выглядел в своей униформе.

Это приехал катафалк. Пекка подошел к двери водителя, наклонился, о чем-то серьезно поговорил с водителем через опущенное переднее стекло. Показал, как тому сдать назад, чтобы подъехать как можно ближе к носилкам.

– Стоп, хорош! – крикнул Пекка.

Машина остановилась.

Сусанна отступила на пару шагов назад, скрывшись в темноте.

Так София была влюблена в Кристера? Или в Карину? Они встречались? Но ведь летом 1980 года Карина уже была с Хоканом, въехала в его комнату в первые выходные после мидсоммара. Чем она

занималась вместе с Кариной? И какое отношение София имела к Кристеру? Почему Кристер никогда ни словом не упоминал об этом?

Шофер вылез из машины, надел одноразовую защитную одежду в виде полиэтиленового передника с рукавами, перчатки и бахилы, а потом приблизился и поздоровался с экспертами-криминалистами.

– Сандра Хаммарлунд, – представилась молодая женщина.

– Роланд Ларссон, – сказал пожилой.

Имя водителя Сусанна не расслышала.

– Ты можешь нам помочь? – спросила Сандра Хаммарлунд. – Она высушенная и мумифицированная, так что ничего особенного.

– А голову вы так и не нашли? – спросил водитель.

– По крайней мере, здесь, внутри моста, ее нет, – ответил Роланд Ларссон.

Сусанна отступила на шаг в сторону, чтобы не упасть. Затаила дыхание, ожидая, что эксперты посмотрят в ее сторону, прогонят ее, но они не обратили на нее никакого внимания. То ли они ее не видели, то ли им было не до нее. Она стояла неподвижно, словно окаменела.

Мужчина, которого звали Роланд Ларссон, и водитель осторожно спустились в пустое пространство в опоре моста. Пару минут она видела над бетонным краем только их шапки, слегка покачивавшиеся вверх-вниз. Судя по всему, они что-то обсуждали, до нее долетали их голоса, но слов было не разобрать – скорее всего, они решали, как лучше всего извлечь тело из ямы. Вдруг они оба разом поднялись – видимо, сидели на корточках. Между собой они несли тонкий коричневый предмет, и не возникало никаких сомнений, что это маленькое женское тело. Сусанна невольно охнула, мир накренился. Это она, она. Мужчины положили тело на приготовленные носилки. Руки, тонкие, как веточки, слегка согнутые и прижатые к телу. Высушенная грудь, натянутая на ребрах кожа. Ноги, изогнутые под углом в девяносто градусов, пролежавшие в этом положении сорок лет. Женщина, вернее, девушка, замурованная в бетонном склепе.

Сусанна не могла вздохнуть. Годы лжи, словно серая глина, забила все дыхательные пути.

Она повернулась и кинулась прочь.

Шёваль и Валё «Убийца полицейских». Выбор Биргитты Ландён. 6 июня 1980 года, пятница

Настал июнь. В Стентрэске царил бесконечный свет. Река неслась, свободная и дикая, к побережью и морю, а в Питео, где она смешивалась с почти пресной водой Ботнического залива, переход от сумерек к восходу происходил неуловимо. Природа словно взорвалась. Растения, птицы и все виды кровососущих насекомых покрыли собой небо и землю.

Наступила пора, когда жизнь кипит.

* * *

Когда Биргитта проснулась, мама уже ушла на работу в больницу Питео. На кухонном столе лежала записка.

Хорошего лета тебе, дорогая, увидимся в августе. Ты знаешь, что можешь в любой момент позвонить на телефон Сванте.

Обнимаю, Мама

P. S. Выкинь молоко, если не выпьешь его, я уеду на дачу сразу после работы. Вынеси мусор. И включи Ингу. М.

Ингой называлась посудомоечная машина. У Сванте был домик на острове Трундён, на берегу моря. Мама проведет там отпуск с ним и его детьми, Линдой и Фредриком, двенадцати и семи лет. Жуткие дети. Напрямую она не спрашивала, но знала, что ее туда не приглашают. После долгих описаний, какие там прекрасные закаты и как чудесно окунуться поутру в море с собственных мостков, всегда следовал

трезвый комментарий: «...хотя там очень тесно, всего две комнатки: одна для нас, одна для детей».

Стало быть, там ее в расчет не принимали.

Хотя ее это не волновало.

Вообще нисколько.

Все это не имело значения. Она и не хотела туда. Вода в Ботническом заливе ледяная, а Сванте ничтожество.

Она пошла в ванную, заглянула в свои глаза в зеркале. Глаза у нее такие же черные, как и волосы. Она открыла шкафчик. Салубрин^[35] и упаковка пластырей, масло от комаров, бинт, баночка магнезии, а где же мамины упаковки с валиумом? Биргитта оглядела все три полки – проклятие, она забрала их с собой.

Хотя на самом деле плевать.

В Стентрэске ей таблетки не понадобятся. А если ей понадобится горсточка, то ведь всегда есть Гувер. Его все так называли, потому что о нем ходили слухи, будто он занимается сексом с пылесосом.

Она вышла в прихожую, обвела все вокруг пристальным взглядом.

Последнее утро в этой мерзкой квартире. Два года она прожила тут – по рабочим дням, чтобы ее разведенные родители были довольны, вернее сказать, менее недовольны, но теперь с этим покончено. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох, проникаясь этой мыслью. Почувствовала вибрацию квартиры, всех этих заключенных здесь людей, их фрустрацию.

Выдохнула.

Ее комната размером не больше гардеробной. Узкая кровать и письменный стол, платяной шкаф в коридоре. Седьмой этаж в третьем точечном доме с видом на крышу больницы.

14 июля у нее день рождения – в тот же день, что и у маленькой кронпринцессы.

Обычно она игнорировала свой день рождения, так делали и все остальные, но не в этот раз.

В этом году все по-другому. Потому что в 1980-м она станет совершеннолетней.

Восемнадцать лет.

Теперь она сможет решать сама, обретет независимость.

Сегодня конец учебного года, то есть последний раз, когда ее нога переступит порог Стрёмбаккской школы, этого гротескного промышленного здания, где находится учебное заведение. В «Одине», главном здании школы – да-да, все корпуса носят имена древних скандинавских богов, комментарии излишни, – система вентиляции хрипела, как туберкулезный больной. Ходили слухи, что приток кислорода настолько слабый – если отключится электричество, надо в течение часа покинуть здание. Все, кто останется там после этого, умрут. Просто закончится кислород. Конечно же, это всего лишь выдумки – или же нет, откуда ей знать? Головная боль, которую она практически всегда ощущала в конце учебного дня, возможно, именно этим и объясняется.

Или же это психосоматика, как говорит мама. Ипохондрия, иными словами – а уж мама-то знает, как никто. Врач высшей категории.

Но программа общественных наук есть и в Кварндаммской школе, и в Стентрэске остались люди, которым на нее не наплевать. Друзья, семья, у которой находится время с ней поговорить, и еще Викинг.

С Викингом все сложно.

Ей известно, что болтают злые языки – что он ее бросил и что она пыталась покончить с собой. Хотя никто, даже Сусанна, не знал, как все обстоит на самом деле. Когда она резала себя, это вовсе не было попыткой самоубийства, умереть она не хотела. И не сентиментальный призыв о помощи – она просто пыталась заглушить боль. Почувствовать, что она существует, что она реальна. Когда хлынула кровь, напряжение отпустило, мозг заполнился шипящими пузырьками, в ногах и животе защекотало. Не впервые она себя резала, но на этот раз резанула слишком сильно, и ей пришлось обратиться в больницу, чтобы ей наложили швы. Вот так по городу и поползли слухи. Но теперь она это дело бросила. Она себя больше не режет.

И вовсе не Викинг предложил расстаться. Никто не знает, насколько он деспотичен и ревнив. Коварные вопросы, косые взгляды, обычные разговоры, переходившие в форменный допрос, – все это сплеталось в неприятную картину. Что она делала в Питео, с кем встречалась в Питео, откуда разные отметины у нее на теле. Он никогда не спрашивал напрямую, но она чувствовала – он ломает голову, с кем же она встречается в Питео. А порой все это выплескивалось через край, он сжимал ее руку выше локтя, глаза

метали молнии, он орал прямо ей в лицо. Долго отказывался просить прощения, уверяя, что она сама во всем виновата. Но тут, в прошлые выходные, он сам позвонил ей с намеком на извинения. Набрал ее собственный номер в вилле в Стентрэске. К тому моменту она уже отчаялась, считая, что до него уже никогда не дойдет. Его звонок прозвучал как гром среди ясного неба. Она лежала в постели и ела мороженое с тремя вкусами, после разговора она забыла его среди простыней, так что оно растаяло и перепачкало весь матрас. Викинг признался, что заходил слишком далеко и плохо обходился с ней. Но теперь он хотел встретиться и обо всем *поговорить*. Просил разрешения прийти к ней домой и *обсудить случившееся*. По части слов Викинг был небольшой мастер, но она поняла, что это значит. Он готов уступить, чтобы вернуть ее. Наконец-то сожаления дошли до него, заставили вести себя по-человечески. По телефону она говорила с сомнением, отвечала уклончиво. Он привел не сколько аргументов, что он о многом подумал, что он не желал ей вреда, что у них было так много хорошего. И наконец она согласилась – о'кей, они могут встретиться. Она готова его выслушать, но только после окончания школы. Они смогут увидеться, когда она приедет в Стентрэск в следующий раз. Проявлять нетерпение она не намеревалась, и он согласился на ее вариант.

Сегодня в пять он придет к ней.

До этого ей предстоит пережить завершающую церемонию в Стрёмбаккской школе – впрочем, довольно скромную. Утром в актовом зале будет общее собрание, но туда она не намеревалась идти. Ее класс, S2a, встречается у себя на третьем этаже в «Одине». Им выдадут табели успеваемости, и это все – после этого она может навсегда покинуть бетонного монстра.

Она вернется домой в Стентрэск, и жизнь снова наладится, станет переносимой.

Не раз и не два она пыталась обсуждать этот вопрос с мамой. Та даже слушать не желала – вопрос с учебой решен раз и навсегда. Биргитта будет учиться в Стрёмбаккской школе, потому что там качество образования выше, чем в Кварндаммской. Папа вообще ничего не отвечал, когда она пыталась поговорить с ним, у него и без того дел по горло, но Гунилла заверила ее, что она может жить у них, сколько захочет.

Это здорово.

Поскольку все ее друзья в Стентрэске учились на трехлетней программе, как и она, гимназию они закончат одновременно. Они смогут вместе уехать на юг – все, кто к чему-то стремится, в какой-нибудь хороший университет. Компания друзей, которые знают друг друга испокон веку и уважают друг друга, куда входили бы она, Сусанна и Викинг. В остальном же ей было все равно, где учиться и что изучать.

Мама хотела, чтобы она стала хирургом по торакальным болезням – поскольку сама она им не стала.

Нет, напрямую она об этом не говорила – мама вообще редко говорила о чем-то напрямую, но намеки делала недвусмысленные.

«Знаешь, на сколько торакальным хирургам повысили зарплату в этом году?» или «Ну да, он же торакальный хирург, и поэтому...» – вставить любое прилагательное в превосходной степени по выбору.

Папа выражался точнее в те редкие случаи, когда затрагивал в разговоре ее будущее, – она должна стать инженером, как и он. Лучше всего в области ядерной физики, потому что ему это не удалось.

Таким образом, она живет, как мешок с чужими нереализованными амбициями. Что уж удивляться, что у нее случаются панические атаки.

Достав свою сумку *Adidas*, она принялась складывать вещи. Белье в стирку, лекарства, кремы для лица и учебники. И еще «Убийцу полицейских» Шёваль и Валё – ее книгу, которую они будут обсуждать на «Полярном круге». Уже классика жанра, хотя и вышла всего несколько лет назад. Предпоследняя в серии «Роман об одном преступлении» – она прочла их все.

Удивительные они все же, эти Май Шёваль и Пер Валё. Они живут как муж и жена, работают вместе. Где-то она читала, что они завели детей. Не будучи женатыми. В книгах они ставят в центр внимания общество и маленького человека. Несколько лет назад Пер умер – ужасно печально.

Сумка оказалась заполнена едва наполовину. Два тяжелых чемодана она уже отвезла в прошлые выходные, ее подвез папа, возвращавшийся с конференции.

Она застегнула молнию – в последний раз, наконец-то! Никогда больше ей не придется трястись в мерзком автобусе по маршруту

Эльвсбюн – Видсель – Стентрэск, видеть, как его задние фары уносятся в сторону Йоккмокка.

Настал торжественный момент, вызывавший у нее уважение.

Она провела его в тишине. Никакого радио, никакой музыки.

Приняла душ, оделась. Вылила молоко. Включила Ингу. Выкинула мусор в мусоропровод на лестнице.

Кровать решила не застилать. Мама, конечно, рассердится, но она рассердится в любом случае.

Затаив дыхание, заперла за собой дверь.

В последний, в последний, в последний.

До нужного класса она добралась, не столкнувшись ни с одним человеком, с которым пришлось бы болтать о ерунде. Опустилась на пол, прижавшись спиной к стене у входа в класс, коротая время со своим плеером. Наушники хорошо видны, глаза закрыты, легкое покачивание головой в такт музыке: полная невозмутимость.

*Ты пролетарием родился
И с наркотой ты засветился?
Так знай же, выходец со дна,
Что светит ходка не одна...
Туда-сюда...^[36]*

Nationalteatern^[37] – ее боги, ее маяки в сплошном мраке. Они посылают ей утешение, они – ее путеводная звезда. Петь она не умела, но все их песни знала наизусть. Их альбом 1978 года «Дети своего времени» – лучшая пластинка всех времен и народов. С ней может конкурировать разве что «Рок-змея», выпущенная той же группой годом позже.

В последнем номере *Veckorevy* была статья о них. Скоро готовится новый альбом – «Остров короля пиратов». В Питео его пока не продают, но она заказала его в отделе пластинок в *Tempo*, через знакомого парня, который там работает. Однажды они встретились на вечеринке и весь вечер целовались как безумные. Он пообещал послать пластинку ей в Стентрэск. Там у нее есть и проигрыватель, и кассетный магнитофон, она сможет переписать ее на кассеты. Сусанна

тоже хотела себе такую запись – она ее обязательно получит. Собственно говоря, Сусанну мало интересовала группа *Nationalteatern* и их политическая программа, но Кристер и Викинг считали, что они крутые. Именно она дала послушать Викингу, а поскольку Викингу они понравились, то и Кристер автоматически стал их поклонником. А уж Сусанне точно полезно послушать что-нибудь стоящее, а не только *Le Freak*.

*Угоню я Амазон
И помчусь отсюда вон,
Окажусь я в результате
Прямо в речке среди волн.*

Легкий пинок по ногам заставил ее поднять глаза. Дверь класса стояла нараспашку, ученики хлынули внутрь – поток человеческой плоти, начисто лишенной всякой мысли. Она не заметила, кто именно ее пнул. Поднялась с пола, отряхнула от пыли зад на брюках, сняла наушники и засунула их вместе с плеером в сумку *Adidas*.

Торстен, их классный руководитель, стоял, перебирая на кафедре их аттестаты. Разве ему еще не пора на пенсию?

Кто-то закрыл дверь. В классе стоял такой шум, что уши закладывало. Накануне музыканты класса – самые крутые парни, участвовавшие в какой-то рок-группе, где-то выступали. Все бурно что-то обсуждали. До нее долетали вопросы по поводу уровня алкоголя и кто кому что сказал. Торстен несколько раз безуспешно пытался взять слово, пока Матс Юнссон, хоккеист, не гаркнул так, что все заткнулись.

Классный руководитель, кажется, устал до предела. У него не хватило сил даже на то, чтобы сказать дежурные банальности по поводу того, как соотносится их прилежание в учебе с блестящим будущим. Вместо этого он просто начал выдавать табели в алфавитном порядке. Всех этих людей она видит в последний раз, о чем известно только ей. Несмотря на все убожество, момент показался ей величественным.

Когда дошла ее очередь – где-то посередине – те, у кого фамилия начиналась на «А», уже покинули класс до осени, уйдя тем самым из

ее жизни.

– Ландён, Биргитта, – выговорил Торстен и удивленно посмотрел на нее. – Разве ты в этом классе?

Она взялась рукой за табель, на миг засомневавшись в собственном имени. Классный руководитель не выпускал конверт. Его глаза, водянистые и красные, бегали из стороны в сторону. Так они и стояли, словно играли в перетягивание каната реальности. Она почувствовала, как поле зрения сузилось – о Боже, только не сейчас, только не паническая атака. К счастью, он отпустил руку.

– Вы все на одно лицо, – пробормотал он себе под нос и взял следующую бумажку.

Просиял, повысил голос.

– Магнус Маркстрём, подойди сюда, мой мальчик! Хорошего тебе лета!

Один из парней из рок-группы протиснулся мимо нее, сердечно обнялся с классным руководителем. Она пошлепала на свое место, открыла конверт. Пробежала глазами по самой правой колонке: пятерка, пятерка, пятерка, пятерка, двойка... *двойка?*

Провела пальцем влево – история. *История?* У нее двойка по *истории?*

Сердце застучало с удвоенной скоростью. История была последней парой по пятницам. Обычно она прогуливала, чтобы пораньше сесть на автобус до Стентрэска. Думала, что это не бросается в глаза. Все три контрольные за семестр она написала в надежде, что и этот учитель не помнит ее в лицо. Проклятие!

Мама будет вне себя от ярости, папа тоже. Вернее – если не забудут спросить. К тому же она может солгать. Никто не будет проверять.

Она вышла из класса, когда Торстен добрался до буквы «Р». Куча времени в запасе, чтобы добраться до автобусного вокзала. Она прокладывала себе дорогу среди охваченных летней эйфорией юнцов, направляющихся в никуда. Шла с толпой, словно плывя по течению, вдоль пешеходных улиц в сторону Сундсгатан, заметила несколько групп выпускников в студенческих фуражках, истерично размахивающих флажками. Что заставляет нормальных людей предаваться таким нелепым сентиментальным занятиям?

Она пробиралась вперед по тротуару, огибая прохожих. Вблизи церковной парковки толпа поредела, и можно было сбавить шаг, перевести дух.

Биргитта уже в пути, в нужном направлении.

Где именно она окажется с точки зрения будущей профессии, ей совершенно безразлично. Заниматься она может чем угодно, при условии, что не придется насиловать себя, предавать свои убеждения. Права человека, женская эмансипация, международные отношения – что-нибудь осмысленное. И плевать, как будет называться ее должность.

Сусанна станет журналисткой. Она уже решила, а Сусанна обычно добивается того, чего хочет.

В каком-то смысле такое упрощенное восприятие реальности даже вызывает зависть. Трендовая одежда и обувь, модная профессия и подходящий круг общения – и все тип-топ. Целеустремленность, незамысловатость – в этом есть что-то привлекательное.

Многие ли из тех, кто ее окружает, точно знают, чего хотят?

Агнета фантазирует о том, что станет писательницей, но из этого ничего не выйдет. Бедняжка. Она печатает свои многословные рассуждения на ужасной походной пишущей машинке с красной лентой. Скорее всего, она окажется за кассой в супермаркете или за прилавком в школьной столовой в Кварндаммской школе. У нее совсем нет напора. Возможно, ей доведется вслух читать свои стихи на поэтическом вечере, организованном муниципалитетом. Далее этого ее писательские успехи не продвинутся.

А вот у Софии, наоборот, все будет в порядке. У деток высокопоставленных социал-демократов обычно все хорошо. Ее ждет какая-нибудь стабильная должность в государственном учреждении, найденная папашей через свои связи, – тоскливая и бюрократическая донельзя.

Она подошла к автобусному вокзалу, увидела, как автобус *Norrbottens trafik* мигает, собираясь свернуть на Сундсгатан. Но – стоп, что такое? Что там на нем: Эльвсбюн – Видсель – Стентрэск. Это же ее автобус! Крепко обхватив сумку, она кинулась бежать, дико размахивая второй рукой и крича:

– Стой! Стой! Подожди!

В пять часов к ней придет Викинг, она не должна опоздать. Следующий автобус уходит только без четверти четыре.

– Эй, подожди!

Она не заметила булыжника, лежащего на тротуаре. Вообще не поняла, что произошло, пока не растянулась во весь рост на асфальте. Услышала, как кто-то кричит, и лишь потом поняла, что это она сама. Сумка *Adidas* перелетела через ее голову и вылетела на проезжую часть. Автобус остановился. Черт, как больно – в голове, в ладонях, везде.

– С тобой все в порядке? – крикнул ей водитель.

Она тяжело дышала. Джинсы порвались, колено кровоточило. И ладони – она упала на руки. Разодрала их в кровь. На глаза навернулись слезы – черт, черт, черт.

– Ты поедешь? – с просил водитель.

Она кивнула, осторожно поднялась с асфальта. Двое пассажиров – пожилой мужчина и женщина, вероятно, его жена, вышли из автобуса и помогли ей зайти. Женщина взяла ее сумку, а мужчина поддержал ее на ступеньках.

Водитель забыл взять с нее плату за билет.

И вот автобус с грохотом покати́л на север.

Пожилой мужчина достал из автобусной аптечки дезинфицирующую жидкость и несколько бинтов. В армии он был санитаром, заявил он, и закатал на ней джинсы, прежде чем она успела возразить.

– Девочка, – проговорил он, с ужасом уставившись на ожог у нее на икре, – ты что, побывала на пожаре?

– Да, в детстве, – ответила она, как обычно и делала в таких случаях.

Он обработал ее колено и ладони, насколько это было возможно. Дама дала ей какое-то хорошее обезболивающее.

Когда проехали Арнемарк, она заснула, чего с ней почти никогда не случалось. Только задним числом она сообразила: стоило спросить, что за таблетку ей дали.

Когда она проснулась, пожилая пара уже вышла. Растерянно оглядевшись, она увидела, что автобус стоит рядом с новым строящимся мостом через Питеэльвен, они почти на месте.

Она сделала глубокий вдох – в животе щекотало от предвкушения.

У Гуниллы ночные смены в отделении скорой помощи, так что сейчас она должна быть дома. Она начнет ругать ее за то, что она такая неосторожная, и настаивать на том, чтобы как следует перебинтовать рану, но Биргитта только посмеется и отмахнется. Вместо этого Биргитта расскажет ей, что собирается переселиться к ним навсегда. Гунилла ужасно обрадуется и обнимет ее, может быть, они даже пойдут в магазин Сандстрёма и купят новые занавески для ее комнаты. Не то чтобы старые были чем-то нехороши, но Гунилла будет настаивать. В кондитерской Лундберга они купят с собой булочек и пораньше заберут из садика Юакима – самого младшего.

А в пять часов придет Викинг.

Она вздохнула с облегчением.

В Стентрэске с автобуса сошла только она. Колено болело немилосердно. Автобус уехал, оставив ее в целом облаке серых выхлопных газов.

В лицо ей дул свежий ветер с реки и с гор, когда она ковыляла в сторону Страндгатан. Она знала, что жители называют их улицу «Олимпом». Ну и что такого, ведь так и есть. На их улице располагались самые фешенебельные дома в Стентрэске, а их дом, наверное, самый роскошный из всех.

Правда, у нее имелся собственный вход с задней стороны дома, но она почти всегда входила через главный вход. Наружная дверь оказалась заперта, так что она отперла ее своим ключом, бросила на пол сумку *Adidas* рядом с полочкой для обуви и крикнула:

– Эй! Есть кто дома?

Ответа не последовало.

– Гунилла!

В доме стояла полная тишина, лишь из какого-то щелястого окна доносилось легкое гудение. Солнечный свет казался блеклым и холодным, в углу висела паутина. Папа уехал на какую-то конференцию, это она знала, а Юкке в детском саду, но у Хампуса и Себастиана еще в среду закончились уроки в школе. Они должны быть где-то здесь. Подойдя к окну в гостиной, она выглянула на веранду – нет, у качелей мальчишек нет.

– Гунилла!

Она вошла в кухню. На столе лежала записка.

Привет, Гитте!

В холодильнике есть лазанья.

Я отвезу мальчишек к маме, они останутся там ночевать, а потом поеду напрямиком на работу.

Теперь, когда у тебя каникулы, ты, может быть, уже начнешь освобождать свою комнату? Выбери то, что хочешь забрать с собой, остальное я отвезу на помойку. В гараже стоит пустой ящик, можешь упаковать в него свои вещи. Ты можешь оставить что-то у нас, если положишь в коробки и пометишь (фломастер лежит рядом с морозилкой в подвале). Можем пока поставить их в кладовку. Старые учебники и все такое. Твои мягкие игрушки. Когда ты возвращаешься в Питео?

Гунилла

В одном ухе зазвенело едва слышное дисканто.

Бабушка мальчишек жила в Москоселе, они часто оставались у нее ночевать. Бабушку звали Вера, она рисовала картины – Биргитта была от нее в восторге. Хотя Вера была не ее бабушка и она там никогда не ночевала.

Да и зачем ей убираться в своей комнате? Ведь есть уборщица.

Она сняла джинсы. Подумала, что их, возможно, удастся починить. Надо будет спросить Сусси, она в таком разбирается. Ладони жгло огнем, когда она стала мыть руки. Под кожей застряли мелкие камешки, она выковыряла их швейной иглой.

Потом она прошла по всем комнатам дома на Олимпе и задернула шторы в полной тишине, не включив музыку. Далеко внизу шумела река Питеэльвен – на пути к порогу Стурфорсен, готовилась к прыжку, собиралась с силами для извержения.

Она пошла в спальню папы и Гуниллы. Села на папину половину кровати, где стоял телефон. Поколебавшись, сняла трубку. Закрыла глаза, держа трубку в одной руке, положив другую на рычаг, но потом все же набрала номер Гувера. Он жил в Видселе и обычно держал приличный склад таблеток и других субстанций.

– Не-а, валиум закончился, – заявил он, когда она изложила ему суть дела. – Осталось немного травки, если хочешь.

Не сколько недель назад, после прошлого читательского клуба, она съездила к нему в Видсель и закупила десять таблеток. Тогда в банке осталось всего несколько штук. Какой бездарный торговец – даже не позаботился пополнить свои запасы.

– Можешь спросить Софию Хельстен, – продолжал он. – Когда в прошлый раз приезжали янки, она закупила у меня кучу травы. Кажется, и успокоительного тоже.

Биргитта заморгала.

– София? Хельстен?

– У тебя есть ее номер?

– А какие успокоительные?

Гувер застонал – казалось, он рвет на себе волосы.

– Бензо, точно не помню. Строго говоря, таблетки – не моя стихия. Уверена, что не хочешь сена? Я бы мог скрутить тебе парочку джойнтов.

Она отказалась и положила трубку.

Так и осталась сидеть на папиной кровати, слушая гудение окна – и ли же это грохот порога. Тоска и неприкаянность заполняли вены словно колючей проволокой. Викинг появится только через несколько часов. Она совершенно одна во всем мире, никто ее не видит, даже Бог. Она может делать все, что захочет, – никто не узнает.

Глубокий вдох. Потом она выдвинула ящик папиной тумбочки и достала пачку мужских журналов. Глянцевые обложки с изображениями полуобнаженных женщин, броские рубрики об автомобилях и преступлениях. С последнего раза тут прибавилось несколько новых номеров. Она опустилась на пол, прислонившись спиной к стене, перелистала журнал. На внутреннем развороте – голая девушка, довольно некрасивая, с надутыми губами и затравленным взглядом. Заголовок, видимо, представлял собой цитату: «Ты можешь делать со мной все, что захочешь». В целом текст вкупе с картинкой свою функцию выполняли, посылая в пах заряд возбуждения. Не потому что ее возбуждали женщины, а потому что она идентифицировала себя с ними. Мысль о том, что какой-то мужчина будет делать с ней, что захочет, какое это чувство – быть совсем беспомощной. В реальности это отвратительно, в фантазиях – очень возбуждает. Она полистала еще и нашла «Сексуальные привычки шведского народа», пробежала глазами несколько читательских писем.

«Она помогла мне кончить в кинозале», «Летний секс на пастбище», «Она проглотила все до капли», «Я удовлетворил проститутку». Некоторые рассказы были написаны от лица женщины, она выбрала «Сантехник взял меня сзади». Стянула трусики, села попой на холодный паркет. Плюнув на пальцы, принялась медленно ласкать клитор, продолжая читать. Строго говоря, плевать ей не следовало, от этого можно обзавестись грибковой инфекцией, но сейчас не хотелось об этом думать. «Он крепко взял меня за бедра и одним движением ввел свой большой член целиком. Я была такая мокрая, что он скользнул внутрь без всякого сопротивления. Он заполнил меня, кажется, до самого горла, я просто не могла сдержать крик. Потом он начал двигаться – взад-вперед, так что брызги летели...» Уронив журнал на пол, она ввела два пальца во влагалище – указательный и средний, принялась двигать ими туда-сюда, увеличила темп, продолжая массировать клитор правой рукой, нажимая круговыми движениями, потом ввела во влагалище третий палец, о Боже, ох, ах... Когда наступили спазмы, она сжала ноги, оставив пальцы во влагалище и на клиторе – все тело сжималось, спазмы постепенно ослабевали, и шум в голове прекратился. Уперлась головой в стену, ожидая, пока успокоится дыхание. Сидеть было чудовищно неудобно, колено зверски болело. Поднявшись, она понюхала пальцы. Удачно, что утром она приняла душ. Снова надела трусики, похромала в гостевой туалет и помыла руки. Отметила румянец на щеках, блеск в глазах. Потом вернулась обратно в спальню и сложила мужские журналы в том порядке, в котором они лежали. Поправила слегка перекосившуюся тумбочку.

Колючая проволока звенела и гудела еще громче, чем раньше. Неприкаянность нисколько не отпустила.

Часы показывали половину четвертого – до прихода Викинга еще целая вечность. А уж тем более до «Полярного круга».

Мама считает, что ей не следует есть много сладкого, но сейчас ей совершенно плевать. Достав из морозилки упаковку мороженого с тремя вкусами, она разрешила ее пополам и спустилась в гостиную в подвале. Включила телевизор. На первом канале – теннис, открытый чемпионат Франции. Принялась есть ложкой прямо из упаковки – сперва одну половину, потом другую. Бьёрн Борг, похоже, выигрывает.

Папа любит теннис, и Викинг тоже. Она попыталась сосредоточиться, но игра ее не увлекала.

Бьёрн Борг выиграл. Имени его противника она не расслышала.

Выключив телевизор, пошла в свою комнату, настолько не находя себе места, что чуть не плакала. Но – стоп, автоответчик! Он мигает!

Под диафрагмой все сжалось. Наверное, ей звонила Гунилла – или Викинг! А что, если он не придет?

Она поспешила к аппарату.

У вас есть. Одно. Новое. Сообщение.

«П-привет, Гитте, это Аг-гнета. Я видела, как ты выходила из автобуса, и окликнула, но ты меня н-не услышала. Мы с мамой сидим в кондитерской Лундберга, если хочешь, приходи попить с нами кофе. А так увидимся в библиотеке...Пока!»

Финальный писк.

Конец. Голосового. Сообщения.

Одним движением она стерла запись. У Агнеты фамилия Мякитало. «Мяки» означает «гора» на финском, а «тало» – «дом». Стало быть, дом на горе, что совершенно не подходит Агнете. Вообще никак. Наоборот. Она живет на первом этаже в квартале Трэск в долине со своей мамашей, у которой маниакально-депрессивный синдром. Оказаться с ними в кафе – самое последнее в списке ее желаний на земле, а звонить Софии и выпрашивать у нее валиум она тоже не собирается. Есть все же какие-то пределы.

Она откинулась на кровать спиной назад, уставилась в потолок.

Может быть, стоит все же накраситься к приходу Викинга?

Хотя с какой стати? Если она его не устраивает, какая есть, то и фиг с ним.

Она потянулась к тумбочке за пакетиком малиновых мармеладок.

* * *

– Входи, – сказала она, широко распахивая дверь.

Викинг позвенел перед ней ключами от машины. Волосы у него отросли почти до плеч. Если видеть только его голову, с тонкими чертами лица и длинными ресницами, его можно было принять за

девушку. А вот фигура – совсем другое дело. Высокий, мускулистый, широкоплечий – настоящий хоккеист.

– Что это? – спросила она.

– Сдал в понедельник на права, – ответил он, улыбнувшись своей волчьей улыбкой.

Проклятие, до чего же он красивый! Она сделала шаг назад, чтобы пропустить его в дом.

– А-а, – сказала она. – А какую машину ты купил?

Улыбка слегка полиняла, небрежной походкой он пошел за ней в ее комнату.

– У мамы одолжил, – ответил он.

У его мамы Карин «гольф». Или же «пассат»? Биргитте она нравилась. Карин была социальным работником в муниципалитете. Работала на полставки, чтобы побольше времени проводить дома со Свеном, младшим братом Викинга, отстающим в развитии. Иногда они сидели за столом и пили чай у них дома, пока она ждала Викинга, беседовали о том, как важно дать людям образование и хорошие условия для развития. Карин разговаривала с ней, как со взрослой.

– Что у тебя с ногой?

Сквозь дыру на джинсах виднелась большая повязка. Она показала ему и свои руки.

– Упала.

Он наклонился вперед и посмотрел внимательно.

– Ай-ай, плохо дело, – проговорил он.

Она закрыла дверь. В комнате стало сумеречно – сюда, в подвал, лучи солнца не пробивались. Викинг плюхнулся в ее складное кресло, сама она села на кровать.

– Ты, наверное, догадываешься, что мне довольно тяжело с тобой разговаривать.

Он опустил глаза, глядя на свои руки.

– Я начала тебя бояться, – продолжала она. – Ты меня чертовски напугал. Со мной никто никогда так не обращался. Никогда в жизни.

Он кивнул и сглотнул, по-прежнему глядя на свои руки.

– Понимаю. Я поступил... неправильно. Я правда хочу попросить у тебя прощения.

– И еще на руках у меня остались синяки. Мама спросила, что это и откуда.

Это последнее она присочинила, никаких синяков не осталось, но она просто не смогла удержаться.

Он поднял на нее взгляд – глаза округлились, стали еще более виноватыми.

– Сам не понимаю, что на меня нашло, – пробормотал он. – Понимаю, что ты испугалась – я сам себя испугался. Мне было тяжело. Я много думал о том, что я наделал, и понял, что мне нет оправданий. Если ты хочешь быть со Стефаном, то, конечно – э то твое право, я просто так чудовищно... да, рассердился и расстроился.

– Это ничего не значит, – проговорила Биргитта. – И ты все отлично знаешь. Это не оправдание.

– Понятное дело, нет, – ответил Викинг.

Она занималась сексом со Стефаном Алатало на вечеринке. Там все ужасно перепились, они с Викингом тоже, к тому же она мешала алкоголь с таблетками, так что мозги совершенно отрубались. Викинг бродил по дому в поисках ее, в то время как она кувыркалась со Стефаном в спальне у чьих-то родителей. Узнав об этом, Викинг пришел в ярость.

– Насколько ты был близок к тому, чтобы меня ударить? – спросила она.

Он покачал головой.

– Я бы никогда этого не сделал. Никогда не ударил бы девушку.

– Никогда не говори «никогда». Ты не можешь знать. Вполне вероятно, что очень даже и мог ударить. Со всего размаху.

Он не ответил.

– Мне кажется, – проговорила она, – что ты и сам до конца не понимаешь, до какой степени насилия ты можешь дойти. Ясное дело, тебе тяжело – когда ты осознал, что можешь представлять опасность для других. Ты для того пришел сюда, чтобы я погладила тебя по голове и сказала, что на самом деле ты хороший мальчик? Что все это было недоразумение?

Он закрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Вовсе нет, – ответил он.

– А все эти твои постоянные допросы – что я делала и с кем, как ты это назовешь?

Он вскинул глаза, посмотрел на нее с искренним удивлением.

– Что ты хочешь сказать?

Она наполнила легкие воздухом.

– «Что ты делала во вторник?», «А ты правильно ответила на все вопросы в контрольной?»

Он развел руками.

– Но ведь я просто спрашивал! Разговаривал с тобой.

– «Что у тебя на шее?»

– Но ведь это был огромный засос!

Да, строго говоря – его оставил тот парень из отдела пластинок в *Тетро*.

Викинг откашлялся и постарался сесть прямо, что не так-то легко сделать, сидя в складном кресле. Снова устался в пол или же на носки своих ботинок.

– Я просто хотел попросить прощения. Не хочу, чтобы ты считала меня свиньей. Ты мне просто нравилась – собственно говоря, ты мне до сих пор нравишься, и я хочу, чтобы мы остались, да, друзьями.

– Друзьями?

Он кивнул и поднял на нее глаза.

– Ты хочешь, чтобы мы продолжали встречаться? – спросила Биргитта.

Он чуть заметно пожал плечами, закусил губу.

– Даже не знаю, – пробормотал он. – А ты?

– Я тоже не знаю, – ответила она. – Это зависит...

– От чего?

– От того, хочу я или нет.

Чуть заметно улыбнувшись, он лукаво посмотрел на нее. Он и вправду самый красивый парень из всех, кого она когда-либо видела. Он словно наэлектризован, весь светится изнутри. Излучает доброту, но это иллюзия. Горько, что мир настолько искажен.

Она взглянула на свои наручные часы и поднялась.

– Мне пора идти, – сказала она. – У нас сегодня читательский клуб.

Он выбрался из кресла.

– Вы до сих пор продолжаете встречаться?

– Скоро закончим.

– Хочешь, подвезу?

– На «пассате»?

– У меня «гольф».

Она воздела глаза к небу.

– Ну хорошо.

Отошла к шкафу, стянула через голову джемпер, достала рубашку. Ощущала спиной взгляды Викинга – ему всегда нравилась ее грудь. Напялила мужской пиджак с подплечниками, купленный в секонд-хенде в Питео. Взяла книгу и бумажник, засунула в сумку. В дверях он на секунду замер, словно хотел ее обнять.

Но потом повернулся и пошел впереди ее к машине.

* * *

Остальные уже расселись на мешках, ей пришлось довольствоваться детским диванчиком.

– Почему так получается, что ты всегда опаздываешь? – спросила Карина еще до того, как она успела достать свою книгу. – Почему мы должны сидеть и ждать тебя? Разве твое время более ценное, чем время остальных?

– Да ладно тебе, – откликнулась Сусанна. – Ничего страшного. Здорово, что наконец-то каникулы, правда, Гитте?

Ее первое желание было – подняться, выйти отсюда и никогда больше не возвращаться.

Но поддаваться каждому импульсу – не решение проблемы, как все время внушала ей мама. Не бывает, чтобы все всегда давалось просто. Приходится бороться.

Перед глазами еще стоял профиль Викинга, сидящего за рулем, когда она выходила из машины.

– Береги себя, – сказал он на прощание.

Она не ответила.

Схватив книгу обеими руками, она искала, на что бы опереться.

Ее экземпляр «Убийцы полицейских» был переплетен и весьма потрепан. На самом деле он принадлежал Сванте. На обложке – черно-белый портрет девушки. Биргитта ломала голову, кого же эта картинка должна изображать. Сигбриг Морд, потерпевшей в романе было за сорок, так что это явно не она. Возможно, все очень просто: книги с девушками на обложке раскупают лучше, чем книги с портретами сорокалетних женщин. Вполне возможно, что авторы никак не могли

повлиять на выбор обложки. Издательство более всего заботилось о том, чтобы продавать.

– Когда начала выходить серия «Роман об одном преступлении», она оказалась совершенно новаторской. Авторы Май Шёваль и Пер Валё писали не только о кражах и убийствах, они изобличали общество в целом. Режим всегда утверждает, что Швеция – чудесная страна, однако все мы знаем, что нам лгут. Мы слышим, что у нас все лучше всех, однако люди теряют работу. Женщин бьют и насилуют. Детей бросают, люди сидят в одиночестве. «Дом для народа»^[38] трещит по швам, и Шёваль и Валё рассматривают его под лупой.

Пока она переводила дух, в помещении царила мертвая тишина. Сусанна интенсивно жевала свою жвачку, Агнета вертела пальцами прядь волос. София сосредоточенно что-то записывала в своем потрепанном блокноте. Только Карина не сводила с нее восхищенных глаз.

– Преступники в романах Шёваль и Валё на самом деле не злые, – продолжала она. – То, что мы привыкли называть «злом», на самом деле уловка, при помощи которой режим скрывает свои собственные преступления.

Карина выпрямилась на пуфике.

– Извини, – проговорила она, – но ты только что дважды употребила слово «режим». Что ты имеешь в виду? Правительство Швеции? Разве «режим» не предполагает диктатуру?

Так-так, начинаем цепляться к словам.

– Можно сказать «верховная власть». Суть от этого не меняется.

Но Карина так легко не сдалась, теперь ей есть что доказывать. Сама-то она вообразила, что совершит головокружительный прыжок из грязи да в князи: потенциальный конструктор ракет, вынужденный пока чистить картошку в доме престарелых. Бесспорное доказательство того, что мир несправедлив и не задействует потенциал своих менее состоятельных граждан. Теперь она подалась вперед, внутри кресла-мешка зашуршали пластмассовые шарики.

– Я обратила внимание на то, что авторы, Шёваль и Валё, часто называют правительство «режимом» во всех десяти романах. Книги были написаны в период с 1965 по 1975 год, когда у власти находились социал-демократы. Ты считаешь, что при них в Швеции была диктатура?

Биргитта покосилась на Софию, но та сидела и сосредоточенно записывала. Похоже, не обиделась. Сама же она вновь боролась с инстинктивным желанием встать и уйти, что она уже проделывала на последних встречах.

– Популярность серии обеспечило то, что авторы так хорошо описали работу полицейских, создали интересные образы, проанализировали причины преступности...

– Работа полицейских вовсе не хорошо описана, – прервала ее Карина. – Наоборот. Они совершают прокол за проколом. Настоящие полицейские работают совсем не так.

– И ты это знаешь лучше всех?

Карина опустила веки – как всегда, когда кокетничала.

– Короче, возьмем самое первое убийство в первом романе. Мы узнаем, что жертву звали Росеанна Макгроу, но ее личность так и не устанавливается. Мартин Бек просто посылает ее описание телеграммой через Атлантику – и все, дело ясное.

Биргитта сжала руки, придется, по крайней мере, попытаться дослушать до конца.

– И что в этом такого? – спросила она нейтральным тоном.

– Вспомните того старичка, которого нашли в квартире в Сольне прошлым летом – того, которого убили две финки. Задушили своими нейлоновыми чулками – вы наверняка читали об этом. Хотя он лежал в своей собственной квартире, пришлось устанавливать личность благодаря карточке у стоматолога, потому что тело вздулось и разложилось.

София подняла руку, словно сидела за партой.

– О какой книге идет речь?

– Не о книге, а о реальном деле, – ответила Карина. – Прошлым летом о нем много писали в газетах.

– Ты имеешь в виду – в вечерних газетах, – уточнила Биргитта, не скрывая насмешки в голосе.

Представители рабочего класса читают бульварные газетенки, она не имела в виду, что у нее есть предрассудки по этому поводу.

– Зубы – они как отпечатки пальцев, – продолжала Карина. – Они уникальны. Эксперты могут установить личность убитого по карточке у стоматолога. В «Росеанне» упоминается о зубах погибшей, но авторы

ничего с этим не делают. Если бы повествование было мало-мальски достоверным, ее бы идентифицировали, как положено.

Биргитта прекрасно помнила историю с Росеанной – ее точно идентифицировали, но не за счет зубов или отпечатков пальцев. Обнаружили ее фотографию, и ее друзья и родственники в США опознали ее.

Хотя это на самом деле не имело значения. Вопрос в том, почему Карина решила кидаться в бой по любому поводу. Почему решила провоцировать именно ее, и не только сегодня, но и на всех предыдущих собраниях этой весной? Просто зависть или нечто большее? Может быть, это связано с Викингом? Не поэтому ли Карина все время старается ее прижать? Неужели ей мало младшего брата Сусси? Все это просто бред какой-то. Сусси все не может успокоиться. Карина переехала в комнату Хокана. Сусси слышала через стенку, как они занимаются сексом.

Очевидно, что их встречи подходят к концу, читательский клуб «Полярный круг» клонится к закату. Хотя она и планирует постоянно жить в Стентрэске, у нее нет никакого желания терпеть постоянные унижения по пятницам.

Демонстративно отвернувшись от Карины, она обратилась к Суссанне – та ее всегда поддерживала.

– А ты что думаешь о книге?

Сусанна намотала жвачку на указательный палец. В воздух полетели капельки слюны.

– Мне она показалась суперинтересной. Они пишут о том, какой невыносимой может стать реальность. Полицейские продажны, преступников толкает на преступление бессилие. Все так и есть. Кроме того, здорово было почитать, как работают СМИ. Чувствуется, что авторы в прошлом журналисты. Все это прекрасно описано.

Сусанна откинулась на свою подушку и принялась снова крутить в руках жвачку, весьма довольная собой. Судя по всему, она не утруждала себя сколь-нибудь серьезным анализом текста и содержания. Причиной всему, конечно же, был Кристер. Они с Сусанной часто подолгу разговаривали по телефону, и она либо ужасалась по поводу Карины, либо рассказывала о Кристере. Будущий автомеханик – да-да, такие тоже нужны.

– София, как бы ты описала роман? – спросила Биргитта.

София выпрямилась, отложила ручку и блокнот, подтянула хвостик. Взгляд за стеклами очков ясный и пустой.

– На самом деле авторы описывают в книге множество разных преступлений, – заявила она. – Далеко не все они раскрыты. Например, описываются кража и коррупция при строительстве аэропорта «Стюруп». В книге говорится, что жителей «депортировали», а это наверняка незаконно, и что какой-то высокопоставленный чиновник, непонятно какой, «по крайней мере, смог положить на свой счет в швейцарском банке еще несколько миллионов. Человек, занимавший настолько высокий пост, что любой гражданин устыдился бы своего скромного, чисто формального участия в шведской псевдодемократии и ее надвигающемся полном банкротстве».

Биргитта сидела, молча уставившись на Софию. Столько слов за раз она не произносила с тех самых пор, как читательский клуб собрался на свое первое заседание осенью 1974 года. И сколько пафоса! Должно быть, она специально заучивала фрагмент текста, помнила его наизусть.

– Не совсем понятно, кто это говорит, – продолжала София. – Своего рода голос рассказчика – возможно, сами авторы. Такое тяжело читать. И я считаю, Карина права в том, что касается слова «режим». Оно тут не подходит.

Ага, вот в чем дело! Нельзя критиковать Партию, иначе маленькая соц-демпринцесса обидится.

София поправила на носу очки, снова взяла ручку и уткнулась в свой блокнот. Интересно было бы знать, какой диагноз поставила бы принцессе мамина коллега Сири. Все же у нее не все дома.

– Агнета! – сказала Биргитта, обернувшись к самой незаметной участнице.

Агнета заложила за ухо прядь волос и склонила голову набок.

– На самом деле я согласна с вами с-со всеми, хотя и по-разному, – сказала она. – Там есть голос рассказчика, как ты говоришь, София, и он достаточно назойлив. И работа полицейских наверняка описана не лучшим образом. Но м-мне кажется, что в этом нет ничего страшного. Шёваль и Валё пишут совершенно потрясающе. Великолепные диалоги. Некоторые персонажи весьма неприятные. Я не хотела бы с ними дружить, но читать про них интересно...

Она перелистала свои страницы, исписанные красными буквами.

– Хотя я много размышляла над тем, что хотели сказать авторы, – продолжала она. – Иностранцев они описывают не оч-чень-то корректно. Вы обратили внимание на этого врача, который работает в больнице в Мальмё? Он описан с издевкой, весь такой черный, с черной бородой, рубашка расстегнута до пупа, его имя не выговорить, и он не знает ни одного общеизвестного языка. Настоящий расизм, если п-подумать. Никого из вас это не задело?

Она оглядела всех, ее взгляд остановился на Биргитте.

Чертова сука, кем она себя возомнила? Сидит себе в своей дыре в Трэске и еще смеет обвинять в чем-то Шёваль и Валё?!

Горло сдавило, паника ударила в солнечное сплетение.

Только не гипервентиляция. Не потерять контроль. Это всего лишь приступ страха.

Биргитта уперлась подошвами в пол. Позволила себе прочувствовать все неприятные ощущения разом. Не бежать, не бороться. Она не умрет, не потеряет сознание. Мама совершенно права.

– Я согласна с тобой, – услышала она как сквозь пелену голос Карины. – Они прекрасные писатели. Есть критики, которые считают, что они подражали Эду Макбейну, и они ведь перевели несколько его книг, но это было уже после того, как они начали собственную серию, и мне кажется, что...

Голос Карины рассеялся в тумане, в пальцах хрустело, в голове шумело, если она не справится с этим как можно скорее, то с ней случится настоящий припадок, паническая атака, опасности нет, ничего магического, никакой боли, она просто выдыхает слишком много углекислого газа, это в голове и больше нигде, положить руку на живот и сосредоточиться на своем дыхании, вести себя так, словно ты совершенно спокойна, расслабить плечи, опустить подбородок...

– Гитте, что с тобой, как ты себя чувствуешь?

Рука Агнеты на ее плече, встревоженные глаза над ней.

Никаких глубоких вдохов, сдержаться, справиться.

– Падение уровня сахара, – выдавила она из себя. – Я сегодня мало поела.

– Хочешь, я схожу и куплю тебе поесть? Жареной картошки с соусом?

Биргитта сглотнула. Все смотрели на нее – Сусанна нервно, Карина с любопытством, София как мертвая рыбка.

– Нет-нет, ничего страшного, – выдавила она из себя. – Куплю чего-нибудь по дороге домой. Наверное, пора уже закругляться?

На самом деле они только-только начали. Почему она больше не выносит своих подруг? Что с ними произошло? Или же все дело в ней?

– Есть один момент, который мне хотелось бы обсудить, – сказала Карина.

А кто же еще? Если ей выпал шанс кого-то помучить, она его не упустит.

– То, что ты говорила по поводу зла – что оно от беспомощности, это тоже не так.

Биргитта убрала руку с живота – припадки порой проходили так же внезапно, как и начинались. Осталось лишь легкое мерцание на периферии зрения, остатки расколовшейся реальности. Предупреждение или, вернее, ощущение, насколько все уязвимо.

– Тогда что же такое зло, по-твоему?

Голос звучал напряженно, но не подвел.

– Ты права в том, что зло может быть от беспомощности, но оно может также происходить от *мнимой* беспомощности. «Если ты не сделаешь, как я говорю, я тебя ударю. Если ты и после этого не сделаешь, как я хочу, я тебя убью». Это объясняет и насилие в отношении женщин, и диктатуру. Они угнетают, унижают, прибегая к угрозам и насилию. Правильное определение – что они злые, а не «неверно понятые».

– Борец за свободу или т-террорист, – проговорила Агнета. – Все зависит от того, кто дает определение.

– Мы каждый день едим животных, но ведь мы не считаем себя из-за этого злодеями, – заявила София, внезапно очнувшись от своего рыбьего сна. – Мы убиваем кучу комаров, однако нас не мучает совесть. По крайней мере, в Стентрэске. Но в других местах нельзя есть животных или убивать комаров, как в Индии, например. Там человек, который это делает, считается злым.

– Какая интересная мысль! – воскликнула Агнета, никогда не различавшая подтекста. – Ты хочешь сказать, что зла не существует? Что все определяет м-мораль?

Но София уже спряталась обратно в свою ракушку, у нее снова стал совершенно пустой взгляд.

– Ясное дело, зло существует, – возразила Сусанна. – Это один из тех моментов, которые делают нас людьми: что мы способны отличать хорошее от плохого.

Больше Биргитта не могла этого выносить. Она поднялась с детского диванчика.

– Убирать сегодня мне, – сказала она. – Спасибо всем за сегодняшнюю встречу, мы увидимся четвертого июля. В следующий раз твоя очередь, Агнета. У всех есть книга Марка Твена «Приключения Тома Сойера»?

Остальные поднялись, вероятно, немного удивленные таким резким окончанием встречи. Они произносили слова, сливавшиеся в единый гул, объятия, надеваемые куртки, вопросы про выходные, как обычно. Она слышала, что они говорят о Викинге – всегда Викинг.

– Когда он учился водить, с ним ездила мама, Густав отказался, – со смехом рассказывала Сусанна. – Сказал, что слишком нервничает. Мило, правда? Папаша-полицмейстер не может сидеть рядом, когда сын ведет машину...

– А машина у него есть? Собственная?

– У Кристера день рождения накануне мидсоммара, он в первый раз выедет в понедельник.

– Какие красивые ботинки, где купила?

Биргитта отвернулась и закрыла глаза. Уровень адреналина упал, остались дрожь и легкое головокружение. Сегодня ночью она будет одна, весь дом в ее распоряжении. При мысли о темных тенях из углов в ладонях неприятно закололо.

– Пойдем поболтаемся по городу? – спросила она Сусанну.

Сусси – она, по крайней мере, настоящий друг. Сегодня на ней розовая куртка с подплечниками и коричневые ботинки, которые ей маловаты, – в таком виде она ходит только по **ОЧЕНЬ ВАЖНОМУ ПОВОДУ**.

Сусанна заколебалась.

– Разве что очень недолго, – пробормотала она. – Мы едем домой к Кристеру.

Ее взгляд уже был где-то за дверями, паря над улицами и очнувшимися ото сна клумбами, в мире, залитом тем светом, который

может происходить только от незаходящего солнца: темно-желтого, висящего низко над горизонтом.

– Давай созвонимся завтра, – предложила Сусанна. – Я могу зайти в первой половине дня. Может, посмотрим кино?

Гунилла недавно приобрела видеомэгнитофон, он пользовался большой популярностью среди соседей. Дома у них имелось всего четыре кассеты – детские фильмы для мальчиков, но Сусанна обладала завидной способностью находить самые недетские фильмы. Они посмотрели уже несколько штук, сидя два дня подряд, пока папа и Гунилла с мальчиками были на Канарских островах. Один назывался «Убийца с ящиком инструментов», второй – «Убийство мотопилой». В обоих суть заключалась в том, чтобы убить и расчленить как можно больше народу при помощи различных приспособлений. Среди прочего голую женщину убивали при помощи гвоздезабивного пистолета – эта сцена как-то особо отпечаталась в сознании. Женщина лежала мертвая на столярном верстаке, широко распахнув глаза и раздвинув ноги, смотрела в пустоту, а во лбу у нее торчал гвоздь. Наверное, это «Убийца с ящиком инструментов».

– Не знаю, получится ли посмотреть кино, – проговорила Биргитта. – У Гуниллы сегодня ночное дежурство, завтра она будет отсыпаться.

Накануне Вальборга ей удалось заманить с собой Сусанну в кино в Эльвсбюне, однако выяснилось, что это не ее. То есть совсем. Если бы выбирала Сусанна, они смотрели бы только фильмы ужасов и/или романтические комедии.

– Окей, позвоню, когда проснусь, – сказала она теперь и уплыла навстречу волнующим приключениям.

Теплый весенний вечер уже поглотил остальных. Из окна все выглядело так красиво, однако Биргитта знала, что за этим кроется. Июньские ночи в Стентрэске сырые и холодные. В прогнозе погоды предупреждали о ночных заморозках.

А где-то там, снаружи, Викинг в зеленом «гольфе» своей мамы.

Биргитта опустила на детский диванчик, положила пострадавшую ногу на один из мешков и достала из сумочки плитку вафель в шоколаде. Стянула бумажную упаковку, развернула фольгу и принялась осторожно хрустеть. Крошки шоколада посыпались на

диванчик. Она попыталась смахнуть их на пол, но от этого они размазались и прилипли к обивке, ах черт.

Викинг, кажется, по-настоящему раскаивается. Хотя что реально: его раскаяние или его агрессия? Вопрос в том, стоит ли давать ему еще шанс. Или это было бы ошибкой? А что, если он действительно ударит ее, нанесет ей увечье?

Однако, с другой стороны, тут нет больше никого, кто бы ей нравился, а ведь она решила остаться жить здесь.

Загнав ногой упаковку от шоколада под диван, она оттащила кресла-мешки в отдел подростковой литературы, погасила свет, заперла двери, сдала ключ администратору полицейского участка и вышла на открытую всем ветрам улицу, решив разыскать Викинга.

В городе толклось немало народу. Гудели моторы машин, гул голосов то усиливался, то стихал. Мужчины шумели. То тут, то там гремела музыка.

– Эй, Гитте, ты с нами?

Компания мальчишек на стареньком «вольво». На самом деле они не хотели брать ее с собой, просто выпендривались друг перед другом.

Народу становилось все больше. На улице Стургатан образовалась пробка, несколько компаний водрузили на крышу своей машины колонки. *It's fun to stay at the YMCA*^[39], народ подпевал, *Hey people I'm Bobby Brown*^[40], кто-то танцевал, *Born to be Alive*^[41]. Зеленого «гольфа» не видно.

Зато она увидела Кристера Шильца и его компашку, они собрались вокруг «форда таунуса» с виниловой крышей. На заднем плане, жуя жвачку, стояла Сусанна. Биргитта подошла к ней.

– Ой, знаешь, тут такой ужас, – выпалила Сусанна, – Ты знаешь Пера-Улу Нильссона – Пелле, приятеля Хокана, того, у которого желтый *Puch Dakota*^[42], не знаешь? Такой рыжий. Короче, у него, похоже, алкогольное отравление, он блевал, пока не вырубился, аж посинел весь, Викингу пришлось везти его в больницу на промывание желудка. Короче, бедная машина его мамы!

Викинг, в больницу. Она что-то ответила, изобразив интерес.

– Они соревновались, кто больше выпьет, и Пелле выиграл, – продолжала Сусанна. – Что с ними поделаешь? Отнимать у них бутылку? Викинг пока не возвращался, наверное, остался помочь ему

там, в больнице – ой-ой-ой, небось весь в блевотине, могу себе представить...

Возможно, Гунилле приходится сейчас принимать перебравшего юнца. И сейчас она стоит рядом с Викингом, выкрикивая, чтобы санитары подогнули носилки и везли пациента на промывание желудка – первая премия в состязании «кто больше выпьет».

– Сусси, ты идешь?

Кристер помахал ей из «таунуса», Сусанна поправила на плече сумку.

– Созвонимся завтра? – бросила она и ушла к Кристеру.

Биргитта развернулась и, оставив позади Стургатан, направилась к зданию больницы. Ветер дул немилосердно, по ощущению лишь несколько градусов выше нуля.

Мама всегда говорила, что нам дана жизнь, чтобы ее прожить, а не война, чтобы ее выиграть. Ясное дело, она может простить. Викинг совершил промашку, но, возможно, это в итоге поможет им сблизиться. На самом деле есть немало аргументов, почему им лучше быть вместе. Они друг для друга – первая большая любовь. Изначальная влюбленность затем переросла в нечто большее. С сексом у них все прекрасно. К тому же они великолепно вписывались вместе в ту большую компанию друзей, частью которой она планировала стать.

Как он обрадуется, какое облегчение испытает, когда она сообщит ему эту новость: она все обдумала и готова принять его обратно.

Она подняла воротник пиджака. Солнце светило прямо в лицо, красное, как кровавый пудинг. Подъем, ведущий наверх, на гору Кольбергет, был затяжной и казался бесконечным. Гунилла всегда ездила на работу на велосипеде, и зимой, и летом, говоря, что больше ей моциона и не нужно. Вверх и вниз по Бэкосен и Кольбергет, никогда не растолстеешь. Больница Стентрэска находилась за холмом.

Зеленый «гольф» она увидела сразу. Машина стояла чуть в стороне от приемного покоя, под фонарем, который горел, несмотря на дневной свет. Одна задняя дверь широко распахнута – наверное, Викингу пришлось оставить ее открытой, когда он тащил пьяного победителя к врачам. Но почему же он припарковался так далеко от приемного покоя? Свет в машине не горел, но Биргитте показалось, что внутри кто-то шевелится. Так ему еще не удалось вытащить пьянчужку? Может быть, ему нужна помощь?

Она поспешила к машине, выбрав короткую дорогу через рощицу рядом с парковкой. Да, из машины торчат две ноги, Викингу явно нужна помощь, хотя стоп, там два человека – картинка не складывалась.

Биргитта замерла на полушаге, охваченная внезапными сомнениями. Притаилась за деревом в рощице, невидимая в своем темном пиджаке и темно-синих джинсах. Беззвучно сделала несколько шагов вправо, потом несколько шагов вперед, и еще несколько.

На заднем сиденье полулежал на спине Викинг. Его белые мускулистые ноги торчали наружу. Между его ног примостилась на корточках маленькая фигурка, на поясе джинсов мерцал в свете фонаря лейбл *Puss & Kram*. Голова ритмично двигалась вверх-вниз в районе его паха, Биргитта видела, как прыгал хвостик у нее на затылке. Он прыгал и прыгал, взлетал и пританцовывал. Поначалу мозг не включился. Не сразу. Потом она услышала стон – так обычно стонал Викинг перед семяизвержением.

Реальность застигла ее врасплох, выдавила весь воздух из легких. Она делает ему минет. София делает ему минет на парковке у больницы на заднем сиденье машины его мамы.

Под ногами разверзлась пропасть, бездонная пустота.

Дом встретил ее темными тенями. Тишина лежала плотным покрывалом. Закрыв за собой дверь в окружающий мир, она пошла вниз, ко дну, где нет кислорода.

Если бы она могла, она бы закричала. Ее голос эхом отскочил бы от картин на стенах и ковров на полу, от этого крика лопнули бы зеркала и рухнули шторы, но она пребывала в немоте.

Она знает, что надо сделать.

Проплыла в кухню, бросила взгляд на ящик с ножами. Вокруг словно зазвучал голос Карины: «Ты действительно собиралась покончить с собой, когда резала себе вены, или просто хотела привлечь к себе внимание?»

С ножами покончено.

Прошла через заднюю кухню в прачечную. Вероятно, ее вырвет – она судорожно сглотнула. Веревки для сушки белья, сушильный шкаф, гладилка. Она достала утюг, включила в розетку. Повернула термостат на «ОТПАРИВАНИЕ». Поставила его на стиральную машину и сняла

джинсы. Все тело ныло. Рана на колене снова начала кровоточить, бинты пропитались кровью. Она ничего не чувствовала. Села на гладильный стол. В голове стоял непрерывный гул. Она пыталась расслышать пощелкивание утюга, когда температура поднялась до нужной отметки. Весь мир стал кровавокрасным. Где-то в глубине ее сознания запела свою песню группа *Nationalteatern*:

*Если только любимая ждёт,
Если стук её сердца услышу,
Если только со мной она рядом,
Я способен остаться собой.*

Лампочка на утюге погасла, температура достигнута. Биргитта плюнула на подошву утюга – зашипело.

Глубокий вдох. Подняла утюг к потолку. Он показался тяжелым и стабильным. Закрыв глаза, сделала еще несколько вдохов, так что кровь застучала в ушах.

Затем опустила утюг и, прицелившись, прижала его к внутренней поверхности левого бедра.

И наконец вырвался крик.

А дальше ее накрыло волной, смывающей боль.

* * *

В апреле 1999 года Гитте Ландён-Батрачка защитила диссертацию в Сёдертёрнской высшей школе. В тот же самый день произошла кровавая бойня в школе «Колумбайн», что, вероятно, можно воспринять как роковую случайность.

В ее диссертации анализируется первый в мире крупномасштабный эксперимент – политические решения принимались с учетом гендерных факторов. Исследование проводилось в рамках программы шведских муниципалитетов «Муниципалитеты и равноправие». Девять комиссий в шести муниципалитетах Швеции в течение полутора лет исследовали, как

политические решения влияют на мужчин с одной стороны и женщин с другой.

Например, если на улице расширят тротуар, то это повлечет за собой целый ряд последствий.

Экологические: Улучшится ли качество воздуха, поскольку на улице станет меньше машин? Или оно ухудшится из-за пробок?

Экономические: Увеличится ли оборот в магазинах, расположенных на этой улице, поскольку здесь станет больше прохожих? Или снизится, потому что никто не сможет припарковаться?

Гендерные: Кому пойдут на пользу более широкие тротуары? Женщинам или мужчинам? Получит ли какая-либо группа больший или меньший доступ к общественному пространству за счет другой группы?

Для того чтобы ответить на последний вопрос, придется сначала изучить специфические условия поведения женщин и мужчин, в связи с чем был сконструирован инструмент для измерения и взвешивания феномена равноправия. Его назвали «метод ЗР», что расшифровывается как Репрезентативность, Ресурсы и Реалии.

В самих опытах Гитте не участвовала, а лишь проанализировала собранные материалы, сосредоточившись в первую очередь на разработке «метода ЗР».

Исследование оказалось новаторским, и диссертация Гитте привлекла к себе повышенное внимание. Например, однажды в четверг она стала гостем программы на канале *TV4*. Перед тем она сильно нервничала и, уходя, не помнила ни слова из того, что там сказала. Двое коллег по кафедре по слали ей после этого эсэмэски, написав, что видели ее по телевизору и что она «хорошо выступила».

Новая фамилия Гитте заслуживает отдельного пассажа: то, что фамилия явно сконструированная, неслучайно. Это было политическое решение. Гитте решила открыто продемонстрировать свою солидарность с трудящимися, подчеркивая контраст со своей фамилией Ландэн, более характерной для среднего класса. Фамилию Ландэн она оставила, поскольку не стыдилась того, кто она есть – по крайней мере, теперь, – но ей хотелось носить имя, воплощающее в себе того человека, которым она стала.

На момент защиты диссертации проблемы с коленом еще не достигли тех пропорций, которые серьезно ограничили бы ее способность к передвижению. Короче говоря, в ее жизни началась светлая полоса.

На самом деле гендерные исследования стали для Гитте бесконечным открытием нового. Благодаря этим знаниям мир сделался понятен и объясним, а тоска, которую она ощущала с детства, впервые отпустила. Учеба совпала с тем, что врач прописал ей ципрамирл, чем, возможно, отчасти и объясняется улучшение ее психического состояния. А также тем фактом, что в то время она познакомилась с Улофом, за которого впоследствии вышла замуж.

Взять хотя бы такой момент, как мониторинг положения девочек и мальчиков в шведской системе образования, – к этим данным она получила доступ благодаря исследованиям. Для Гитте это было все равно что отдернуть штору – вернее, поднять занавес, обнажив реальность, о которой она раньше лишь догадывалась. В детские и подростковые годы она подозревала, что за кулисами скрываются тени, что переживания и факты воспринимаются лишь фрагментарно, но только гендерный научный анализ показал реальность во всей ее обнаженной неприглядности.

Несколько примеров того, что ей открылось:

- **Мальчикам с плохой успеваемостью в классе уделялось почти все внимание, в то время как хорошо учившимся девочкам оно практически не уделялось вообще.**

- **Учителя старших классов часто не различали девочек, в то время как про мальчиков помнили их имена и особенности (при мысли о своем бывшем классном руководителе Торстене она по-прежнему ощущала горечь).**

- **Учебные программы на уровне гимназии, где доминировали мальчики, обходились муниципалитету в два раза дороже, чем те, где большинство учащихся составляли девочки, – аналогично тому, как меры по сокращению мужской безработицы оказывались вдвое дороже мер по сокращению женской безработицы.**

Тому, кому однажды явилась Истина, трудно вернуться в прежнее слепое наивное состояние. Чувство избранности и просвещенности имеет тенденцию заслонять прежние разумные проявления – такие как толерантность и склонность к компромиссу.

При этом неважно, о чем идет речь – о политике, религии или футболе.

22 декабря 2019, воскресенье

Фонарь на мосту не горел – не увидев звонка, она постучала. У нее за спиной отъехало такси. Зажглась лампа на стене, щелкнул замок.

Женщина старше среднего возраста, отдаленно напоминающая Карину Бюрстранд, открыла дверь. Волосы коротко пострижены, выкрашены в неестественный коричневый цвет. Очки для чтения на лбу. Взгляд вопросительный, холодный.

– Да-да, в чем дело?

– Карина?

Женщина, стоящая в дверях, крепко взялась одной рукой за косяк двери, второй за ручку, опустила веки. На заднем плане звучала рождественская мелодия: «Пусть свеча твоя не гаснет...»

– Если вы по поводу моего предложения о запрете на попрошайничество в Стентрэске, то можете протестовать так же, как и все остальные. Пишите в сети, выходите на демонстрации, организуйте митинги на площади, собирайте подписи...

– Что?

– Я уважаю ваше право выражать свое мнение, но здесь мой дом.

Карина Бюрстранд приготовилась захлопнуть дверь.

Как удар по лицу.

Она не узнает меня.

– Сусанна приехала? У меня с ней здесь назначена встреча.

Карина Бюрстранд стояла неподвижно. Прошло несколько секунд.

– Конечно, – проговорила она и распахнула дверь. – Сусси у нас с самого утра. Заходи.

Развернувшись, она скрылась в доме. Гитте пришлось самой забираться внутрь со своим костылем и закрывать за собой дверь.

Возвращение в прошлое ощущалось почти физически, ее не покидало чувство дискомфорта. Дежавю через десятки лет. Все тот же особый полярный свет снаружи, синеватый и мутный, холод, режущий, как ножом. Она успела забыть, как он пробирает до костей. И Карина Бюрстранд, самый трагический случай – она стала только хуже. Какое счастье, что сама она выбралась отсюда!

Гитте неуклюже стянула с себя пальто, сразу вспотела в натопленной прихожей. В воздухе повис запах запекаемой ветчины.

Пусть свеча твоя не гаснет...

В прихожую, широко улыбаясь, вышел большой мужчина с поредевшими волосами.

– Чертовски давно не виделись, Биргитта, – сказал он и обнял ее.

Его рук не хватило, чтобы обхватить ее. Она высвободилась.

– Привет, Хокан! Теперь меня зовут Гитте. Совершенно официально.

– Гитте. Заходи. Будешь кофе?

– Спасибо, но я ненадолго. Только встречусь с Сусанной, чтобы помочь ей с одним текстом...

Тут в прихожую вышла Сусанна, стало тесно. Хокан вернулся в кухню к рождественской готовке.

Они с Сусанной кратко обнялись – Гитте не любила обниматься.

– Пошли сядем на диван, – предложила Сусанна.

Снимать уличную обувь Гитте не стала. Перевернула костыль и стряхнула лед и камешки, застрявшие на нем. Затем тяжело оперлась на него по пути в гостиную. Там стоял самый большой телевизор, какой она видела в жизни, и, вероятно, самый большой диван. Сусанна поймала ее взгляд и закатила глаза к небу.

– По крайней мере, мы точно поместимся, – негромко проговорила она, не замечая, насколько бестактно прозвучали ее слова.

Гитте не виновата в том, что столько весит – всему виной ее колено.

Сусанна наклонилась к ее уху.

– Как ты думаешь, они купили достаточно подарков?

Елка стояла в углу, слишком большая для такой комнаты. Звезда на верхушке упиралась в потолок. Под ней лежала пара кубометров ярких пакетов.

– Почему мы не могли встретиться дома у Сив? – прошептала Гитте.

Сусанна вздохнула и опустила свою костлявую попу на кожаный диван. На журнальном столике напротив нее лежали блокнот и мобильный телефон.

– У нее сегодня поэтический вечер, сочиняют рождественские стишки, – ответила она. – Помнишь, в какой-то год мы с тобой тоже

участвовали? Сколько нам было – лет по шестнадцать?

Гитте порылась в памяти, но ничего не нашла.

– Хотя получилось не очень, – продолжала Сусанна. – Тетки не могли свободно разговаривать в нашем присутствии, и на следующий год нас не пригласили. И мне кажется, что они там не стишки сочиняют. Им просто нужен повод, чтобы собраться, выпить глинтвейна и посплетничать.

– И занимаются этим все рождественские праздники?

Сусанна рассмеялась.

– Такое ощущение, что да. А теперь, когда мне поручено сказать пару слов о Софии на рождественской службе, мне кажется, я должна обстоятельно подготовиться. Прекрасная идея устроить панихиду в тот день, когда люди все равно идут в церковь. Нам нужно собраться вместе и помянуть. Нужно сделать все как следует.

«Собраться вместе и помянуть»... Скорее людям нужно дать выход своему страху и жажде сенсации, убедиться, что с ними не произойдет ничего столь же ужасного, и насладиться тем, что их снимает телевидение. Вечером они будут сидеть и смотреть новости, как прикованные, ища самих себя: «Смотрите! Вон там! За той колонной сидела я...» А то, что Сусанне «поручено», – легкое преувеличение. Скорее она сама предложила себя, поговорила с мамой. Сив Юханссон, столько лет отработавшая в пасторской канцелярии, по-прежнему активно участвует в жизни прихода.

Прежнюю рождественскую песню сменила другая, *Feliz Navidad*^[43] с Хосе Фелициано, *prospero año y felicidad*^[44].

– Чем я могу тебе помочь? – спросила Гитте.

В комнату вошла Карина, неся поднос с кофе и шафрановыми булочками. Поставила его на журнальный столик, выставила перед ними чашки и блюдо с булочками.

– Как твой папа? – спросила она, глядя на Гитте.

Гитте откашлялась. Она пришла сюда не для того, чтобы вести светские беседы.

– Плохо, – ответила она.

– Печально. Я слышала, что у него инсульт.

Гитте набрала воздуха в легкие.

– Он почти утратил речь, одна сторона тела парализована, а помощи никакой. Просто позор.

– Согласна, – ответила Карина и откусила булочку с шафраном. – И все мы знаем, куда утекают деньги.

Сусанна вздохнула.

– Карина, пожалуйста, не начинай...

– На прошлой неделе из лагеря для беженцев в Видселе сбежала целая дюжина. Как ты думаешь, каким образом они находят себе пропитание?

Гитте словно окаменела. Ей показалось, что она ослышалась.

– Перестань, – проговорила Сусанна. – Мы хотели поговорить о Софии.

Карина опустилась в кресло размером с мировой океан.

– Криминологам даже не разрешают считать, какова доля мигрантов в наших тюрьмах. Представляете, во сколько они обходятся обществу?

– У тебя как будто пластинку заело, – сказала Сусанна.

– Вам известно, какая часть государственного бюджета идет на финансирование иммиграции?

Ну все, довольно. Гитте взялась за костыль, чтобы подняться с дивана.

– Я не намерена все это выслушивать, – заявила она.

– Почему? – удивилась Карина. – Ты хоть знаешь, каков наш государственный бюджет?

Диван оказался слишком глубоким, Гитте не смогла подняться. Она почувствовала, как кровь бросилась в лицо.

– Давайте все же обсудим то, ради чего мы здесь собрались, – сказала Сусанна и отодвинула нетронутую шафрановую булочку. – Прежде всего – к кому мы обращаемся? У Софии нет никаких родственников. Все о ней слышали, но мало кто ее помнит. По крайней мере, такой, какая она была. У нее еще были друзья? Кроме нас?

– А мы действительно были ее друзьями? – спросила Карина. – Или мы взяли ее в свой кружок, потому что она придавала ему статус?

Гитте прикрыла глаза.

– Талмуд говорит: тот, кто спасает одну жизнь, спасает весь мир. Таким же образом часть мира исчезает, когда умирает молодой человек. Пустота, оставшаяся после ухода Софии Хельстен, вечна и незаполнима. Никто не сможет занять ее место. В тот день, когда она

пропала, Стентрэск стал другим городом. И никогда уже не станет прежним.

– Супер, – выпалила Сусанна, сосредоточенно записывая в свой блокнот. – А кто такой талмуд?

– Священное писание иудаизма, – ответила Карина, опередив Гитте. – Записанное собрание положений Устной Торы.

– Роскошно, – сказала Сусанна. – Но, может быть, нам стоит добавить нечто личное? В смысле – чтобы показать, что мы ее действительно хорошо знали?

Гитте отвела взгляд. Белые ноги в летнем свете, подпрыгивающий хвостик на затылке.

– Все те вечера, когда мы собирались, чтобы обсудить прочитанные книги, – продолжала она без всякого выражения, – с ранних подростковых лет до окончания гимназии, те годы, когда формируется личность, она была краеугольным камнем. Каждую пятницу она писала свои протоколы, всегда приходила вовремя, всегда сосредоточенная, всегда все прочитав. Она очень любила литературу, у нее был широкий спектр интересов, она отдавала дань разным писателям, таким, как Набоков и Юдит Кранц...

– Мне кажется, Набокова сейчас никто не знает, – вставила Сусанна, продолжая писать.

– Издеваешься? – спросила Карина.

– Скромная, но не робкая, – продолжала Гитте, не сводя глаз со светящейся звезды в окне. – Когда она говорила, каждое слово звучало предельно четко и взвешенно. И у нее имелось одно редкое качество: она никогда не говорила о других плохо. Никогда. Она была настоящим... другом.

В динамиках зазвучал голос Каролы^[45]: «Тихая ночь, дивная ночь, дремлет все, лишь не спит...»

– Хокан! – крикнула Карина в сторону кухни. – Ты не мог бы убавить громкость?

Звук тут же убавили.

– Она повергла всех нас в состояние хаоса, – продолжала Гитте. – Мы падали и падали через все семь небес и больно ударились при падении. Белые шрамы до сих пор виднеются на наших спинах. Так долго мы были без нее, а теперь снова обрели ее – вот таким образом. Это бесчеловечно.

Вечерние газеты смаковали ужасные подробности, даже Гитте не смогла от них скрыться. Кроме того, у Сусанны имелся источник из первых рук – некачественная запись в мобильнике.

– Как долго ты будешь выступать? – спросила Карина, лоя указательным пальцем последние крошки булочки.

– Пару минут, не больше. Этого уже почти достаточно. Какую-нибудь финальную фразу, и все.

– Может быть, что-нибудь о чувстве защищенности в обществе? – предложила Карина. – О доверии, о том, что мы должны остановить насилие?

Сусанна развела руками.

– Тебе обязательно надо везде вставить иммиграцию?

– Что ты имеешь в виду? – переспросила Карина. – Что заставляет тебя ассоциировать иммиграцию с насилием?

– Если бы ты знала, какой ограниченной и тупой ты кажешься со стороны, – с казала Сусанна Карине, демонстративно взяла свой телефон, откинулась на диване и ушла в *Facebook*.

Гитте почувствовала, как вдоль позвоночника проступает пот, так что туника прилипает к черной коже дивана. Она стиснула зубы.

– Прием всех мигрантов, приезжающих сюда сейчас, – продолжала упорствовать Карина, – стоит столько же, сколько весь правоохранительный аппарат, все государственные учреждения культуры и все кредиты на учебу и стипендии для всех студентов Швеции.

– Где ты это вычитала? – спросила Сусанна, не отрывая взгляда от экрана. – На *Flashback*?

– Нет, на сайте правительства. И в данном случае не учитываются реальные расходы общества, возникающие, когда иммигранты десятилетиями живут на пособия, так и оставаясь на иждивении государства.

Прошло так много лет, но Гитте снова ощутила, как горло сжимается от подступающей паники. Она слышала, как Хокан подпекает в кухне «*Ой сбежала ветчина...*»

– На иммигрантов уходит от четверти до пятой части всех наших налогов, – сказала Карина и отхлебнула кофе. – Я считаю, что мы должны найти этим деньгам иное предназначение. Например, на уход за папой Биргитты.

Сусанна бросила телефон на журнальный столик и развела руками.

– Это старый и тухлый прием – противопоставлять друг другу две слабые группы в обществе. И я не верю, что четверть государственного бюджета уходит на мигрантов, все это болтовня.

– Налогов, – уточнила Карина.

У Гитте закружилась голова, происходящее казалось совершенно сюрреалистичным. Она попала прямо в ад.

– Иммигранты тоже работают, – возразила Сусанна. – Как ты можешь повторять все эти старые предрассудки?

Карина опустила веки.

– Работать и содержать себя – не одно и то же. Подавляющее большинство родившихся за границей, не имеющих высшего образования, никогда не достигают такого уровня, чтобы самим себя содержать. Это не мое мнение, а данные из исследований Фонда предпринимательства.

– Ты хоть понимаешь, что звучишь как эхо 30-х годов в Германии? – выпалила Сусанна. – Если у соседа горит дом, и он звонит в твою дверь и просит помощи, неужели ты захлопнешь дверь у него перед носом?

– Нет, – ответила Карина. – Но я не позволю ему лечь в мою кровать, есть мою еду и жить в моем доме до бесконечности и ни за что при этом не платить. Но прежде всего я позвоню в пожарную службу.

– Тебе знакомо имя Роберта Д. Хейра? – спросила Гитте.

– Ты меня спрашиваешь? – переспросила Карина.

– Канадский ученый, профессор в области криминальной психологии, – продолжала Гитте. – Он дал определение термину «психопат». Уверена, что не слышала о таком?

Карина опустила веки. Гитте выпрямилась на диване, уставившись прямо ей в глаза.

– Он описывает психопатов, как хищников среди людей. У них нет совести и эмпатии, они берут что хотят и делают что хотят. Они провоцируют и прибегают к насилию, не испытывая ни малейшего чувства стыда или раскаяния.

– И что ты имеешь?..

– Они умелые манипуляторы, часто умны, склонны к промискуитету, их невозможно вылечить при помощи психотерапии. Психотерапия нередко делает их еще опаснее, потому что они понимают, как *должны* себя вести. Им становится легче скрывать свои психические отклонения.

Карина откинулась в кресле, скрестив руки и ноги.

– Кроме того, – продолжала Гитте, – женщины-психопатки обычно страдают тяжелой формой алекситимии. Часто у них – ярко выраженные черты нарциссизма, гипертрофированное эго, отсутствие адекватной самооценки, самомнение, граничащее с манией величия, они патологически лживы, но в точности так же, как и мужчины, могут быть весьма опасны для близких и общества...

Она замолчала, словно ей не хватало воздуха. У нее перехватило дыхание. Карина уставилась на нее с нескрываемым восхищением.

– Весьма опасны для близких и общества, – словно эхо, откликнулась она. – Бессовестные хищники, склонные к промискуитету, с чрезмерным самомнением и патологической лживостью. К чему ты это здесь говоришь? К чему ведешь?

В эту секунду в прихожей с грохотом распахнулась входная дверь. Карина подскочила, из кухни появился Хокан.

– Бабушка! – закричал детский голосок.

– Алисия, золотко мое!

В прихожей раздавались приветственные выкрики, кто-то громко топал, отряхивая с обуви снег и лед. Сусанна вышла в прихожую, чтобы поздороваться. Гитте осталась сидеть на диване не в силах подняться. Она водила пальцами по своему костылю. Снаружи доносились голоса.

– Помочь тебе снять ботиночки? Вы проголодались?

– Как тигры! Хочу печенья!

Дружный смех.

– Боже, какая холодина!

– Как дорога? Вас не заносило?

– Погоди, я возьму подарки...

Сусанна вошла в комнату, неся в каждой руке по два гигантских бумажных пакета, прошуршала мимо мебели к елке.

– Ты останешься на рождественский обед? – спросила она, пополняя новыми подарками гору под елкой.

– Нет, спасибо, – выдавила из себя Гитте. – Я не ем мяса.

– У них есть лосось и селечный салат.

– Я не ем искусственно выращенного лосося.

Сусанна вернулась на диван, под села к ней слишком близко.

– Каролина и Кристофер не приедут к ним на Рождество, – прошептала она. – Не выдержали Карину с ее расизмом. Представь себе, до чего можно все довести – до раскола семьи. Лишь бы найти выход своей ксенофобии.

Гитте пыталась взять под контроль сердцебиение.

В гостиную вбежала девочка, придя в восторг при виде кучи пакетов под елкой.

– Вау, сколько подарков!! Мама, смотри, смотри!

Тут она обернулась и, увидев Гитте, невольно отпрянула.

– Ой, какая большая тетя! Мама, ты видела?

В гостиную вошла женщина лет тридцати с небольшим. Улыбнулась Гитте, сделала пару шагов к дивану и протянула руку.

– Линнеа, – представилась она. – Приятно познакомиться.

– Гитте Ландэн-Батрачка, – проговорила Гитте.

– Батрачка? – переспросила Линнеа. – Вау! Круто.

Вошла Карина с вазой печенья в руках, поставила ее на журнальный столик.

– Бабушка, а когда придет рождественский гном?

– В канун Рождества, если ты хорошо себя вела.

Девочка склонила голову набок.

– Хотя на самом деле его нет. Это дедушка переодевается и напяливает бороду.

– Нет-нет, – возразила Карина. – Рождественский гном существует на самом деле. Вернее, существовал. По-английски он называется Санта-Клаус...

Она взяла девочку на руки, уселась в одно из больших кресел и усадила внучку себе на колени.

– ...потому что на самом деле его звали Николаус, и он был греческим епископом в городе под названием Миры Ликийские, который сейчас находится в Турции. По соседству с ним жили три девочки, и он бросал им в окно подарки, чтобы им не пришлось идти на панель...

Карина запнулась и закашлялась.

– ...не пришлось голодать. Он сотворил много чудес, и в конце концов его объявили святым, и отсюда в западном мире пошла легенда о Санта-Клаусе.

Девочка задумалась.

– А что это были за подарки? – спросила она. – Которые он дарил девочкам?

– Многие говорят, что это были мешочки с золотом. Девочка обвела взглядом гору подарков под елкой.

– Или мобильный телефон!

Гитте закрыла глаза. Карина всерьез считает себя интеллектуалкой оттого, что прочла о Рождестве в Википедии.

– Сусанна, – проговорила она, – ты не сможешь мне подняться?

Тут же подскочил Хокан, взял ее за руку, подхватил под локоть и поднял ее с дивана. Все смотрели на нее.

– Кто-нибудь может вызвать такси?

– Да зачем? – удивился Хокан. – Я тебя отвезу.

– Нет, – отрезала Гитте. – Сусанна, ты позвонишь?

Тяжело опираясь на костыль, она натянула пальто и вышла на мороз поджидать такси.

* * *

Дом по-прежнему возвышался на Олимпе, никто не мог с ним поспорить ни по величине, ни по расположению. После 70-х, когда расцвет поселка остался в прошлом, новых кварталов уже не строили, и домов больше и красивее, чем у них, здесь не появилось. В памяти Гитте вилла сияла, словно маяк среди тьмы, свет лился потоком из панорамных окон, отражаясь на фасаде, отделанном декоративным кирпичом.

Сегодня вечером дом стоял темный и промерзший. Его контуры казались бесформенным бетонным комом на фоне ночного неба, глубокий черный на черном фоне. Иногда она развлекалась, определяя рыночную цену виллы при помощи всяких сайтов в интернете. На сегодня цена составляла 1,7 миллиона крон. Однокомнатная квартира Гитте в Стокгольмском районе Сёдер оценивалась без малого в три.

– Помочь тебе войти в дом? – с просил Эрик Элофссон, водитель такси, продолжавший дело своего отца.

– Нет нужды, – ответила Гитте. – Мне квитанцию, пожалуйста.

Она оперлась костылями о тротуар. Один из них выскользнул из рук и улетел далеко вниз по склону. Кончилось тем, что шоферу пришлось пойти и принести его, поднять ее с заднего сиденья и довести под локоть до самого крыльца.

– Счастливого Рождества, – пожелал он, оставив ее в свете ламп у входной двери.

Папа сидел в полумраке перед выключенным телевизором, слегка подавшись вперед в своем кресле-каталке. На одном из журнальных столиков боролась с темнотой одинокая энергосберегающая лампа. Гитте зажгла люстру и парочку декоративных ламп Гуниллы на подоконниках.

При виде отца ей пришлось бороться с нахлынувшими чувствами. Из угла его рта вниз по подбородку тянулась струнка слюны. Он опрокинул стакан с соком на сотканный вручную ковер, купленный ими на базаре в Измире. От унизости всей этой ситуации дыхание у нее перехватило – ничего опасного, ничего страшного, простой защитный механизм, ничего магического, немного, просто она выдыхает излишнее количество двуокиси углерода, это все в голове, нигде более.

– Когда приходил социальный работник? – спросила она, поднимая стакан.

Взяла бумажный платок и вытерла отцу подбородок.

Он попытался сфокусировать на ней взгляд.

– Фамфус? – спросил он.

– Хампус сидит в своей Словении.

Она отметила, что катетер, кажется, подтекает. Наверное, мешок переполнен.

– К тебе что, за весь день ни разу не зашел социальный работник?

– Фамфус? – снова спросил отец.

Гитте достала мобильный телефон и набрала номер дежурного Социальной службы. Чувствовала, как паника нарастает по мере того, как сигналы улетают в никуда – скоро она не сможет сдержать настоящий приступ панической атаки. Она как раз собиралась бросить трубку, когда ей ответила женщина на ломаном шведском. Гитте не

стеснялась в выражениях, описывая, в каком состоянии она нашла своего отца, требуя, чтобы кто-нибудь немедленно приехал и позаботился о нем. Грозилась, что иначе заявит на них – хотя сама не знала, куда. Женщина на другом конце чуть не плакала. Она пообещала приехать лично.

Гитте села рядом с отцом и взяла его за руку. Ладонь была холодная и сухая.

– Фамфус? – прошептал он.

– Он не приедет домой на Рождество, – ответила Гитте, – он работает.

Папа добился того, чего желал. Братец выучился на инженера в области физики и теперь живет в Филадельфии в США. Работая на глобальном энергетическом предприятии, он отвечал за зарядку ядерных реакторов по всему миру. Сейчас он возглавляет проект, в рамках которого проводится подготовка к расширению нового блока на тысячу мегаватт на атомной электростанции в Кршко в Словении.

Себастиан же стал врачом-инфекционистом и работает сейчас в команде «Врачи без границ» на вспышке лихорадки Эбола.

– Себбе застрял в Конго, – сказала она. – Когда мы с ним в последний раз общались, он находился в провинции Итури, но сейчас появились подтвержденные случаи и в Южном Киву. Так что он еще долго не вернется в Швецию.

Юаким покончил с собой в возрасте двадцати двух лет. Гунилла не смогла пережить утрату и постепенно зачахла от горя. Она умерла на той же неделе, когда папа вышел на пенсию. С тех пор он сидел в полном одиночестве на Олимпе в ожидании инсульта.

Она поежилась. В доме было сыро и холодно. И здесь папа в конце концов победил. Дом всегда отапливался напрямую электричеством, что, конечно же, полное безумие – все свое детство она постоянно мерзла, потому что приходилось экономить на электричестве. Гунилла протестовала, особенно пока мальчики были маленькие. И вот теперь он может преспокойно сидеть тут в холоде.

– Ты знаешь о том, что нашли Софию Хельстен? – спросила она и посмотрела на отца. – Дочь Хильдинга, которая пропала – помнишь? Так вот, она убита. Ей отрубили голову. Лежала замурованная в опоре моста Грансельбрун.

Отец приподнял голову. Гитте показалось, что в глазах у него сверкнул проблеск сознания.

Она поднялась, прошла по дому.

Гунилла украшала дом и создавала уют только до смерти Юакима – стало быть, стиль, меблировка и все остальное датировалось рубежом тысячелетий. Папа не готовил еду, так что кухня сияла белизной, как сразу после ремонта в 1998 году. Во всех ваннах пол был выложен шлифованным морским камнем, а стены – темно-синей стеклянной мозаикой. Дубовый паркет покрыт матовым лаком.

Даже не заметив, как ей удалось спуститься по лестнице, она вдруг оказалась перед своей комнатой в цокольном этаже. Открыла дверь – петли заскрежетали.

Здесь было дико холодно, похоже, даже ниже нуля. Однако она зажгла свет и остановилась на пороге. Никто так и не вынес ее вещи, все выглядело так, как когда она покинула это место летом 1980-го. Она закрыла глаза – упражнение на принятие себя, самый высокий уровень сложности.

Дом придется продать, когда папу отправят в дом престарелых. Оставить виллу на произвол судьбы нельзя. А это означает, что ей придется выкинуть все это дерьмо, очистить несколько сотен квадратных метров, и ведь никто из сыновей не станет этим заниматься.

Или же она может забрать то, что ей захочется оставить себе, если такое найдется, и позвать *Erikshjälpen*^[46] забрать остальное. Так они с Улофом поступили, когда продавали свою виллу в Эншеде – здесь, на севере, наверняка есть нечто подобное.

Подойдя к письменному столу, она выдвинула верхний ящик.

На самом верху среди высохших фломастеров и наполовину исписанных блокнотов лежал наспех разорванный розовый конверт. «*Birgitta от Софии*». Блестящая наклейка вместо марки.

Негнушмиися от холода пальцами Гитте взяла конверт.

Сразу нахлынули воспоминания – Боже милостивый, последние выходные. Август 1980-го. На первом этаже зазвонил дверной звонок. Она выпустила конверт, словно обжегшись, с грохотом задвинула ящик стола. Стало быть, изволила явиться женщина из социальной службы. Придется идти открывать? Нет, у них же есть ключи.

Гитте поднялась по лестнице. Вверх оказалось куда труднее, чем вниз, колено взрывалось от боли. Когда она вошла в гостиную, маленькая женщина с короткими черными волосами меняла отцу пакет для стомы. Вся сцена выглядела так неприглядно, что Гитте невольно отвернулась.

– Фамериканфы, – произнес отец.

Она остановилась и оглянулась на него. Он смотрел на нее, ему даже удалось сосредоточить взгляд.

– Фофия, – сказал он. – Фамериканфы. Рифк для бефопафнофти.

– Ну вот, Эверт, – проговорила маленькая женщина, поправляя на папе одежду, и похлопала его по плечу. – Сейчас я пойду и разогрею еду, хорошо?

Отец не сводил глаз с Гитте.

– Рифк для бефопафнофти. Фофия.

Гитте достала из кармана мобильный телефон и снова позвонила Эрику Элофссону.

Полярный круг

Закрытая группа. 4 участника.
Воскресенье, 20:43

Сусанна

Привет всем! Панихида по Софии начнется в 7.00 в первый день Рождества, как часть утренней службы. Я спросила, можно ли принести цветы, но Херманссон ответил «нет».

Агнета

Ой, как жаль, с цветами было бы так красиво.
Он не сказал, почему?

Хокан

Думаю, из чисто практических соображений. Если все принесут цветы, вся церковь утонет в цветах.

Сусанна

А ты приедешь, Агнета?

Агнета

У меня на самом деле другие планы, но не исключено.
Пока не решила. Вы все там собрались?

Гитте

Да, к сожалению.

Агнета

В Стентрэске есть [airbnb](#)?^[47]

Биргитта

Не знаю. Я живу в Swamp.

Сусанна

@агнетасонямякитало, ты можешь остановиться у меня и моей мамы Сив, если хочешь.

* * *

Временами Гитте охватывало отчаяние по поводу сложившегося положения.

В повседневной жизни она старалась прогонять эту мысль, ведь ей надо было сосредоточиться на своих исследованиях, но ей все труднее становилось находить мотивацию для работы.

Слишком много стало поверхностных и вульгарных людей, которые именуют себя феминистами! Как женщины, так и мужчины, не имея никакой академической подготовки, выступают в дебатах, с важным видом выражая совершенно ненаучные взгляды.

Все из-за интернета.

Интернет, конечно, во многих отношениях произвел революцию. Возможность обмена релевантной информацией с исследователями и коллегами по всему миру – это бесценно. Но когда каждый имеет доступ к глобальной платформе, возникают проблемы. Гитте даже не могла с уверенностью сказать, правильно ли это. Людям, которые не в состоянии сказать ничего вразумительного, не стоит предоставлять сцену и микрофон. Что ни говори о старых средствах массовой информации, но они все же предполагали некий контроль качества.

Мысли такого рода вертелись у нее в голове в тот декабрьский воскресный вечер.

Она сидела в ресторане пансионата *Stone Swamp Inn*, где ей предоставили номер на первом этаже с видом на задний двор. Лифта в здании не было, а лестниц она избегала. После салата с козьим сыром, орехами, черносливом и авокадо она съела горячее – пасту с грибами и плавленым сыром. На десерт пансионат предлагал очень вкусный шоколадный мусс, а к нему она взяла бокал *Castaño Dulce* из Монастреля^[48] – вино глубокого красного цвета с насыщенным вкусом и фруктовым ароматом.

В ресторане было почти пусто. В отдельных кабинках вдоль задней стены сидели несколько хлебнувших лишку представителей категории «заблудшие дети общества», но они не обращали на нее

внимания. Она – женщина средних лет, не соответствующая общепринятым нормам привлекательности, и потому невидимка. Ее это вполне устраивало.

По мере насыщения страх отступал. Она откинулась на стуле, обдумывая этот ужасный день. Заказала себе бутылку *Château Musar Hochar Père et Fils Rouge* 2016 года и предалась размышлениям. За окнами прошла мимо молодая пара, поддерживая друг друга на обледенелом, плохо расчищенном тротуаре.

Она задалась вопросом, доведется ли ей еще раз заниматься сексом с мужчиной. Женщины – это не ее, она пробовала, но ей это ничего не давало.

Брак с Улофом оказался бурным, кратким и бездетным. Остался только его сын от предыдущего брака Робин, с которым она по-прежнему поддерживала отношения. Да еще воспоминания об их совместной жизни в свинг-стиле – образе жизни, к которому она пыталась приспособиться, но который так и не смогла до конца принять. Правда, она испытывала наслаждение от других мужчин, прикосновений их опытных рук и горячих языков, но при виде того, как Улоф целует других женщин и совокупляется с ними, вся радость улетучивалась.

Так что он оставил ее.

И он тоже.

Она подлила себе еще вина в бокал, пролив немного на скатерть.

Ну и, что называется, «про волка речь – а он навстречь». Викинг Стормберг и еще какой-то лысый мужчина потопали ногами по ковру при входе, отряхивая снег с обуви, и взяли курс на барную стойку. Викинг окинул взглядом зал и заметил ее. Сказав что-то своему спутнику, он направился в ее сторону.

Она привела в порядок выражение лица.

– Привет, Биргитта. Можно мне присесть? – спросил он, стоя по другую сторону стола.

Она выпрямила спину. Он протянул руку, они обменялись рукопожатиями. Он все тот же – те же непокорные слегка длинноватые волосы, те же горящие глаза.

– Конечно, – ответила она. – Хочешь бокал вина?

Он тяжело уселся на стул напротив нее.

– Да, – ответил он, – почему бы нет?

Гитте помахала официантке – безнадежному местному кадру. Попросила принести еще бокал и еще одну бутылку.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, вглядываясь ей в лицо.

– Спасибо, – ответила она. – Суставы плохи, а вот с головой все в порядке.

– Ты прилетела сегодня?

– Я не летаю.

Он посмотрел на свои руки – в своей обычной манере. – Ты приехала из-за папы? Я слышал, он совсем плох. – Его нужно срочно перевести в дом престарелых с уходом. Завтра утром встречаюсь со специалистом социальной службы.

Викинг скептически приподнял брови.

– Вот как? – переспросил он. – Ну удачи.

Он пригубил вина, но никак не прокомментировал его качества.

– Как у тебя дела? – спросила она. – Как дети? И как поживают Свен и Карин?

Он проглотил вино и кивнул.

– Хорошо, – ответил он. – У всех все в порядке. Маркус живет тут, в городе, работает на ракетной базе. Он обручен с Юсефин, у них двое детей.

– О, так ты уже дедушка!

– Свен живет в социальном доме в Видселе, а мама в точности такая же, как и всегда. Элин в Стокгольме. Живет одна, насколько мне известно.

– Где она живет? – спросила Гитте.

– Сёдер.

– А, там же, где и я.

– Послушай, – проговорил он. – Вообще-то у меня к тебе дело. В связи с находкой на мосту.

Ясное дело, а чего она ожидала?

– В пятницу вечером, перед тем, как пропала София, – начал он, – в августе тысяча девятьсот восьмидесятого. У вас был читательский клуб. Что-нибудь особенное произошло в тот вечер? Кто-нибудь сказал что-нибудь необычное?

– Ты имеешь в виду Софию? Не сказала ли София...

Он прервал ее, подняв ладонь.

– Нет, – сказал он. – Кто-нибудь из других девушек не сказал ли чего-нибудь необычного?

– Кого ты имеешь в виду? Агнету?

Он посмотрел прямо ей в глаза.

– Например.

Она ощутила прилив злости – все о стальные важнее, чем она.

– Ты расстроился, когда она взяла и уехала, не так ли?

Он продолжал смотреть на нее, не поведя и бровью.

– Поэтому ты живешь один? – спросила Гитте, опустошив свой бокал. – Потому что Агнета не захотела быть с тобой?

На секунду он, казалось, даже удивился, что она помнит такие подробности.

– Я живу один, – ответил он, – потому что моя жена пошла на болото Кальмюрэн и утонула.

Зал накренился, Гитте склонила голову набок, чтобы все пришло в норму.

– А, твоя жена. Как бишь ее звали – Хелена?

Он кивнул.

– Именно так. Но если ты помнишь что-либо особенное о том вечере в августе тысяча девятьсот восьмидесятого, то это может оказаться очень ценно.

– Твой папа допрашивал меня, – проговорила она. – Тогда, сорок лет назад. Думаешь, я помню сегодня больше, чем помнила тогда? Или вы потеряли протокол допроса?

Он внимательно смотрел на нее.

– Мне кажется, на допросах вы не были до конца откровенны, – сказал он. – Мне думается, что в вашей группе что-то произошло, какой-то инцидент, в котором ни одна из вас не желала признаваться. По крайней мере, тогда. Сейчас уже можно все рассказать – это не опасно.

Она расхохоталась.

– Ты думаешь, зловонные тайны с годами начинают благоухать?

– Так были какие-то тайны?

– Кому и знать, как не тебе!

– Мне нужно поговорить с тобой об этом, – сказал он. – Хотя нет необходимости делать это прямо сейчас, можем встретиться завтра утром в участке, если тебе это предпочтительнее.

Она снова рассмеялась. Казалось, он собирается встать.

– Сядь, – сказала Гитте. – Она позвонила мне. Агнета позвонила мне. Она села на автобус до Лулео, а в субботу вечером на автобусе *Norrlandskusten* отправилась в Стокгольм.

Викинг пристально посмотрел на нее.

– В субботу вечером? Агнета позвонила тебе в субботу вечером? И что она сказала?

– Я с ней не разговаривала, она оставила сообщение на моем автоответчике. Она была в Доксте, звонила из автомата в закусочной для дальнобойщиков.

Глаза Викинга сузились.

– И ты совершенно уверена, что это было в субботу вечером? Второго августа?

– Вернее, в ночь на воскресенье, на третье. Она попросила меня сдать ключи от ее работы, сам знаешь, от этих строительных бытовок, в контору муниципалитета в понедельник утром. Они лежали под ее дверным ковриком в Трэске.

– Ты это сделала? Пошла с ключами в контору?

Гитте пришлось ухватиться за край стола, потому что все помещение закружилось.

– Не-а, – ответила она. – Гунилла отвезла меня с моими сумками обратно в Питео в воскресенье вечером. Я попросила Карину.

– Почему она так поспешно покинула Стентрэск? Она ничего вам об этом не рассказывала?

– Думаю, это было вовсе не так поспешно, она давно это планировала. Ее мама лежала в Фюрунэсе, а сама она поступила на курс в Карлстаде. А что? Что ее тут удерживало?

Биргитта снова рассмеялась – у Викинга был такой несчастный вид. Подумать только, его отвергла глупенькая заика, какой удар для его гордости. Она опустошила бокал и попыталась налить себе еще, но бутылка оказалась пуста.

– Карина, – проговорила она и почувствовала, что голос уже не очень повинуется ей. – Карина психопатка. Лгунья, начисто лишенная эмпатии, гипертрофированное самомнение...

Она громко икнула и помахала официантке пустой бутылкой.

– Опасна для своих близких, – добавила она.

Официантка приблизилась, но Викинг жестом остановил ее.

– Я все знаю про тебя и Софию, – проговорила Гитте, ощущая, что сейчас упадет со стула. – Знаю, что она занималась с тобой оральным сексом, Викинг, на заднем сиденье в машине твоей мамы...

Викинг поднялся, бросил взгляд в сторону человека, с которым пришел. Тот сидел в баре с кружкой пива. Скорее всего, коллега – по виду типичная ищейка.

– Известно ли это полицейскому руководству? – спросила Гитте. – Что ты с ней трахался? Ведь трахался же, а? Она тебе надоела? Начала предъявлять требования? Или залетела? У тебя самые веские мотивы, ты – ее бывший...

– Поговорим завтра в участке, – ответил Викинг и задвинул свой стул.

– А что случилось с твоей женой? – спросила она визгливым голосом. – Неужели только я замечаю тут некоторую закономерность? Твоя потребность в контроле, твоя склонность к агрессии...

На его лице вздулись желваки. Он оглядел помещение ресторана, словно ища пути к отступлению.

– Биргитта, – проговорил он тихо, – не позорься.

– За все это, – выпалила она, – ответственность за все это лежит на тебе. Ты виноват. Во всем твоя вина!

Викинг развернулся и ушел, оставив ее одну за столом, из-за которого она не могла подняться.

Марк Твен «Приключения Тома Сойера». Выбор Агнеты Мякитало. 4 июля 1980 года, пятница

Пожар начался около полуночи, на горе Торфьеллет выше Гранселя. Человек, отправившийся на болото Кальмюрен собирать незрелую морошку, увидел дым, окутавший пеленой солнечный диск, и тут же позвонил по номеру 90 000^[49] – и это безумное везение. Спасательная служба Стентрэска прибыла на место через пятнадцать минут, но начальник пожарной команды – в те времена это был Биргер Густафссон – тут же понял, что своими силами им не справиться. Он вызвал подкрепление, и ближе к утру Эльвсбюн, Видсель и Йоккмокк прислали группы, машины с брандспойтами, машины с лестницами, машины с запасами воды и подъемный кран. В Будене стоял вертолет, готовый подняться в воздух, если потребуется, но, поскольку не было ветра, разносившего пламя, и благодаря раннему сигналу тревоги, оставалась надежда погасить возгорание с земли.

Собственно говоря, этот район назывался Стентрэск-Эльвстранд, но никто не называл его иначе, чем Трэск. Здесь, в самом низу долины, на первом этаже жила Агнета со своей мамой и кошкой.

Агнета еще не спала, когда мимо, завывая, промчались пожарные машины. На цыпочках она побежала в комнату мамы и приоткрыла дверь. Окна были затянуты рулонными шторами и обычными шторами, полоса света из коридора упала на узкую кровать. Мама спала, приоткрыв рот, слегка похрапывая. Агнета перевела дух. Светлые волосы у мамы разметались по подушке, руки лежали расслабленно, картина была почти что мирная. Агнета тихонько закрыла дверь в надежде, что больше машин с сиренами не будет.

Нелегко было уговорить маму принять снотворное. Никакие аргументы не действовали. Единственное, что могла сделать Агнета, – дожидаться, пока закончится период отчаяния, и постараться попасть в тот момент, когда начинается перелом и депрессивный период сменяется маниакальным, делая маму неуязвимой. В конце концов

Агнете пришлось раскрошить таблетки и подмешать их в коктейль из водки с апельсиновым соком. На этот раз мама вбила себе в голову, что власти (не совсем понятно, какие именно) охотятся за ней и хотят ее убить, а все лекарства – на самом деле капсулы с цианистым калием.

Встав у окна, Агнета вглядывалась в темноту в том направлении, куда уходила дорога, где по другую сторону холма бурлила река. Ведь на ракетной базе не могло случиться ничего плохого? Плохо, если мама получит подтверждение своим опасениям. Мама всегда утверждала, что там что-то нечисто, секретные эксперименты, опасные ядовитые опыты: разве сама она не видела там в детстве гриба после взрыва атомной бомбы, висящего как гигантский шампиньон над лесом со стороны Наусты?

Когда Агнета пыталась объяснить причины проведения симуляции испытаний атомного оружия в 1950-е годы, мама либо сердилась и начинала кричать, либо пугалась и становилась как потерянная, смысла в этих объяснениях не было никакого.

Если это не на базе, то что же это может быть?

По дороге проехала еще одна машина, на этот раз, к счастью, без сирен и мигалок. Пожарная машина – это Агнета успела разглядеть. По местному радио много говорят про опасность лесных пожаров. Она увидела, как машина сворачивает в сторону Гранселя по старому мосту. Если горит на западной стороне, то им нечего опасаться. Огонь может перекинуться далеко, но трудно себе представить, чтобы он смог перепрыгнуть реку Питеэльвен.

Пришел Киссе, начал тереться о ее ноги, Агнета взяла кота на руки и пошла в гостиную. Забралась вместе с котом на диван, взбила подушку, приладив ее к подлокотнику. Натянула на плечи пододеяльник и посмотрела на тени позади телевизора. Диван стал ей маловат, еще когда она училась в шестом классе. Счастье, что она растет так медленно. В процессе успевает привыкнуть.

Агнета задумалась о рассказе, над которым работала. В нем рассказывается о девочке по имени Диана. Она живет в большом городе, и у нее одна особенность – заячья губа. Еще в детстве врачи ей все зашили, однако складка и шрам остались видны. Ее подружки делали вид, что ничего не замечают, никогда не отпускали комментариев по поводу ее странной губы, но она знала, что они исподтишка посматривают.

Агнета придумала разные сценарии, героиней которых становится Диана и которые с разных сторон описывали ее аутсайдерство. В конце она повстречается с мальчиком, в которого немного влюблена, они подружатся, но, скорее всего, не станут влюбленной парой, она еще не решила. Слишком банально, если в конце они станут парочкой. Лучше, пожалуй, оставить финал открытым.

Может быть, девочка получит какую-нибудь травму, а мальчик ей поможет. Упадет или свалится с велосипеда...

Она улеглась на диване. Диван принадлежал когда-то бабушке, одна пружина посредине выбилась и упиралась в ребро, надо не забыть завтра ее поправить.

Молодежные литературные журналы обычно публикуют ее тексты. Собственно говоря, все, которые она им до сих пор отправила. За каждый рассказ ей платят по четыреста крон, это вам не баранчихнул. Несколько лет подряд издательство *Ahlen & Åkerlund* присылало ей сведения о ее доходах за год – для налоговой декларации, и тогда ей казалось, что все это так серьезно и торжественно. Словно она – Настоящая Писательница.

Кот спрыгнул на пол и свернулся клубочком под журнальным столиком. Так она и заснула – запусив пальцы в теплую шерсть кота.

Проснулась она от того, что в кухне диким голосом орала мама.

– Они идут, они идут! Они хотят сжечь меня на костре!

Должно быть, ее разбудил дым пожара – в квартире стоял резкий запах. Агнета выбралась из кровати, кошка стремительно забралась под комод в прихожей. Мама стояла посреди кухни, устремив взгляд на дорогу в Эльвсбюн – глаза полны слез, широко раскрыты от страха. Депрессия сменилась психозом, дело серьезное.

– Мама, – проговорила она как можно спокойнее, – Это я, Агнета. Н-никакой опасности нет.

Взгляд мамы заметался по кухне, устремился на Агнету.

– Не подходи! – прошипела она, отступая к окну.

Агнета стояла неподвижно, выжидая.

– Мама, – сказала она. – По другую с-с-сторону реки лесной пожар. Там сейчас п-пожарные тушат.

В глазах у матери что-то промелькнуло – момент рассудочности.

– Лесной пожар?

Она посмотрела в окно.

– Там горит? – спросила она, глядя на Агнету.

Та кивнула.

– Т-туда проехало несколько пожарных машин.

– Мы должны потушить! – воскликнула мама и кинулась к мойке.

Вытащила мусорное ведро и высыпала все его содержимое на пол. Засунула ведро под кран в раковине и открутила краны на максимум. Вода захлестала во все стороны, через край ведра, на пол. Агнета осторожно подошла к мойке и закрыла краны.

– Очень хорошо, что ты погасила, – сказала она, беря маму за руки выше локтя. – А теперь д-давай выпьем кофе.

Мама послушно пошла за ней в гостиную, села на диван, дала накрыть себе плечи пододеяльником.

Агнета выбежала в кухню и включила кофеварку. Собрала руками мусор, подтерла воду с пола тряпкой для мытья посуды, пока кофе с бульканьем перетекал сквозь бумажный фильтр в кофейник. Налила чашку кофе. Вышла в гостиную, где мама сидела в той же позе, в какой она ее оставила.

– Вот, мама, с молоком и с сахаром. Я х-хочу испечь булочки, ты б-будешь?

Мама взяла чашку с кофе обеими руками, но не ответила.

Проклятый дым. И открыть окна, чтобы проветрить, тоже нельзя. Раздражители, поступающие от органов чувств, могли запустить у мамы психоз. Не сами по себе, но в комбинации с алкоголем и недосыпом и запахи особенно опасны. Нужно попытаться чем-то вытеснить запах дыма – свежеиспеченные булочки обычно помогали. По крайней мере, ей удалось по спать часа три-четыре.

Снова пришел кот, стал тереться у ног Агнеты – проголодался, наверное. Она открыла банку кошачьих консервов – коричневый фарш с отвратительным запахом, но все, что перебивало запах дыма, сейчас казалось очень кстати. Взяла миску для смешивания теста, кастрюлю, чтобы растапливать масло и подогревать молоко. Свежих дрожжей у нее не было, но пакет сухих тоже сгодится, просто придется чуть дольше подогревать опару. Сделав пару шагов в сторону, она посмотрела на маму – та с отсутствующим видом пила свой кофе. Кофе она любит, но к кофеину очень чувствительна, теперь она больше не заснет.

Агнета сглотнула, закрыла глаза.

Либо обострение скоро пройдет, либо ей придется снова отправить маму в больницу. Бред такого калибра не предвещает ничего хорошего.

Булочки она готовила на автомате. Размешивала миксером тесто, отправила маму принять душ, пока тесто поднималось, высушила ей волосы феном. Раскатала полоски, пока мама слушала последний час Ночного радио. Щедро полила тесто маслом, посыпала корицей и сахаром, скатала в рулетики. Всегда маленькие, больших не допускалось. Мама считала, что большой рулет получается «сухой», хотя тесто абсолютно то же самое. Сверху побольше жемчужного сахара – так, чтобы хрустело на зубах, когда будешь есть. Достала молоко – тетрапак с изображением арктической малины (*Rubus arcticus*, цветок Норрботтена) и налила в большой стакан. Достала из духовки последний противень как раз в тот момент, когда по радио зазвучала музыкальная заставка программы утренних новостей.

– Послушай, мама, – проговорила она, ставя на журнальный столик стакан молока и тарелку с булочками, – я пойду ненадолго, займусь уб-боркой. Сиди и слушай музыку, потом будет утренняя гимнастика. Когда я вернусь, послушаем вместе Местное радио, договорились?

Мама подняла на нее глаза, посмотрела с неуверенностью.

– Летний фельетон?

– Лейтенант Робинсон, помнишь его? Послушаем его в-вместе, хорошо?

Она вышла в прихожую и оделась. Ночи и утренние часы холодные, красное солнце висит совсем низко и не греет. Крепко взяв ключи, она вышла на лестницу и заперла маму в квартире.

Одновременно с ней из соседней квартиры вышел Пекка Карлссон, ее бывший одноклассник. У его семьи четырехкомнатная квартира с балконом.

– Здорово, Агге, как дела?

Он устроился на лето охранником, ему выдали форму – он так ею гордился. Широко улыбнулся, выпятил грудь. Агнета улыбнулась в ответ.

– В-все хорошо. А у тебя?

– На этой неделе работаю в Будене. Приходится поездить.

Пекка добрый, но всегда пытается подойти слишком близко. Она отодвинулась от него.

– Тогда мне проще.

Он рассмеялся.

– Да, тебе до работы рукой подать. Хотя какой чертовски сильный лесной пожар, слышала? Половину Грансея пришлось эвакуировать.

– Боже мой, – воскликнула она. – Какой ужас! Никто не пострадал?

– Видишь ли, я не знаю, но сейчас из Будена вызвали вертолет.

Папа Пекки служил в специализированном подразделении. Учитывая информированность Пекки, Агнета сделала вывод, что их подразделение привлекли к тушению пожара.

Он придержал ей дверь, она выскользнула наружу, пока он не успел ее облапать.

– Подвезти тебя?

Она помахала рукой.

– Мне быстрее пешком.

Она пошла вверх по склону в сторону стройки. Там она работала, убирая строительные бытовки. Четыре штуки, по часу на каждую. Иногда она справлялась быстрее – особенно если нет дождя.

На самом деле предполагалось, что работа выполняется вечером, но Агнета не желала оставлять маму одну надолго по вечерам, когда у той случались обострения, так что последнюю бытовку она убирала по утрам, до прихода рабочих. Им-то наверняка все равно.

Четвертую бытовку она обычно оставляла на утро – ею редко пользовались, так что там легче всего было убираться. Бытовка стояла по другую сторону моста, так что Агнете приходилось либо идти в обход по старому мосту, либо пробираться по недостроенному новому бетонному мосту. Строго говоря, делать так не разрешалось, но напрямик через стройку получалось куда быстрее. К тому же ее никто не видел – из городка моста не видно. Хотя идти по нему было страшновато. Тут и там торчала арматура, временами приходилось идти по балкам, балансируя на ветру. Далеко внизу шумела река.

В это утро оказалось, что желобом для справления малой нужды почти не пользовались. Она все равно выскоблила его средством для туалета и вытерла насухо до блеска. Обычно после ее уборки во всем бараке пахло свежестью, но сейчас запах дыма перебивал все

остальные запахи. Агнета протерла стол, стулья и столешницу в кухне, подмела пол и провела по полу мокрой тряпкой. Взглянула на часы – прошло всего лишь сорок минут. Быстро протерла окна снаружи, замшевая тряпка стала черной от сажи. Тщательно прополоскала ее – такие тряпки очень дорогие, и поспешила домой.

Подойдя к своей квартире, она задержала дыхание. Когда она приоткрыла дверь, в нос ей ударил запах свежих булочек с корицей. В квартире было тихо.

В светлые периоды между обострениями мама всегда клялась, что будет принимать лекарства, как положено, что последний раз и останется последним. Временами проходило много времени, несколько месяцев, прежде чем она начинала снова пренебрегать таблетками. Ведь она так хорошо себя чувствует, с ней все в порядке – почему она должна запикивать в себя массу каких-то химикатов, от которых она толстеет и кожа становится дряблой?

Так что она переставала принимать литий, начинала пить, чтобы снять тревогу, которая тут же неизбежно подступала, и вскоре возвращалось маниакальное состояние.

В детстве Агнете нравилось, когда мама становилась такая веселая. Вместе они устраивали невероятные проделки. Уходили в лес и жили в палатке, как настоящие индейцы, – это было очень весело, пока не кончилась еда. Лес прочесывали два дня, прежде чем их нашли. Или когда они играли, будто сплавляются вниз по реке – к счастью, они перевернулись недалеко от берега до того, как их снесло к порогу.

С годами дела шли все хуже. Мама убиралась в здании муниципалитета, но под конец уже не справлялась с работой. Ее преждевременно отправили на пенсию, и тут все пошло вразнос. Работа была стержнем, на котором держалась вся повседневная жизнь, а теперь этот стабилизатор исчез. Агнета ходила в школу и больше не могла приглядывать за мамой. Во время маниакальных периодов мама нередко садилась на автобус и уезжала в разные места Норрботтена, покупая там самые невероятные вещи. Пока она сама возвращалась вечером домой, Агнета считала, что волноваться не стоит. Иногда бывало даже забавно – как в тот раз, когда она вернулась из Лулео в полной эйфории, купив сорок семь упаковок красной ленты для ее пишущей машинки.

В маниакальные периоды мама часто превращалась в поэтессу или художницу: знаменитую, прославленную на весь мир, всеми почитаемую. С поэтессой у Агнеты не возникало проблем. Поэтесса писала стихи или отдельные строчки на бумажках, которые прятала по всей квартире, – или же листок бумаги торчал в пишущей машинке Агнеты, когда та возвращалась из школы или с работы. С художницей приходилось сложнее, ей могло прийти в голову создать произведение монументальной живописи на стене в гостиной или на дверцах шкафов в кухне. Теперь Агнета стала опытнее, дожидалась, пока обострение закончится, прежде чем взять валик и все закрасить. Иногда несколько монументальных произведений ложились одно поверх другого.

Депрессивные периоды были одновременно и легче, и труднее. Легче потому, что мама просто лежала на одном месте. Иногда у нее возникала мотивация снова начать принимать лекарства. Труднее потому, что такое состояние иногда переходило в психозы – типа того, что Агнета почувствовала в то утро. В последнюю неделю мама переходила от маниакального состояния к депрессивному и обратно по несколько раз за день, и лучше не становилось.

– Мама!

Ответа не последовало.

Пишущая машинка стояла на кухонном столе, из нее торчал лист бумаги. Подойдя ближе, Агнета прочитала.

Ходили-бродили
В зеленом лесочке,
Бранились и пили
Дошла я до точки

Стало быть, сегодня поработала поэтесса.

Агнета зашла в гостиную. Мамина ночная рубашка лежала на полу. Одна из булочек была надкушена, остальные нетронуты.

– Мама, где ты?

Дверь в спальню стояла нараспашку, там мамы нет. Стало быть, в ванной. Агнета подошла к двери и постучала.

– Мама, я собиралась поесть на завтрак лепешку, ты будешь? Тебе раскрошить или сварить в молоке?

На завтрак она обычно готовила и то, и другое – одно блюдо называлось брюта: лепешка, раскрошенная в молоке с брусничным вареньем, второе – блойта: тонкая лепешка, сваренная в молоке или бульоне, политая топленным маслом. Потом мама выбирала что-то одно, а сама она съедала другое.

Из-за двери ванной донеслось какое-то бормотание.

– Мама, я не слышу, что ты сказала?

Внезапно дверь распахнулась. Мама стояла возле раковины совершенно голая, с огромным кухонным ножом в одной руке и щеткой для мытья унитаза в другой.

– Не подходи! – проревела она с перекошенным от страха лицом.

Агнета тут же отступила, как ее научила Гунилла.

– Мама, никакой опасности нет.

– Они сожгут меня на костре! Они идут, они идут!

Не сводя глаз с мамы, Агнета отступила в прихожую, пошарила рукой на комод в поисках телефона и набрала 90 000. Сердце стучало во всем теле, пока она ждала ответа.

Мама сделала шаг в прихожую, направив нож и щетку прямо вперед. В трубке щелкнуло.

– 90 000, что случилось?

– Мне н-н-нужна скорая п-п-помощь в Стентрэск-Эльв-с-с-странд 4Б, – проговорила она, отступая подальше, насколько позволял шнур телефона. – У м-м-моей мамы психоз, она уг-г-г-рожает мне ножом.

– Простите, я не расслышала, что вы сказали?

– Просто так не дамся! – крикнула мама и рубанула ножом в воздухе.

Агнета почувствовала, как внутри все похолодело от отчаяния.

– С-с-скорую! – выдавила она из себя. – С-с-ско-рее!

– Из какого муниципалитета вы звоните?

– С-с-с-с-тентрэск.

– Минуточку.

В трубке стало тихо, мама побежала в кухню, а затем обратно в прихожую, увидела Агнету и закричала страшным голосом. Вскинув щетку для унитаза, она изо всех сил швырнула ее в дочь, щетка попала Агнете по руке. Агнета бросила трубку, повернула замок входной

двери и выбежала на лестницу. Мама кинулась за ней. Агнета побежала влево и спряталась под лестницей на второй этаж, мама пошла на свет и заковыляла направо, к выходу из подъезда. Открыв дверь, она вышла на затянутую дымом улицу, голая, с ножом в руке.

Агнета проскользнула обратно в квартиру к телефону.

– Алло! – окликнула ее оператор.

– Я з-з-здесь.

– К сожалению, машины скорой помощи в Стентрэске сейчас нет. Мы можем выслать ее из Эльвсбюна, но это займет не менее получаса.

– П-п-полиция?

– К сожалению, свободных полицейских машин в Стентрэске тоже нет. Все заняты на тушении лесного пожара.

– К черту! – крикнула Агнета и бросила трубку.

Она снова выбежала на лестницу и заколотила в дверь семьи Карлссонов. Эва-Лена – хозяйка дома, приоткрыла дверь.

– Что тут происходит? – спросила она, хотя прекрасно знала.

Мамины приступы в доме воспринимались как роман с продолжением, Агнета это прекрасно понимала.

– М-м-мама, ее нужно в б-б-больницу.

Эва-Лена чуть прикрыла дверь.

– У меня машины нет. Хенри на своей уехал на работу, а Пекка взял мою, он на неделе работает в Будене.

Услышав крики мамы во дворе, Агнета кинулась к двери подъезда. Мама стояла голая возле кустов сирени, размахивая ножом. Кому позвонить? Кто сможет их отвезти? Кристер Шильц только что получил права, но у него, кажется, нет машины? В Стентрэске есть такси, какой же у них номер? Погодите-ка, Викинг! Ведь он разъезжает на «гольф» своей мамы.

Агнета кинулась обратно в квартиру, разыскала список класса в верхнем ящике комода. Дрожащим пальцем провела по списку. Стормберг... Стормберг... вот он! Она принялась набирать номер, пальцы соскальзывали с диска, пришлось начать с начала. На другом конце сразу ответили – так, как положено.

– 19791.

Набранный номер.

– В-викинг?

Она громко разрыдалась.

– П-помоги мне, – выдавила она из себя. – Мне нужна помощь. С м-м-мамой. Она совсем р-р-рехнулась.

– Агнета? Это ты?

Она кивнула, хотя он не видел ее.

– Угу.

– Ты дома, в Трэске?

– Угу.

– Хорошо, я еду.

Он положил трубку.

Она снова вышла в подъезд, посмотрела через стекло двери. Мама направлялась к детской площадке. Двое детей качались на качелях, а другие играли в песочнице. Агнета распахнула дверь, выбежала наружу.

– Мама! – крикнула она. – Соня! Соня Мякитало! Слушай м-меня! Мама остановилась, медленно повернулась. В глазах горел страх.

– Соня Мякитало, – громко произнесла Агнета. – Я знаю, что тебе страшно, но все в полном п-порядке.

– Они хотят сжечь меня на костре, – сказала мама.

Сколько времени ехать от Кварндаммсвеген? Пять минут? Десять?

– Это н-недоразумение, – сказала Агнета. – Тебя никто не собирает жечь. Это б-булочки будут печься.

Мама замигала. Ноги у нее дрожали, черные волосы на лобке выделялись на фоне белой кожи.

– Булочки?

– Булочки с корицей, – кивнула Агнета. – И с кучей жемчужного сахара сверху.

Несколько родителей детей на площадке заметили их – особенно голую женщину с ножом. Они кинулись к своим детям, схватили их на руки и побежали к подъездам и машинам. Агнета судорожно хватала ртом воздух.

– Тебе кажется, что пахнет горелым? – продолжала она. – Т-так и есть. Один противень подгорел. Сильно подгорел. Но остальные б-булочки хорошие. Вкусные. Свежеиспеченные.

– Они говорят, что я колдунья.

Боже, сколько времени прошло?

– Нет, они сказали мне, что я болтунья. Я разговаривала на уроке математики.

Мама посмотрела на нее с недоверием, взгляд скользил по облакам, по земле, по контурам строящегося моста.

– Все небо горит, – проговорила она. – Я никогда не вернусь домой к Богу.

– Вернешься, – возразила Агнета. – Однажды, через много-много лет. Но сначала давай поедим булочек и попьем кофе с молоком.

Зеленый «гольф» пулей влетел во двор между домами, резко затормозил. Мама закричала и подняла нож.

– Это приехали булочки! – крикнула Агнета. – С-смотри, только что испеченные!

Из машины вылез Викинг. Рубашка у него была застегнута криво, наверное, он еще не встал, когда она позвонила. Он перевел взгляд с мамы на Агнету и снова на маму, закрыл за собой дверцу машины.

– Доброе утро! – крикнул он.

– Видишь! – крикнула Агнета. – Сейчас будут булочки.

Викинг сделал пару шагов в их сторону, улыбнулся маме с ножом.

– Точно, – сказал он. – Булочки.

Мама стояла неподвижно, на молочно-белой коже темнели соски, сморщившиеся от утреннего холода. Она никогда не подставляла тело солнцу.

– Я не хочу, – проговорила она. – Не хочу, чтобы меня сожгли на костре.

– Только один противень подгорел, – крикнула Агнета. – Мы должны проветрить.

Викинг встретился с ней глазами, вопросительно поднял бровь. Она осторожно приблизилась к нему.

– В психиатрическую, – проговорила она тихо, подходя вплотную. – К-как мы запихнем ее в машину?

Викинг указал на свой задний карман.

– Я стырил у папаши наручники.

– Дай мне.

Он передал ей за спиной наручники, она засунула их в карман джинсов.

– Мама, – начала она, приближаясь к маме. – Как хорошо, что ты взяла с собой нож. Булочки такие большие, я больше половинки не съем. Ты можешь разрезать ее пополам?

Мама слегка попятилась.

– Нет, – проговорила она, – ни за что...

– Ну тогда я сама, – ответила Агнета. – Дай мне нож, я сама разрежу булочку.

Поначалу мама заколебалась, но потом протянула Агнете нож.

Агнета взяла его, кинула далеко за спину и повалила маму на землю. Тут уж ничего не поделаешь. Мама была в шоке, дико закричала – она довольно сильно ударилась о гравий. Агнета вытащила наручники, ей удалось защелкнуть один на запястье у мамы, и тут подскочил Викинг и защелкнул второй. Затем ловко повернулся и надел такие же маме на лодыжки.

Кричать мама перестала. Теперь она лежала в полной апатии, щекой прямо на гравии, тяжело дыша. Из разбитой губы у нее сочилась кровь.

– О'кей, – сказал Викинг. – Я подгоню машину. Агнета держала маму, пока Викинг подогнал «гольф». Они запихнули маму на заднее сиденье, Агнета села рядом. Викинг рванул с места, машина понеслась в сторону центра, мимо Кварндаммской школы, полицейского участка, церкви, вверх по склону Кулосен.

Соню Мякитало немедленно положили в закрытое отделение.

Собственно говоря, она больше оттуда не вышла.

Два года спустя она умерла в психиатрической больнице Фюрунэса возле Питео.

На ее похороны приехал один человек – дочь Агнета. Но тут мы слишком далеко забегаем вперед.

В тот день в июле 1980-го года, когда небо было ясным, но в воздухе повис запах гари, врач отделения скорой помощи Гунилла Ландён сидела с Агнетой в кабинете после того, как маму положили в отделение психиатрии. Так они сидели далеко не впервые.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось все это пережить, – сказала врач, ставя перед Агнетой чашку кофе. – Ты могла позвонить нам раньше, когда поняла, к чему идет дело.

– Но м-мне обычно удается это остановить, – ответила Агнета. – Если только она перестает пить и п-поспит, приступ проходит.

Гунилла Ландён кивнула.

– Я знаю, что ты так думаешь, но ты не обязана нести на себе такую ответственность. Ты можешь сразу нам позвонить. Ты знаешь, что она может представлять опасность – для себя и для других.

Агнета опустила глаза, глядя на свои руки.

Ей уже исполнилось восемнадцать – в марте, так что теперь опасность миновала. Теперь ее не могут отправить в приемную семью, как тогда, когда их с трудом нашли, прочесав лес.

Гунилла Ланден откинулась на стуле, изучая ее с дружелюбным вниманием. Она знала, что Агнета ходит в «Полярный круг» – в тот же читательский клуб, что и ее падчерица.

– Ты закончила гимназию, не так ли?

Агнета кивнула.

– Экономическую п-программу. Двухлетнюю.

Этот последний факт говорит не в ее пользу. Все, у кого хорошие отметки, учатся на трехлетней программе.

– Ты нашла себе работу?

Снова кивок головой.

– Я работаю на муниципалитет. И еще пишу.

Она не стала пояснять, что работает на полставки, убирая строительные бытовки.

– Пишешь? Как здорово. Тебе удалось что-нибудь опубликовать?

Агнета снова посмотрела на свои руки, почувствовала, как запылали щеки.

– Несколько рассказов, – ответила она.

– Замечательно! Очень рада за тебя.

Врач посмотрела на наручные часы.

– На некоторое время твоей маме понадобится уход. Сейчас она довольно спокойна, но я запросила помощь полиции, чтобы отвезти ее в Фурунэс. Посмотрим, когда у них найдется время отвезти ее туда. Обещай сообщить, если тебе понадобится помощь – в чем бы то ни было.

Она поднялась.

– У нас сегодня очень много дел, – проговорила она извиняющимся тоном. – Лесной пожар...

Агнета тоже встала. Они пожали друг другу руки, это было так по-взрослому.

Из отделения скорой помощи она вышла на парковку. Викинг стоял, прислонясь к зеленому «гольф», ветер развеивал его волосы.

– Ну как она там?

– Они ее п-положат. Это хорошо.

– Черт, как ты ловко справилась! Сперва выманила у нее нож, а потом завалила ее. Впечатляюще!

Агнета опустила глаза.

– Спасибо за помощь, – сказала она. – П-полиция и скорая были заняты. Мне больше н-некому было позвонить...

– Все нормально, – ответил он. – Подвезти тебя домой?

Поколебавшись, она все же кивнула. Села на переднее сиденье рядом с ним. Для такой маленькой машины он был великоват, упирался головой в потолок.

И снова они ехали по городу, но гораздо медленнее, чем по дороге туда. Солнце стояло на юго-востоке – стало быть, около девяти утра. Оно никогда не поднималось высоко, но и не заходило за горизонт.

– Она всегда была такая? – спросил Викинг.

Агнета кивнула.

– Более или менее.

– Как же ты все это выдержала, черт побери?

Она посмотрела наружу через стекло машины. Он и представить себе не может, какова была альтернатива.

– Послушай, – сказал он, – извини за бестактность, но где твой папаша?

Подняв на него глаза, Агнета впервые в жизни рассказала все, как есть.

– Мама не з-знает, к-кто он. Их было несколько.

И она снова разрыдалась.

Это случилось в один из первых маниакальных периодов. Мама отправилась автостопом в Стокгольм, где ее подобрала компания молодых парней, ехавших на ралли. После того, как она – более или менее добровольно – позанималась сексом с ними со всеми, мания отступила, и мама, пристыженная, вернулась домой, получив изрядную дозу спермы.

Викинг подъехал к дому и остановился у ее подъезда. Повисла тишина – заряженная, тяжелая от запаха гари.

– Может быть, зайдешь? – спросила Агнета. – Я в-ведь испекла булочки...

Он глубоко вдохнул задымленный воздух. Улыбнулся.

– О'кей, – ответил он. – Хотя я не пью кофе. У тебя найдется сок?

– Молоко подойдет?

Малина арктическая, *Rubus Arcticus*.

– Еще как.

С этого все и началось.

* * *

К презентации романа она подготовилась, внушая себе: говорить медленно, громко, четко. Часто она заикалась куда меньше, когда ее никто не слышал, – собственно, вообще не заикалась. Говорить или петь хором тоже прекрасно удавалось. Хуже всего было говорить по телефону, это полный ужас. Однако она не сдавалась, продолжала тренироваться – это единственный путь вперед. Когда она нервничала, все сильно ухудшалось, когда же она не задумывалась об этом, становилось куда лучше. Она знала: среди тех, кто страдает заиканием, большинство составляют мальчики и мужчины, а среди тех, кто перестает заикаться в подростковом возрасте, большинство девочек, но ее это не коснулось. Очень типично. Причины заикания до конца не изучены, однако есть наследственный фактор. В ее случае он явно не по материнской линии – подарок от ее неизвестного отца.

– «Т-том Сойер» Марка Твена, – начала она, – стал одним из первых романов, отпечатанных на пишущей машинке – более ста лет назад. К-кроме того, это был первый полноценный роман Марка Твена или Сэмюэля Ленгхорна Клеменса, как его на самом деле звали. Это книга для подростков или, вернее, «воспитательный роман» – о том, как мальчик превращается в м-м-мужчину.

Сусанна сидела и вертела в руках свою жвачку, София спрятала конфету на палочке и сосредоточенно записывала каждое слово Агнеты.

Карина сидела, удобно откинувшись, на одной из подушек-кресел, скрестив руки, и смотрела на нее, слегка покачивая ногой. Ее окружала своего рода высокомерная аура. Не враждебность, а интерес – подобно тому, как ученый интересуется подопытным животным.

Биргитта не приехала. Все лето она просидела в Питео, в квартире своей мамы.

– Как я это понимаю, – продолжала Агнета, – это рассказ об аутсайдерстве. Том Сойер – сирота. Он живет у своей тетушки Полли,

которая любит его, но не умеет с ним справиться. Его лучший друг Гекльберри Финн еще более одинок, его отец – известный в городе пьяница. Он вообще не ходит в школу. Марк Твен делает этих двух мальчиков своими героями, что тогда, сто лет назад, было воспринято весьма неоднозначно. Твен был журналистом и сатириком. Это заметно. Он не испытывает ни малейшего почтения к церкви, власти и обществу в целом. Мальчики нарушают массу правил, но у них все складывается хорошо, и в конце они даже становятся богаты. Мне кажется, это выдающийся роман...

Едва она замолчала, как Карина подалась вперед, опустив руки по бокам.

– Я согласна, – сказала она. – Твен создал сложные и непредсказуемые характеры, которые бросают вызов судьбе и находятся в постоянном развитии.

Глаза Карины сияли, участвовать в литературных дискуссиях – ее любимое занятие. Теперь она завела долгий разговор об образе рассказчика и происхождении воспитательного романа. Жонглировала понятиями, которых Агнета до конца не понимала: драматургические дуги и воплощение, однако приятно, что Карине понравилась книга, которую она выбрала.

– Что тебя больше всего зацепило? – спросила Сусанна, когда она закончила.

Карина ответила, не раздумывая.

– То, что Том в конце все же выступил в пользу Маффа Поттера. Решился на этот шаг, хотя ему было чертовски страшно. Это пример потрясающего гражданского мужества. Кульминация всей книги, на мой взгляд.

Она взяла «шейк», который протянула ей Сусанна.

– А тебя?

Сусанна довольно долго обдумывала ответ.

– Там есть одна вещь, которую я до конца не поняла, – проговорила она, когда Карина начала проявлять нетерпение. – Что Гекльберри Финн не захотел жить в большом доме у заботливой вдовы. Он смог ходить в школу, носить хорошую одежду – и все же перебрался на свое старое место позади бойни.

– Чего ты тут не понимаешь? – спросила Карина.

Сусанна развела руками.

– Как можно предпочесть грязь и бедность благополучию и заботе!

– То есть лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, так? – уточнила Карина.

– Да, примерно так.

Карина застонала и снова откинулась на кресло-мешок.

– Мне кажется, ты шутишь, – проговорила она. – Ты не поняла всей критики общества? Что Гек Финн не выносит норм и притворства? Что он бунтует против всеобщей лжи?

Сусанна взглянула на Карину. В ее взгляде читалось нечто похожее на грусть.

– Да, но мне кажется, что он поступает глупо и неблагодарно. Если есть возможность выбора между хорошей жизнью и плохой, стоит, наверное, выбрать хорошую? Ложь так или иначе есть везде.

Карина пожала плечами.

– София, а что думаешь ты? – спросила она.

София дописала предложение в блокноте, потом подняла глаза.

– Мне тоже очень понравилась книга. Веселая и увлекательная. Больше всего мне понравилось, как мальчики вошли в церковь, когда их собирались хоронить. Хотя мне кажется, что им следовало подождать и не признаваться, чтобы послушать, что о них скажут другие. Было бы потрясающе побывать на собственных похоронах. Услышать, что о тебе говорят люди после твоей смерти. И еще меня очень порадовало, что злой индеец умер. Так ему и надо.

– Это, п-пожалуй, единственное, что вызывает у меня внутреннее сопротивление, – вставила Агнета. – Индеец Джо описан очень стереотипно – про него говорится, что он плохой, потому что в его жилах индейская кровь. Р-расизм чистейшей воды. И черные тоже описаны с презрением...

Карина снова выпрямилась с явным раздражением.

– Послушай, нельзя же так, – возразила она. – Действие происходит в 1840-х годах. Так тогда и было, люди тогда так мыслили.

– Я п-п-просто говорю, что это не очень с-симпатично написано...

– Ну и что теперь делать? Переписать Тома Сойера? И все остальные книги, написанные в прежние времена? Может быть, еще и картины перерисовать?

Сусанна закатила глаза, поднялась и бросила жвачку в корзину для бумаг у двери.

– А на тебя что произвело самое сильное впечатление? – спросила она, глядя на Агнету.

Агнета сделала глубокий вдох, чтобы снизить пульс, – эту фразу она заранее разучила.

– Бекки с-случайно р-рвет книгу учителя, но Том берет вину на себя. Учитель устраивает ему порку и оставляет сидеть после уроков, но Том идет на это ради того, чтобы спасти Б-бекки. П-помочь другому человеку, принести себя в жертву ради другого – это п-произвело на меня самое сильное впечатление.

– Я, по крайней мере, знаю, что больше всего понравилось бы Биргитте, – усмехнулась Сусанна и села на место. – То, что они нашли кучу денег и стали очень богаты! Она бы точно сказала, что теперь они свободны и могут сами распоряжаться своей судьбой!

Карина засмеялась, и Агнета улыбнулась. Да, так и есть. Биргитте легко отстаивать свои принципы – ей не больно падать.

На самом деле читательский клуб проходил куда веселее, когда ее не было с ними. Они начали разговаривать и смеяться, как прежде – обсуждать книги, фильмы, передачи по телевизору. В конце концов Сусанна взглянула на свои часы – совершенно новые.

– Слушайте, девчонки, – сказала она. – Мне пора, есть одно дельце. Давайте закругляться?

Все начали собираться, Агнета с Софией прибрались в комнате.

– Пойдем выпьем кофе? – спросила София, когда они сдали ключ от библиотеки администратору полицейского участка.

– М-мне надо работать, – ответила Агнета. – К сожалению.

София пожала плечами. Всю дорогу до Бэкосена они прошли молча. В воздухе по-прежнему ощущался запах гари, но не так сильно, как утром. Последнее, что Агнета слышала по местному радио перед тем, как выйти из дома, – пожар взят под контроль, но работы по тушению будут продолжаться еще несколько дней. Причина пожара по-прежнему не выяснена, но нет оснований подозревать преступный умысел.

– Я слышала, что твою маму положили в больницу, – внезапно проговорила София.

Агнета покосилась на нее – от кого она могла это услышать?

– Да, – ответила она. – П-получился перебор...

Сзади приблизилась машина, они отступили к краю узкого тротуара. Машина сбавила скорость и остановилась – это был зеленый «гольф».

Викинг опустил боковое стекло.

– Привет! – крикнул он. – Как дела?

Агнета улыбнулась, почувствовав, как внутри потеплело.

– С-спасибо, хорошо, – ответила она. – У нас был ч-читательский клуб.

– Ты поедешь к Кристеру? У него сегодня вечеринка, родителей нет.

Она опустила глаза.

– М-мне жаль, – проговорила она, – но мне надо на работу.

– Бытовки? Сколько времени это займет?

Был вечер пятницы, и в обычной ситуации она могла бы смухлевать – пойти и убраться в воскресенье. Но строительство не укладывалось в сроки, и работяги работали по семь дней неделю. Теперь, когда мама в больнице, Агнета, по крайней мере, может сделать все за один заход, и не вставать в чертову рань, чтобы убрать последний барак.

– Ч-четыре часа.

– Я могу поехать к Кристеру, – сказала София.

– Само собой, – сказал он. – Но тебе придется пойти пешком. Если я тебе помогу, дело пойдет быстрее?

Последнее он сказал Агнете – та почувствовала, как глаза у нее вылезают из орбит.

– Ч-что ты имеешь в виду?

– Если мы будем вдвоем, то управимся за два часа. К десяти закончим.

Она невольно расхохоталась.

– Ты пойдешь убирать бытовки? С-со мной? В п-пятницу вечером?

Он играл с ключом зажигания – включил, выключил.

– Да, черт возьми, – ответил он, ухмыляясь. – Садись, поехали туда прямо сейчас.

Естественно, такое не разрешалось – приводить с собой постороннего в бытовки строителей. Совершенно дикая идея.

Агнета заулыбалась, была не в силах скрыть улыбку.
– О'кей, – выпалила она и, обежав машину, залезла на пассажирское сиденье.

Викинг рассмеялся.

– Увидимся у Кристера! – крикнула она Софии.

* * *

СТРАНИЦА 5

Диана мчалась на велосипеде домой, ощущая, как ее душат слезы. Генриетта не злая, не в этом дело, просто не думает о других. Жизнь не сводится к тому, чтобы выглядеть безупречно, как думает Генриетта. На свете есть еще так много всякого важного.

И погода такая ужасная. Дождь и ветер. Диана вытерла рукавом джемпера капли дождя с лица.

Мимо проехала машина, совсем близко. Диана дернула рулем, переднее колесо наткнулось на камень, и она упала.

Слезы хлынули градом – и не только из-за грязных джинсов и расцарапанного локтя.

С другой стороны появился мопед.

Это Маттиас!

– Вот придурок! – крикнул он и выехал на обочину, где она лежала под дождем. – Ты сильно ударилась? – спросил он, заметив ее слезы.

Она попыталась улыбнуться.

– Это от дождя, – проговорила она, отводя окровавленную руку.

– Но ведь у тебя кровь! – воскликнул он.

Она снова заплакала.

– Как ты? – спросил он. – Может, тебе надо в больницу?

Она покачала головой.

– Да нет, просто... – начала она и запнулась.

Он наклонился к ней.

– Я слышал, что твоя мама больна, – тихо сказал он. – Тебе, наверное, ужасно тяжело.

Она закрыла лицо руками.

– Садись, отвезу тебя домой, – сказал он.

– А мой велосипед?

– Полежит до завтра. Какой псих станет воровать велосипед в такую погоду?

Несмотря на все страдания, она невольно рассмеялась.

СТРАНИЦА 6

Он помог ей подняться, она поковыляла к его мопеду и села на задний конец седла. Маттиас вернулся к велосипеду и положил его в канаву, чтобы его не видно было с дороги. Потом сел на мопед и завел его.

– Держись крепче! – сказал он.

Ей пришлось прижаться к нему вплотную. Она спрятала лицо от капель на его широкой спине. Слишком быстро он остановился у ее подъезда.

– Спасибо, что подвез, – проговорила она и тут заметила, что он замерз. У него буквально зубы стучали.

– Ой, ведь ты промерз насквозь! – воскликнула она. – Зайди, согреешься и обсохнешь. У меня есть чай и горячий шоколад.

Он улыбнулся чуть кривоватой улыбкой.

– Хорошо, – сказал он, – от такого предложения кто ж откажется?

Он заглушил двигатель, прислонил мопед к стене и запер. Руки у нее немного дрожали, когда она отпирала дверь. Квартира у них была самая простенькая. Мебели мало, но она все утро убиралась, а букет полевых цветов на столе источал приятный запах.

– Ты любишь булочки с корицей? – спросила она. – Я испекла сегодня утром.

– Обожаю булочки с корицей, – ответил он.

От этих его слов она засмеялась, сама не понимая, почему.

Они сидели друг напротив друга, ели булочки, запивая горячим шоколадом. Смеялись и разговаривали, но потом он вдруг стал серьезен.

– У меня есть младший брат, – сказал он. – Не знаю, знаешь ли ты об этом.

Нет, о брате она ничего не слышала.

– Его зовут Хассе. Когда он родился, с ним что-то оказалось не так, но что именно, они не знают. Он не такой как все.

Маттиас поднял на нее глаза.

– Но я его очень люблю.

КОНЕЦ

23 декабря 2019, понедельник

В 7 часов 5 минут в отделении судебно-медицинской экспертизы в Умео началась процедура опознания обезглавленного тела девушки. Обследование проводил судмедэксперт Сикстен Полански, заведующий отделением. Ему помогала Сандра Хаммарлунд, эксперт-криминалист.

Проводилась та процедура, которая применяется при подозрении на убийство. Сначала был сделан внешний осмотр тела, измерены длина и вес, а также задокументированы все внешние приметы. Затем сделан рентген. После этого было произведено тщательнейшее вскрытие с исследованием подкожных тканей – в той мере, в которой они сохранились. Тело оказалось сильно мумифицированным. У первого шейного позвонка, где голова была отделена от тела, сделали микроотливку скелета. Проверили химический состав на предмет остатков алкоголя или наркотиков.

Далее был взят целый ряд образцов с целью установить ДНК тела – пробы мышц и костей. Отпечатки пальцев также были сняты, но с неудовлетворительным результатом. Правая рука оказалась повреждена, левая слишком мумифицирована.

Сикстен Полански немедленно сел составлять первичный протокол вскрытия, который вскоре был передан главному прокурору города Лулео Эвелине Андерссон.

* * *

Викинг Стормберг вышел в приемную. Карина Бюрстранд сидела на своем месте, просматривая в компьютере «Новости и события региона».

– Ты не могла бы зайти ко мне?

Женщина с удивлением посмотрела на него поверх очков для чтения.

– Зачем?

Она проработала здесь долго – дольше, чем он. Всю свою профессиональную жизнь. Считала себя вправе ставить под сомнения его слова.

– Желательно прямо сейчас, – добавил он и пошел в свой кабинет.

Карина пошлепала за ним в своих кроках с телефоном в руке, закрыла за собой дверь. Он указал на стул для посетителей перед своим столом.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

За выходные он подробно прочел все дело Софии. И, чем больше он читал, тем отчетливее проступало значение читательского клуба «Полярный круг». Единственное постоянное занятие, имевшееся у Софии в свободное время, единственное место, где она постоянно встречалась с одной и той же группой людей за пределами школы.

– Судя по вашим допросам, София вела протоколы ваших встреч.

Карина кивнула.

– Они сохранились? – спросил он.

Она сделала глубокий вдох, вздохнула. Лизнула языком уголок рта.

– Свои экземпляры я хранила в коробке из-под обуви, – ответила она. – Кажется, я их не выбрасывала. Скорее всего, стоят на чердаке. Проверить?

– Да, это важно. Желательно прямо сейчас.

Она взглянула на свой мобильный телефон.

– У меня человек записан на 9.30, паспорт и национальное удостоверение личности.

– Фатима сделает, – ответил Викинг. – Скажи ей, когда будешь уходить.

Карина улыбнулась и поднялась.

– Хорошо, – проговорила она.

– Еще один вопрос, – сказал он. – Когда Агнета уехала в Карлстад – как ты об этом узнала?

– Она написала мне письмо. А потом мы с ней наспех поговорили по телефону, она звонила, чтобы о чем-то спросить.

– О чем?

Карина остановилась, размышляя.

– Она очень торопилась, бежала на какую-то лекцию. Спросила, знаю ли я, как достать какую-то книгу Набокова – точно не помню,

какую именно. Я ответила, что можно заказать в библиотеке. Она заикалась совершенно ужасно.

– В те выходные, когда она уехала из Стентрэска – Биргитта звонила тебе? По поводу ключей от бытовок, которые лежали под дверным ковриком Агнеты в Трэске?

– С того момента в бытовках убиралась я. Пока твой папа не позвонил и не предложил мне поработать здесь, в участке.

Викинг снова взял дело, вытянул ноги под столом.

– Я пообещал Сусанне дать интервью для ее подкаста, – с о вздохом проговорил он. – Тебе известно, каким оборудованием она пользуется?

– Микрофон и компьютер *Mac*, – ответила Карина и ушла в сторону заднего выхода.

Хоть Биргитта и изрядно набралась вчера, однако последовательность событий с ключами Агнеты помнила прекрасно.

Он перелистал дело, нашел карточку от детского психиатра в Будене. София Хельстен посещала психотерапевта с десяти лет, когда ее младший брат умер. Синдром внезапной младенческой смерти. У нее не было психиатрического диагноза, однако отмечалось, что она соответствует некоторым критериям для синдрома Аспергера. В кратком резюме ее описывали, как нормально развитую в интеллектуальном плане, однако с некоторой задержкой моторного развития – то есть она была немного неуклюжей. Врач призывал поощрять физические занятия во всех формах.

В качестве одного из критериев для своего заключения психолог указывал, что София испытывает затруднения в установлении дружеских отношений со сверстниками. Указывалось, что у нее снижен отклик на чувства других людей и недостаток спонтанного желания разделить радость или занятия с другими.

Он ощутил приступ раздражения. То же самое, слово в слово, говорили в детстве о его дочери Элин, хотя с ней все было в порядке. Нормы стали такие жесткие, каждому ребенку готовы вклеить диагноз, если он не ведет себя в точности, как другие. Почему люди не могут быть разными? Судя по всему, София пережила кризис, когда ее брат умер во младенчестве, ей понадобилось ходить на психотерапию, чтобы пережить эту утрату. В начале 1970-х это было еще не настолько

распространено. Ей повезло, что у нее такие влиятельные родители, которые смогли организовать ей профессиональную помощь.

Глядя на парковку, он сидел и размышлял. Затем выдвинул ящик стола, нашел там пустую флешку и засунул в задний карман брюк. Поднялся, надел пальто и вышел в холл. Фатима мрачно посмотрела на него.

– Я поеду по делам, – сказал он.

Сусанна ждала его дома у своей мамы, Сив Юханссон, в их вилле наискосок от школьного двора.

– Я так благодарна тебе, что ты согласился, – сказала она, выкладывая на кухонный стол микрофон и компьютер.

Он оглядел кухню. Здесь ничто не изменилось с тех пор, как он приходил сюда с Кристером в начале 1980-х. Сейчас за окнами сгустилась тьма, на подоконнике горел рождественский подсвечник с четырьмя свечами. Рождественские занавески в красную клеточку с бахромой в виде помпонов слегка шевелились от дуновения из окна.

– У меня только одно условие, – произнес он с улыбкой.

Она улыбнулась в ответ – той сияющей улыбкой, в которой когда-то утонул Кристер.

– Только скажи.

– Что ты дашь мне послушать все остальные интервью.

Улыбка исчезла. Сусанна придвинула к себе микрофон.

– Даже не обсуждается, – ответила она. – Это мои рабочие материалы. Я их никому не дам, ни на каких условиях.

Она презрительно вскинула голову – знак того, что она обиделась. Викинг вздохнул и принялся снова надевать перчатки.

– О'кей. Придется мне пойти получить ордер на обыск.

Потом рассмеялся и снова снял перчатки.

– Да брось, Сусси, я тебя разыграл. Давай сюда свои вопросы.

Она заколебалась, неуверенная в его намерениях, но, видимо, решила все же осуществить намеченное. Надела наушники, убедилась, что запись идет, опустила наушники на шею и начала.

– Работой по установлению истины в деле Софии Хельстен в полицейском участке Стентрэска руководит шеф полиции Викинг Стормберг. Мы сидим за кухонным столом в доме, где еще живы воспоминания. Однажды ты приходил сюда с Софией – помнишь этот эпизод?

Вопрос поставил его в тупик.

– Э-э... нет, – пробормотал он. – Когда это было?

Сусанна стиснула челюсти.

– Хорошо, попробуем еще раз. Однажды ты был здесь на вечеринке, где среди приглашенных была София Хельстен. Ты помнишь тот день?

– На вечеринке? – переспросил он и огляделся, словно ответ парил в воздухе под потолочными плитами.

Да, черт подери, та вечеринка, когда Кристер и Сусанна стали парой. Тогда он впервые догадался, что Карина и Хокан тоже вместе.

– Точно, – сказал он. – Вспомнил. Разве София тоже была здесь?

Сусанна выключила запись.

– София была здесь, разве ты не помнишь? Она занималась сексом с Пеккой Карлссоном в ванной в подвале, Кристер их там случайно застукал!

– София со всеми занималась сексом, – ответил Викинг.

– Но с тобой нет, – возразила Сусанна. – И с Кристером тоже нет.

Он не ответил.

Она снова включила запись.

– Ты можешь ответить, когда захочешь, – сказала она. – По поводу той вечеринки.

Он беззвучно сглотнул.

– Да, здесь много воспоминаний, – проговорил он. – Мы были здесь на вечеринке, должно быть, весной тысяча девятьсот восьмидесятого года, за пару месяцев до ее исчезновения.

– Что ты помнишь о том лете?

Он посмотрел в окно, увидел свое отражение в черном стекле. Что он помнит о лете тысяча девятьсот восьмидесятого года?

Агнету.

Ее хрупкую фигурку и светлые волосы, ее соленые слезы и мягкий смех. Непоколебимую решимость во все вкладывать душу, творить добро. Ее простое и естественное отношение к жизни и долгожданную свободу. Мама сидела в Фурунэсе, и Агнета могла работать, дышать и писать, как ей хотелось. Избавившись от ответственности за больного родителя, она могла любить, смеяться и играть с котом без страха и тревоги – впервые в жизни.

Потрясающее чувство наблюдать за ее превращением, быть рядом, подойти так близко.

Сусанна требовательно махнула рукой, подняв брови.

– Помню, как мы искали, – сказал он. – Как прочесывали все в округе. Все мои друзья участвовали, все до одного. Мы боялись лесных пожаров, ведь выше Грансея уже произошел пожар. Полиция из Лулео приехала сюда и обследовала дно реки, но это было сложно сделать из-за порога.

– В городе ощущался страх?

На несколько секунд он задумался.

– Скорее тревога, – проговорил он. – Когда нашли ее библиотечные книги возле Грансея – люди испугались. Все поняли: с ней что-то случилось, что-то страшное.

– В тот раз следствие возглавлял твой отец, на этот раз ответственность легла на тебя. Что ты испытываешь по этому поводу?

Сусанна смолкла, с ожиданием глядя на него.

– Я видел, как тяжело ему было тогда, как ответственность давила на плечи. А теперь эта ноша легла на меня.

– Это тяжело?

Он сделал глубокий вдох.

– Тут... много всего, – проговорил он. – Запутанное дело. С большой вероятностью речь идет о преступлении, на которое, вероятно, уже вышел срок давности. Но следствие по находке ведется, мы работаем методично и планомерно.

– Как она туда попала?

Он слегка улыбнулся Сусанне.

– Мы как раз работаем над тем, чтобы это выяснить, – ответил он.

Зазвонил мобильник – *Je ne regrette rien* Эдит Пиаф. Сусанна взяла телефон, взглянула на экран и сбросила звонок.

Затем надела наушники, пощелкала по клавиатуре, слушая запись. Снова сняла их.

– Звучит отлично, – сказала она и снова включила компьютер на запись. – Расскажи, какие у тебя были отношения с Софией?

Он почувствовал, как улыбка застыла у него на губах, сразу же вспомнились вчерашние пьяные разговоры Биргитты. Что известно Сусанне? Знает ли она, как София бегала за ним, как вешалась на него и провоцировала, как он в результате пару раз уступил ей? Убеждал

себя, что это не считается, но она думала иначе. Считала себя его девушкой. Как она не желала слышать отказ. Мрак в ее взгляде, когда она не получила желаемого, – жуткое зрелище.

Он внимательно оглядел Сусанну. Она прекрасно умеет притворяться, но лукавит ли она сейчас? Нет, ведь она сказала – с тобой нет, и с Кристером тоже нет. Она не знает. Биргитта не разболтала.

– Она была моей одноклассницей, – ответил он нейтрально. – Мы вместе учились в школе с первого класса до конца гимназии. Она была толковая, хорошо училась. Мало говорила.

– Женщины часто погибают от рук близких, – сказала Сусанна. – У Софии был парень?

Викинг почувствовал, как по спине потек пот.

– Честно говоря, не знаю, – ответил он.

На несколько мгновений она задумалась.

– Как, по-твоему, город отреагировал на исчезновение Софии?

Прежде чем начать говорить, он тщательно обдумал ответ.

– Она была человеком маленьким и скромным, – проговорил он. – Странно, что ее исчезновение оставило такой заметный след. Осенью Хильдинг ушел с поста мэра, на его место пришел Биргер Густафссон – начальник пожарной охраны, сама знаешь. Он придерживался совсем иного стиля руководства. Диалог и консенсус остались в прошлом: он поступал так, как сам считал нужным. Либо ты с ним, либо против него. Из-за этого на муниципальных выборах 1982 года социал-демократы утратили большинство – в этом все аналитики были единодушны. Так что ее исчезновение имело, как мы видим, политические последствия...

– Оно изменило общественную жизнь? – спросила Сусанна.

– Да, и весьма конкретно, – ответил Викинг.

– Были ли подозреваемые?

– Оставалось неясным, совершено ли преступление, – ответил Викинг. – Она просто исчезла.

– В те выходные на ракетной базе что-то активно происходило. Это может иметь отношение к делу?

– Американцы были там в те выходные, это общеизвестно. В третий или четвертый раз за тот год. Но все, что происходит там, засекречено, поэтому ведение следствия затруднено.

– Но ее книги нашли по дороге на ракетную базу...

– Мешок с книгами нашли возле Грансея, расположенного у дороги в сторону базы, – ответил Викинг. – Ничто не указывает на то, что народ оттуда имел отношение к делу.

– Но ведь кто-то его там бросил?

На это Викинг ничего не ответил.

– Тело обнаружили расчлененным, – продолжала Сусанна. – На что, по твоему мнению, это указывает?

– Я не могу говорить о деталях следствия, – сказал Викинг. – Надеюсь, ты это понимаешь.

– Но убийца, возможно, до сих пор ходит среди нас? Покупает подарки к Рождеству, смотрит матчи по гандболу, поет в церковном хоре?

Он сидел молча. В конце концов она отключила запись.

– Что-нибудь еще хочешь сказать? – спросила она. – Не для записи...

– Когда Агнета уехала, – проговорил Викинг, – она потом поддерживала с вами контакт?

Сусанна отложила микрофон и наушники.

– Поначалу да. Прислала несколько писем, такой странный красный машинописный текст.

– Ты брала у нее интервью для своего подкаста?

– Пока нет, но она вроде бы собирается приехать. Хочет прийти на панихиду.

– А Биргитта, ее ты записала?

– Нет, она не захотела.

В кухню вошла Сив Юханссон – как всегда, красивая и элегантная. Викинг встал и поздоровался.

– Сиди-сиди, – сказала она. – Тебе дали кофе?

– Спасибо, мне и так хорошо, – ответил он. – С ив, у тебя тоже взяли интервью?

Сив Юханссон рассмеялась.

– А как же, вместе с твоей мамой! Теперь мы станем знамениты!

– Можно мне послушать ваше интервью?

Она радостно рассмеялась.

– Само собой! Если мы, конечно, рассказали что-нибудь интересное...

Он улыбнулся Сусанне. Та покачала головой.

– Нет, мама, мои рабочие материалы не подлежат разглашению.

– Но Сусанна, – проговорила Сив Юханссон. – Пусть полицмейстер послушает. Ведь мы же никаких тайн не раскрывали? И это прозвучит на радио. Все всё равно услышат!

– Нет, мама, – ответила Сусанна.

Сив Юханссон сдвинула брови. Снова зазвонил мобильный телефон Сусанны, она сбросила звонок.

– По-моему, некрасиво так упрячиться, – сказала Сив. – Полицмейстер потратил на тебя время, согласившись дать интервью...

Сусанна громко застонала.

– Ну хорошо, – ответила она, не поднимая глаз от дисплея телефона. – Но только интервью с мамой и Карин...

Отложив телефон, она придвинула компьютер. Пощелкала мышью, повернула компьютер к Викингу и протянула ему наушники.

– Вот, файл 01, – сказала она и включила воспроизведение.

Он надел наушники.

– Как сделать погромче? – спросил он.

Она показала. В голове у него зазвучал голос Сусанны.

...в поселке Стентрэск в южной Лапландии. Сейчас четыре часа вечера, за окнами совсем темно. В это время года здесь, у Северного полярного круга, не бывает настоящего светло. Здесь со мной также Карин Стормберг, жена...

Сив поставила перед ним чашку кофе, он улыбнулся и кивнул. Сусанна взяла свой мобильный телефон, набрала номер, поднялась и вышла в прихожую.

На экране перед ним виднелись одиннадцать звуковых файлов в папке под названием «УБИЙСТВО СОФИИ». В наушниках звучал голос Сив.

...ты уверена, что не хочешь поесть? В самолетах так плохо кормят.

Он кинул взгляд в сторону прихожей – Сусанна стояла спиной к кухне, разговаривая по телефону. Быстрым движением он достал из

кармана брюк флешку, вставил в один из портов компьютера, выделил одиннадцать звуковых файлов и скопировал их на флешку. В наушниках звучал голос его мамы.

...Хильдинг, ее папаша, был мэром, а Густав полицмейстером, так что мы часто встречались семьями, хотя это все равно происходило больше по долгу службы, так сказать. Она была тихая и неприметная, тоненькая как спичка.

В кухню вернулась Сусанна. Он прикрыл флешку рукой. Она вопросительно подняла брови – ему правда интересно слушать ее запись? Свободной рукой он показал ей большой палец. Театрально вздохнув, она пошла и налила себе еще кофе.

...А та, которая заикалась, как бишь ее, она звонила мне потом и просила послать ей выписку для паспорта, она изучала экономику в Карлстаде, да-да, Агнета, вот именно...

Вытащив флешку, он засунул ее обратно в карман. Если ему повезло, то все файлы успели скопироваться.

С людьми определенно что-то случилось. Народ начал запира́ть двери. Многие повесили плотные шторы и стали занавешивать окна. Казалось, все перестали доверять друг другу.

Так и есть, он тоже это помнит. После этого они тоже начали запира́ться. Каждый вечер проверяли дверь на веранду.

А я вот совсем не уверена, что это кто-то со стороны. Это вполне может оказаться кто-то из наших. Кто-то, кого мы все знаем. И он по-прежнему ходит среди нас.

Запись закончилась. В голове у него наступила тишина. Он убедился, что ничто на экране не выдает копирования.

Снял наушники, положил их на кухонный стол.
– Ну что, доволен? – спросила Сусанна.

* * *

Викинг постучал в дверь кабинета главного прокурора в Управлении полиции в Лулео. Часы показывали половину второго. Солнце встало и развернулось у самого горизонта, но теперь снова исчезло. Эвелина Андерссон открыла дверь и махнула ему рукой, чтобы он заходил, не отрывая телефона от уха.

– Сколько им нужно времени? А раньше никак? Что, неужели весь отдел ушел на... О'кей. Поняла.

Она придвинула ему пачку бумаг и указала на стул для посетителей у письменного стола. Викинг пробежал глазами первую страницу – это был рапорт Центра судебно-медицинской экспертизы в Линчёпинге.

Эвелина Андерссон нервно ходила взад-вперед по комнате. Мужской голос беспрерывно что-то говорил в телефоне.

– А лаборатория в Великобритании? – спросила она. – Они ведь работают на Рождество!

Мужской голос продолжал. Она встала у окна, Викинг увидел ее отражение в стекле. Глядя невидящим взглядом вниз за автобусный вокзал, Эвелина Андерссон закусилла нижнюю губу.

– Нет, ясное дело, не горит, но без этого мы никуда не можем продвинуться... Что ты имеешь в виду?

Викинг уселся, стал листать бумаги, их оказалось немного. Пропустив формальные строки про время и место, он перешел сразу к описанию. Предметы, лежавшие там, где должна была бы быть голова.

Бумажник пластмассовый, полностью сохранен.

Содержимое:

- **120 крон купюрами, 3,50 монетами.**
- **Студенческая карта, выданная в декабре 1979 г. на имя Софии Катарини Хельстен.**
- **Брелок с ключом.**

Целый ряд отпечатков пальцев на бумажнике, монетах, купюрах, ключе. Отпечатки принадлежат разным людям, что нормально, так как деньги проходят через много рук. ДНК в работе.

– Да-да, хорошо. Договорились. До свидания.

Опустив мобильник куда-то посреди хаоса на письменном столе, она протянула руку и поздоровалась с ним. В прокуратуре Эвелина Андерссон давно, в последние пять лет – в должности начальника. Усевшись по другую сторону стола, она скинула туфли и положила ноги на стопки бумаг.

– Ты переживаешь, – сказал Викинг, кивнув на телефон.

Он улыбнулся, она ответила на его улыбку.

– Нет, правда, – проговорила она. – Не знаю, почему, но меня не покидает ощущение, что надо торопиться. Все это слишком абсурдно. Находка привела в движение какие-то глубинные пласты, которые связаны между собой.

Викинг помахал бумагами.

– По крайней мере, не ограбление, – сказал он.

– Если мы вдруг это предполагали, – ответила Эвелина и, нацепив очки для чтения, достала другой документ.

Викинг стал читать дальше.

Одежда:

- Джинсы фирмы *Puss & Kram*. Выцветшие. Следы спермы на внутренней стороне, у шагового шва.

- Кофта из голубого (?) кашемира, выцветшая.

- Майка из акрила, сиреневая, полностью сохранная.

- Кроссовки *Puma*, размер 36, белые с зеленым (?), выцветшие.

- Носки, белые с зелеными точками (?), хлопок, выцветшие.

- Трусы, акрил, размер 34, розовые, полностью сохранные. Большое количество спермы на ластовице. В задней части пятно крови 5×5 см.

- Лифчик, хлопок, размер 65А, белый (?), выцветший.

Отпечатки пальцев на обуви и джинсах. ДНК в работе.

– Похоже, все на удивление хорошо сохранилось, – проговорил он.

– Я разговаривала с их главной, – ответила Эвелина. – Обследование она проводила сама. В помещении не было земли, стало быть, никаких микроорганизмов, поэтому не шел процесс разложения. Только влага, от нее полиняли натуральные материалы. Однако девушка высохла ужасно. Настоящая мумия.

Викинг кивнул. Он видел тело, когда оно еще лежало в основании моста.

Сумка, кожа натурального цвета. Частично выцветшая.

Содержимое:

- **Учебник математики для гимназий. Трехлетняя естественно-научная программа. Четырехлетняя техническая программа. Второй курс. Бергендаль, Густав; Роде, Леннарт и Хостад, Маттс. Стокгольм 1975. Хорошо сохранившийся. На титульном листе надпись: «Принадлежит Софии Хельстен».**

- **Тетрадь для заданий по математике, «Принадлежит Софии Хельстен».**

- **Шариковая ручка Bic.**

- **Длинный шарф, вязаный, акрил, красный.**

- **Тампоны OB Mini (невскрытая упаковка)**

- **Конфета на палочке, съедена до половины (клубника), завернута в полиэтилен.**

– Удалось получить пробы слюны с конфеты?

Эвелина широко улыбнулась.

– А как же!

– А этот разговор? – спросил он, указывая на мобильный телефон.

Она громко вздохнула, перелистывая свою пачку бумаг.

– Судя по всему, занималась сексом перед самой смертью. Пока что в сперме на ее трусиках обнаружены три разных ДНК.

Викинг на несколько секунд закрыл глаза. Только этого еще не доставало.

- Групповое изнасилование?
- Необязательно. Некоторые любят, чтобы парней было несколько. Викинг глубоко вдохнул и медленно звучно выдохнул.
- Однако все указывает на то, что она подверглась групповому изнасилованию, а затем была убита?
- Эвелина Андерссон не ответила.
- Там была кровь, – сказал Викинг.
- У нее могли быть месячные.
- Пачка тампонов не вскрыта.
- Все равно могли быть месячные.
- Он решил сменить тему.
- Какие еще повреждения обнаружены на теле?
- Никаких, – ответила главный прокурор и протянула ему тонкую стопку листов. – Первичный набросок протокола вскрытия, в общих чертах. Какого она была роста – при жизни?
- Он отложил бумаги, взял у нее новую стопку.
- Невысокая, – ответил он.
- По сравнению с тобой все невысокие.
- Кажется, в деле где-то сказано, что ее рост – 163 сантиметра.
- Викинг пробежал глазами протокол – краткий и фрагментарный.

Тело женского пола, сильно высохшее.

Найдено без одежды и без головы.

Вес: 15,3 кг. Длина: 149 см.

Примерный вес и рост на момент смерти: ок. 50–55 кг, 163–167 см.

Повреждения левого плеча и правой руки, возникшие при обнаружении (предположительно удар лопатой).

Никаких внутренних повреждений.

Никакого лака на ногтях.

Никаких шрамов от перенесенных операций.

Никаких следов алкоголя или наркотиков.

Содержимое кишечника: вероятно, хлеб, сыр и мясо.

Отпечатки пальцев: трудно снять. Правая рука повреждена. Левая мумифицирована.

Голова отделена от тела острым предметом, ровная линия среза.

Причина смерти: не установлена.

Он вернул Эвелине протокол.

– «Причина смерти не установлена», – произнес он.

– Тело не повреждено, – ответила та. – И в яме не особо много крови. Только следы на дне. Стало быть, кровотечения не было.

– Стало быть, смерть наступила в результате травмы головы.

Эвелина взяла пачку цветных распечаток фотографий вскрытия.

– Или же отсечения головы. Я позвонила Сикстену – он говорит, что невозможно установить, жива она была или уже мертва при отсечении головы. И здесь речь идет об одном точном ударе, вероятнее всего при помощи топора или мачете. Учитывая местность и север страны, я склонна все же предположить, что это был топор...

Викинг провел рукой по лбу.

– И о чем все это говорит?

В середине 1990-х Эвелина Андерссон училась в США, в том числе полгода в Академии ФБР в Куантико, в штате Вирджиния. Она имела сертификат составителя профиля правонарушителя. Сейчас она медленно перебирала фотографии, на некоторое время ее руки остановились возле изображенного на них высушенного тела.

– Мощный удар, – проговорила она. – Определенная мышечная сила, но необязательно Халк. Человек, привыкший рубить дрова.

– Кто-то рубанул, а второй держал?

– Ты немного застрял на сперме, да? Нет, один удар по голове топором – и человек вырубается. А затем только отрубить голову. Преступник вполне мог быть один.

Да, конечно же. Несколько минут Викинг смотрел в протокол вскрытия, ничего не видя, ему нужно было время, чтобы собраться с мыслями. Эвелина перебирала фотографии.

– Так что бы ты сказала – тут что-то личное? – спросил наконец Викинг.

Эвелина отложила фотографии в сторону лицом вниз.

– Наверняка. Так или иначе.

– Просто чтобы исключить другие варианты, – проговорил Викинг, – могло это быть самоубийство?

– Суициды через отсечение головы случались, но тогда голова лежала рядом.

– Несчастный случай?

– Возможно, но такая деталь как отсутствующая голова...

– А не могла она скатиться через край и упасть в реку?

Эвелина поморщилась.

– Возможно, конечно, – ответила она. – Но головы держатся на воде.

– Правда?

– Помнишь тех детей из Елливаре, которые жарили сосиски на костре, когда мимо них по ручью проплыла голова?

– Детей?

– Ну, подростков. Это было лет десять назад.

Викинг помотал головой.

– Стало быть, убийца забрал ее с собой. В качестве трофея?

– Или чтобы затруднить установление личности.

– Зачем пытаться затруднить установление личности?

Одновременно оставляя на месте преступления вещи жертвы, ее бумажник и именную студенческую карточку?

– И правда, – ответила Эвелина.

– Ее мог отъесть медведь? Волк, россомаха?

Эвелина вздохнула и покачала головой.

– Стокгольму придется проверить нераскрытые дела, – сказала она и пометила что-то себе в блокноте.

– Убийства с расчленением трупа встречаются довольно часто, – проговорил Викинг. – Но тут что-то другое.

– Да, здесь и не дефензивное расчленение, с целью вывезти тело с места преступления, и не оффензивное расчленение, какое встречается при убийстве на сексуальной почве. Грудь и половые органы не повреждены.

– Но почему она голая? Ей не отрубили голову сразу после секса, поскольку сперма успела протечь в трусики и джинсы. Ее изнасиловали, она оделась, потом разделась, ее убили.

Эвелина закусила губу.

– Или же убийца раздел ее после убийства.

– Зачем?

Прокурор отложила очки для чтения и опустила ноги на пол.

– Я ужасно проголодалась, – сказала она. – Ты обедал?

Говорят, что улица Стургатан в Лулео – самое холодное место в Швеции. Она находится в самой узкой части мыса, выдающегося в реку Лулеэльвен, и за счет ветров с Красного моря с одной стороны и из порта с другой возникает коридор холода, где температура приближается к средним значениям в Сибири. Красное море, на самом деле часть залива Скютвикен, получило свое название, поскольку когда-то на его берегах располагались учреждения социалистического толка: здание региональной администрации, редакция газеты *Norrländska Socialdemokraten*, кооперативный магазин *OK*.

Викинг считал, что все это чушь. В Стентрэске гораздо холоднее.

Эвелина не хотела идти в столовую в том же здании, так что они побрели по (вовсе не) самому холодному месту Швеции до тайского ресторана на углу с улицей Кунгсгатан. Над дверью висел мощный колокольчик. Судя по всему, ресторан явно не справлялся с наплывом посетителей. В темноте мигали блестящие гирлянды.

– Рождество будешь проводить с семьей? – спросила она, когда им подали курицу с овощами-вок и орешками кешью.

Он кивнул, прожевал, прежде чем ответить.

– Маркус живет в Стентрэске, а вот Элин, моя дочь, приедет из Стокгольма. Брат в квартире группового проживания в Видселе, он тоже приедет. Соберемся у моей мамы. А ты?

Она попыталась улыбнуться, но получилась скорее гримаса.

– Послушай, – проговорила она. – Что случилось с твоей женой? Как она утонула?

Он чуть не поперхнулся рисом. Откашлялся.

– Она пошла на болото и утонула. Оно называется Кальмюрен. Находится чуть выше Стентрэска, полмили к северу от него. Бездонное болото. Огромное количество морошки.

Он положил в рот еще кусочек.

– Она была не из вашей деревни? – спросила Эвелина.

Он покачала головой.

– Из Стокгольма. Вернее, из Сольны. Мы познакомились, когда я учился на полицейского.

На пару минут он замолчал.

– Хелена, – произнес он. – Ее звали Хелена. Стормберг. Поначалу мы просто жили вместе, родился Маркус. Поженились, когда она ждала Элин.

Он отпил из бокала минеральную воду, подлил себе еще.

– Ты не ответила, – сказал он. – По поводу того, как ты собираешься праздновать Рождество.

Она сделала глубокий вдох.

– Думаю, вообще проигнорирую его в этом году. Филиппа будет у своего отца.

Викинг решил сменить тему.

– Ракетная база, – сказал он. – Американцы снова были там, когда пропала София. Шведский персонал допросили, а янки – нет. Кроме того, трое-четверо предположительно уехали раньше, чем планировалось. Они покинули свои номера раньше. Возможно, их отправили домой – как раз в то время, когда начали прочесывать окрестности. По крайней мере, так это восприняла хозяйка пансионата.

– Ты разговаривал с ней?

– Ее звали Керстин Линдгрэн. Она умерла осенью тысяча девятьсот девяностого года, вскоре после того, как пропала Хелена. Она там работала.

– Твоя жена? Она работала в пансионате?

– Управляющим. Она училась гостиничному делу в Швейцарии. В Стентрэске не так много вариантов.

– Вау! – воскликнула Эвелина Андерссон. – И она приехала с тобой сюда. Должно быть, в тебе есть нечто особенное. Почему не допросили американцев?

– Мы не знаем, кто они. Никаких поименных списков не было. Вся деятельность там, на базе – о дин сплошной знак вопроса. В городе многие убеждены, что ответ скрывается именно там. Это и вправду удобно, когда зло приходит откуда-то со стороны.

– А где ты был в те выходные? – спросила Эвелина Андерссон, глядя ему прямо в глаза.

– В Будене, – ответил он. – В хоккейном лагере.

Она подняла брови.

– Стало быть, ты все пропустил?

– Вернулся домой как раз тогда, когда начали прочесывать лес.

– Какое расстояние между Буденом и Стентрэском?

Пережевывая овощи-вок, он пристально взглянул на собеседницу.

– Сбегать туда-сюда за вечер пятницы, чтобы отрубить кому-нибудь голову, не получится, – ответил он.

– А если на машине? – спросила она, отпив глоток своей минералки.

– Тогда да, – ответил он. – Сейчас дорога занимает полтора часа. В восьмидесятые, наверное, чуть побольше.

– Версия с ракетной базой что-то не вызывает у меня доверия, – проговорила Эвелина Андерссон и сделала знак официанту, чтобы принесли счет. – А дом сохранился – в котором она выросла?

– Да, но его с тех пор несколько раз ремонтировали. От нее там ничего не осталось.

– Но вы обнаружили в деревне живого родственника, чтобы сличить ДНК?

– В городе, – поправил ее Викинг. – Жители Стентрэска внимательно следят за тем, чтобы их город называли городом. София была единственным ребенком, но мы нашли двоюродного брата, живущего в Мальмфельтене.

Он оказался одним из тех потенциальных родственников, список которых составила Карина Бюрстранд: Хенрик Хельстен, водитель скорой помощи из Елливаре. Кроме того, Викинг затребовал пробы ДНК Сигрид Киннунен из Стентрэска, муниципальной няни девочек, – просто для сравнения.

– Послушай, – начал он и отложил телефон. – Хотел спросить тебя о другом.

– Ответ «нет», – улыбнулась она. – Я занята.

Он тоже улыбнулся.

– Члены партии «Шведские демократы» более склонны к совершению преступлений, чем другие?

Она приподняла брови.

– Чем какие другие?

Он подумал о Биргитте, которая неплохо соображает даже в пьяном виде.

– Вернее так – правда, что им менее свойственна эмпатия? Что они более склонны к психопатии?

– Среди всех политиков, выставляющих свои кандидатуры на выборы, у них количество имеющих судимости зашкаливает, –

ответила она. – Как у них с эмпатией, точно не знаю. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, кто-то что-то сказал.

Эвелина Андерссон поднялась.

– Давай не будем сейчас о них.

Она подошла к стойке и расплатилась.

– Нашла ту обувную коробку, – сказала Карина Бюрстранд, когда он снова вошел в участок. – Она у тебя на столе.

Тем временем снова начался снегопад и закружила метель, дорога от Лулео на север была малопригодна для езды. Викинг стряхнул с куртки снег.

– Здесь протоколы наших заседаний, кроме последнего, в пятницу, 1 августа тысяча девятьсот восьмидесятого года. Мы всегда получали предыдущий протокол на очередной встрече.

Она дала ему пачку записок – сообщения от людей, которые желали, чтобы он им перезвонил.

– Ты не могла бы зайти ко мне? – спросил он и, не дожидаясь ответа, двинулся в свой кабинет.

Она поплелась за ним без всяких возражений. Не дожидаясь приглашения, села на стул для посетителей возле его письменного стола.

– Хочу спросить тебя кое о чем, – начал он, доставая из портфеля стопку бумаг.

– Это предварительный рапорт Национального центра судебно-медицинской экспертизы в Линчёпинге, – сказал он, протягивая ей бумаги. – Предметы, найденные в основании моста. Хочу, чтобы ты просмотрела его, когда мы закончим, – может быть, что-то привлечет твое внимание.

– Что, например? – спросила она, взяв у него тонкую стопку.

– Не знаю, – ответил он. – Все, что угодно. Что-нибудь, что покажется тебе странным. То, чего там не должно быть. Или что-то, чего не хватает.

Он махнул рукой в сторону записок с номерами телефонов.

– Мне надо обращать на них внимание?

– Только СМИ.

По пути в Лулео и обратно он прослушал все интервью и записи Сусанны. По большей части мусор, но было и несколько интересных

пассажей. Тяжело усевшись на стул, он посмотрел на Карину.

– У меня к тебе еще один вопрос, – проговорил он. – Между вами, девочками, случались акты насилия? В читательском клубе «Полярный круг»?

Она перестала читать рапорт, положила его себе на колени и подняла глаза.

– Вовсе нет.

Ее голос в записи, произносящий ясно и четко:

София как-то пришла ко мне той весной – перед тем, как пропала. И сказала, что ты влюблена в меня. И что ты ударила ее, угрожала ей, если она кому-нибудь расскажет.

– Случалось ли насилие или угрозы в отношении Софии? – спросил он. – В какой-либо форме, хоть раз? Со стороны кого-нибудь из вас?

– Нет, насколько мне известно.

– Она когда-либо это утверждала? Насколько тебе известно...

Карина пожевала нижнюю губу.

– Один раз она сказала, что Сусанна якобы ударила ее, но это болтовня.

– Болтовня?

– Сусанна никогда никого бы не ударила, это выдумки.

– И ты это точно знаешь?

Она не ответила.

– А что там такое было с белками? – спросил он.

– С белками?

Запись Сусанны, ее голос и голос Пекки:

– *Ты имеешь в виду ту историю с белками?*

– *С белками?*

– Тебе об этом что-нибудь известно?

Сусанну он спросить не мог, тогда пришлось бы признаться, что он украл ее рабочие материалы.

– Не знаешь, Пекка Карлссон по-прежнему живет на Кулосвеген? – спросил он.

Карина поморгала.

– Думаю, да. А что?

На стойке в холле загудел телефон. Карина бросила на Викинга вопросительный взгляд, готовясь вскочить.

– Не спеши, – сказал он. – Какие у тебя были отношения с Софией? В действительности?

Она замерла, явно насторожившись.

– Что ты имеешь в виду?

– Что общего у вас было тем летом?

Ему показалось или она правда побледнела?

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Летом тысяча девятьсот восьмидесятого ты только что закончила гимназию и переехала к Хокану. Сусанна сошлась с Кристером. А София?

– Что-то я не догоняю, – пробормотала она.

Голос Пекки Карлссона в Сусанниной записи звучит глухо, словно микрофон находится где-то далеко:

Она и Карина – они от души повеселились в то лето, можно сказать.

– Поступили сведения, что ты и София чем-то занимались вместе летом тысяча девятьсот восьмидесятого года. Что это было?

Ответ последовал быстро и уверенно. Слишком быстро?

– Наш читательский клуб, – сказала Карина. – Мы встречались раз в месяц. Бывало, что я сталкивалась с ней в пабе, но она там нечасто показывалась. Пиво она купить не могла, ей еще не исполнилось восемнадцати. На какие такие сведения ты намекаешь?

– Есть что-то еще, – сказал Викинг. – Что-то, о чем ты не хочешь рассказывать. Что там такое было?

Она сглотнула, села прямо, глядя себе в колени. Он видел, как у нее на шее вздулась жилка, завибрировал пульс. Карина не отвечала, Викинг ждал.

– Всегда есть вещи, которыми не особенно хочется хвастаться, – проговорила она наконец.

– Хватит нести околесицу, – сказал он.

На несколько мгновений она закрыла лицо руками. Затем засунула руку в карман и вытащила скомканную бумажку. Расправила на столе перед ним.

– Теперь ты все знаешь.

Он придвинул к себе бумажку. Напечатано на машинке, не на принтере. Выглядит как старый протокол допроса.

– Что это такое?

– Прочти верхнюю строку.

Сл.: Ты не могла бы перечислить тех женщин, которых ты заметила на втором этаже?

КЛ: Карина Бюрстранд.

Сл.: Кто-нибудь еще?

КЛ: Вполне возможно, но лично я больше никого не видела.

«Сл.» означало «Следователь».

– А КЛ – это кто? – спросил он.

Карина сжала руки.

– Керстин Линдгрэн.

Хозяйка пансионата в 1980-е годы. Бывшая начальница Хелены. Кусочек пазла встал на место.

– Это страница из дела об исчезновении Софии. Как, черт подери, эта бумажка оказалась у тебя в кармане?

– Я забрала ее оттуда, – ответила Карина.

Воздух в комнате стал плотным до предела. Викинг смотрел на Карину. Она закрыла глаза.

– Знаю, – проговорила она. – Основание для увольнения.

– Как минимум, – сказал он. – Зачем?

Она расплакалась. Он совершенно растерялся. Он и не подозревал, что она способна плакать. Она закрыла лицо руками, плечи у нее тряслись. Викинг не знал, что делать.

– Ну ладно, – проговорил он наконец. – Расскажи, зачем.

Некоторое время она дышала быстро и поверхностно, потом опустила руки. Щеки были красные и мокрые от слез.

– Стыд, – пробормотала она. – И страх, что кто-ни будь узнает.

– Что Хокан узнает?

– И он тоже.

– Узнает – что? Что ты спала с янки?

– Не со всеми.

– А София какое имеет к этому отношение? Она тоже была там?

Карина покачала головой.

– Насколько мне известно, нет.

Он пристально посмотрел на нее – народную избранницу, умную женщину средних лет, чья профессиональная жизнь сводилась к тому, чтобы отвечать на звонки, варить кофе и выдавать удостоверения личности. Летом будет сорок лет, как она работает в участке. Он знал, что она – член комиссии по культуре, организует в муниципалитете встречи с писателями. У нее есть муж и дети, и внуки.

Рискнуть всем этим – ради чего?

Стыд, должно быть, размером с лошадь.

– Ты прочла дело? От начала до конца?

Она вытерла у себя под носом.

– Только протоколы допросов.

– И ты решила забрать эту страницу, где написано, что ты бегала с американцами на втором этаже?

Она кивнула, уткнувшись взглядом в колени.

Некоторое время он разглядывал ее волосы, седые у корней. Боже, как люди умеют усложнять себе жизнь! Викинг тяжело вздохнул.

– Скажем, так, – произнес он, положив ладонь на скомканный листок. – Это никак не влияет на расследование дела об исчезновении Софии.

Карина сглотнула и покачала головой.

– Так что для работы следствия не имело значения, что эта страница пропала, – продолжал он.

Карина не ответила.

– Хотя все равно хорошо, что ты ее нашла, – добавил он, – по скольку она, видимо, выпала из папки с материалами следствия. Досадно, когда такое происходит.

Карина посмотрела на него округлившимися глазами. Некоторое время сидела неподвижно, словно ледяное изваяние.

– Спасибо, – произнесла она наконец чуть слышно.

Он поднялся, она тоже. Он придержал ей дверь. Внимательно оглядел ее, когда она проходила мимо него.

Видимо, Биргитта ошиблась.

Стыд и чувство вины Карина, похоже, в состоянии испытывать.

И теперь она у него на крючке. На веки вечные.

Пекка Карлссон открыл дверь с бутылкой пива в руке. За его спиной Викинг услышал заставку передачи «Лото Бинго».

– Ах ты черт, Викинг! Проходи, проходи!

– С Рождеством! – сказал Викинг. – Я ненадолго.

– Хочешь пива – или ты при исполнении?

Викинг потоптался, стряхивая с ботинок снег, и шагнул в прихожую.

– С удовольствием выпью с тобой в следующий раз. Во-первых, спасибо, что охранял место находки. Там, должно быть, было дико холодно.

– Ну да, тебе спасибо, комары не то чтобы закусили. Хотя это всего лишь работа, сам знаешь. И в машине можно было согреться.

Лоттен, его жена, вышла в прихожую и поздоровалась.

– У меня к тебе несколько вопросов, – сказал Викинг, когда жена ушла обратно к телевизору. – Ты помнишь то время, когда пропала София Хельстен? Лето тысяча девятьсот восьмидесятого?

Пекка Карлссон отхлебнул большой глоток пива, вытер рот тыльной стороной ладони.

– Какого черта, Викинг, я что, угодил в подозреваемые?

– Я только хотел узнать у тебя, что ты знаешь об отношениях Софии Хельстен в то время. С кем она общалась? Был ли у нее бойфренд? Есть у тебя какие-нибудь мысли по этому поводу?

Пекка почесал в затылке.

– Не-е-а, знаешь ли, ничего особо не могу сказать...

– Ты был с ней вместе по весне, не так ли?

Лицо у его собеседника вытянулось.

– Ну да, но не...

– На вечеринке дома у Сусанны Шильц – ну да, она тогда еще была Юханссон. Вы занимались сексом в ванной, в подвале. После этого вы продолжали встречаться?

Пекка Карлссон сделал шаг на лестницу, прикрыв за собой дверь, бросил тревожный взгляд через плечо в сторону гостиной. Публика в телевизоре смеялась и аплодировала.

– Не-а, я бы и не прочь, но она что-то не заинтересовалась.

– Ты тяжело переживал разрыв?

Новый глоток из бутылки.

– Я ведь осенью сошелся с Лоттен...

– Стало быть, ты не был безответно влюблен в Софию Хельстен?

– Нет, какого черта, Викинг!

Викинг внимательно оглядел его.

– Карина Бюрстранд – София общалась с ней? Тебе что-нибудь об этом известно?

– Это та, которая в шведских демократах?

– Не придуривайся, – ответил Викинг. – Можем продолжить разговор в участке, если хочешь.

Пекка Карлссон опустил глаза.

– Черт побери, Викинг, в этом нет нужды. Я ничего не знаю. Я занимался сексом с Софией на той вечеринке, но больше ничего не было. Не могу знать, чем она там занималась с Кариной Бюрстранд.

– Занималась?

– Их иногда можно было встретить в городе, пьяных. Казалось, им весело.

– Весело?

Его собеседник нервозно переминался с ноги на ногу.

– Я не знаю, Викинг, это правда. Мне они ничего не рассказывали.

Возможно, так оно и было. Он похлопал Пекку Карлссона по плечу.

– Понимаю, – проговорил он. – Все в порядке. Ты в те времена жил рядом с Агнетой Мякитало, так ведь? В районе Стентрэск-Эльвстранд?

Пекка перевел дух.

– Можешь называть его Трэск, как все. Да, мы были соседями. Хорошая девушка, Агнета. Красивая. У нее потом все хорошо сложилось.

Он попинал ногой ограничитель для двери, попытался улыбнуться.

– Ты не помнишь, ты видел ее или Софию в те выходные, когда София пропала. В августе тысяча девятьсот восьмидесятого?

Пекка допил остатки пива.

– Точно, но я вспомнил об этом задним числом, – сказал он. – Что я видел их на лестнице. Когда София уходила оттуда.

Викинг замер.

– Уходила оттуда? Когда это было?

Пекка потряс бутылку, заметил, что она пуста.

– Это было в пятницу. Я работал в Будене и вернулся домой довольно поздно. Около одиннадцати или типа того. София как раз уходила, у нее была такая спортивная сумка.

Он подался вперед и понизил голос, дыхнув на Викинга пивом.
– Я перекинулся с ней парой слов о погоде и все такое.
– Ты говорил с Софией? Что она сказала?
– Да ничего особенного. Она была довольно скучная, если разобраться...
– Ты сказал, что видел «их» на лестнице. Агнету ты тоже видел?
Пекка задумался.
– Нет, я ее только слышал.
– Что она сказала?
– София крикнула «пока, до завтра» или что-то в этом духе.
– А Агнета ответила ей из квартиры?
Пекка почесал затылок.
– Ведь да, наверное? Наверняка...
– Но ты не уверен?
Пекка пожал плечами.
– Ну, год-другой с тех пор прошел...
Викинг кивнул.
– Спасибо, Пекка, извини, что побеспокоил. Хорошего тебе Рождества.
– Ну, это самое, и тебе тоже...
Он оставил охранника стоящим в дверях в полной растерянности.
Сел в машину, съехал с пригорка и вошел в участок через заднюю дверь. Во всем здании царил темнота, только на его столе горела лампа. Да еще истерично мигала гирлянда в приемной.
По внутренней почте ему пришло сообщение от Карины Бюрстранд.

В ее сумке не хватает одной вещи. Блокнота. Она всегда таскала его с собой, везде. Записывала в него все подряд. Не сиди слишком долго на работе, и хорошего Рождества.

Карина.

Викинг повернулся на стуле, чтобы ему стало видно парковку и церковь, возвышавшуюся на другой стороне улицы. Там шел какой-то рождественский концерт. Снегопад прекратился, на небе угадывались

звезды. Викинг сделал глубокий вдох, повернулся на стуле обратно, взглянул на документы у себя на столе. На бумажки, которые написал, на стрелки, которые прочертил. Выждал не сколько минут.

Потом достал протоколы из обувной картонки Карины Бюрстранд, пробежал глазами верхний.

МАРК ТВЕН
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА»

выбор

АГНЕТЫ МЯКИТАЛО

4 июля 1980 года, пятница

Голова у него закружилась, ему пришлось отложить бумагу.

Агнета, книга, которую она выбрала, тот день, когда ее маму положили в больницу. Молоко и булочки с корицей. Запах гари, ее мягкие волосы. Слезы обожгли глаза, он закрыл лицо руками, начал всхлипывать.

Боже милостивый, что с ним такое?

Когда он вернулся домой из хоккейного лагеря, на его столе лежало письмо, написанное красным шрифтом. Помнится, он ужасно обрадовался, поняв, что это от нее – помнил восторг, с которым распечатывал конверт. И полный паралич, когда прочел письмо. Она уехала. Должна уехать, начать все с начала на новом месте. Просила его понять. Кота она забрала с собой, привет от него...

И Хелена... о ней он старался не думать. Память о ней он отложил в самый дальний угол, но сейчас все хлынуло наружу, словно бурная порожистая река, – *что произошло, когда утонула твоя жена?*

Ведь он убеждал ее не ходить на Кальмюрен. Говорил, что там тонули люди, знавшие эти места куда лучше, чем она.

Он заплакал, тихо-тихо, уткнувшись в ладони.

Нашел в ящике стола пачку бумажных платков, высморкался.

Ясное дело, он позвонил Агнете, но она жила в общежитии, и собственного телефона у нее не было. Когда ему удалось наконец с ней связаться, она нервничала и ужасно заикалась, желала, чтобы ее оставили в покое – она не любит говорить по телефону.

Больше он не звонил.

А Хелену так и не нашли. Она так и осталась навсегда в бездонном болоте, парящая в вечной жиже.

«Поющие в терновнике». Колин Маккалоу. Выбор Софии Хельстен. 1 августа 1980 года, пятница

Лето в Стентрэске могло выдаться очень жарким. Когда «русская жара» надвигалась на Северный Калотт с востока, земля изнемогала. Колодцы пересыхали, железнодорожные рельсы выгибались, гравий под шпалами размягчался. Случалось, температура поднималась выше тридцати градусов.

Однако лето могло выдаться и ледяным. Когда налетали ветра с Арктики, температура могла опуститься ниже нуля, даже в середине июля.

Как раз тот день, пятница, первое августа 1980 года, оказался зажат между этими двумя крайностями. В воздухе боролись два погодных фронта. Надвигалась гроза.

* * *

Психолога звали Юдит. София ломала голову, не еврейка ли она. У евреек гораздо реже, чем у христианских женщин, встречается рак матки, потому что их мужчины обрезаны. Вероятно, с мусульманскими женщинами все то же самое, но никакой статистики по этому поводу она не встречала.

У монахинь рак матки не встречается никогда.

Как бы то ни было, Софии показалось, что это интересное наблюдение: женщины умирают от грязных мужских гениталий.

– Сегодня я хотела предложить поговорить об утрате, – сказала Юдит.

София кивнула и опустила глаза, глядя на свои руки, так что ресницы легли на щеки. Поковыряла ногти. Чувствовала она себя довольно мерзко.

– Мы давно не возвращались к ситуации, когда умер твой младший брат, – сказала психолог. – Ведь это очень печальное

событие.

Казалось, она ждет какого-то подтверждения, так что София кивнула, не поднимая глаз.

– Ты могла бы рассказать мне о своих чувствах в тот вечер, когда Никласа нашли мертвым?

София подняла глаза.

– О чувствах?

Юдит кивнула.

– Грустно, – ответила София. – Я очень... расстроилась.

– Где ты обнаружила это чувство? Где именно в твоём теле оно помещалось?

На несколько секунд она закрыла глаза, потом поднесла руки к сердцу.

– Здесь, – прошептала она.

– Как ты думаешь, что ощущали твои родители, когда умер Никлас?

Она сделала глубокий вдох.

– Думаю, им стало очень грустно.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что они очень хотели мальчика и очень обрадовались, когда он родился. Поэтому они так опечалились, когда он умер.

– Твоя мама много плакала, помнишь?

Она кивнула.

– Что ты чувствовала, когда видела маму плачущей?

На несколько секунд София задумалась.

– Я испытывала тревогу, – ответила она.

– Почему?

– Я боялась, что мама больше не захочет быть со мной. Думала, что она меня куда-нибудь отправит.

– Почему ты думала, что мама тебя куда-нибудь отправит?

Она задала вопрос нейтральным тоном, видимо, не желая придавать ему большого значения.

– Потому что мама больше любила Никласа, – ответила она.

Психолог отметила что-то в своем блокноте.

У нее самой тоже есть блокнот, в который она все записывает. Отчасти то, что надо не забыть в повседневной жизни, отчасти явления или сверхъестественные события, сами по себе волнующие

воображение. Например, что гимнаст Александр Дитятин получил медали во всех видах соревнований, в которых участвовал во время Олимпийских игр в Москве. Пока что восемь. Историческое достижение. То, что США бойкотировали игры, конечно, тоже способствовало успеху, но факт остается фактом.

Психолог спросила что-то еще, но она не услышала вопроса. С какой стати ее звали бы Юдит, не будь она еврейкой? Кнессет только что принял новый закон, сделав Иерусалим столицей Израиля, об этом передавали позавчера в новостях. Палестинцы точно с ума сойдут. У Юдит наверняка имеется свое мнение по данному вопросу.

– София!

Она склонила голову.

– Тебе тяжело об этом говорить?

Психолог говорила сочувственным тоном. София кивнула, глядя в свои колени.

После того, что произошло во время Второй мировой, неудивительно, что Израиль намерен защищать свою территорию.

– Как у тебя с твоими подружками? Сегодня у вас будет заседание «Полярного круга»?

Она подняла глаза и улыбнулась.

– Да, на этот раз книгу выбирала я. «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу. Ты ее читала?

Юдит не ответила на вопрос. На вопросы она никогда не отвечала.

– Тебе понравилась книга?

– Она грустная, – ответила София. – Там много народу умирает, но это и есть главная тема книги: только большая боль может создать настоящую красоту.

– Ты веришь в то, что так и есть? – спросила Юдит.

София пожала плечами.

– Это старинная кельтская легенда, – сказала она. – В ней говорится о птице, поющей в терновнике. Всю жизнь она ищет идеальный терновник, а когда находит, то бросается на него и, умирая, поет прекраснейшую песню на свете.

– Ты считаешь, что это красивая легенда?

Она снова пожала плечами, посмотрела на свои ногти.

Юдит вздохнула – чуть слышно, чтобы она не услышала, но София все равно услышала. У нее всегда был прекрасный слух.

– Сегодня я хотела обсудить с тобой еще один вопрос, – сказала Юдит. – В сентябре тебе исполняется восемнадцать, ты становишься совершеннолетней. И тогда детская и подростковая психиатрия за тебя больше не отвечает, ты понимаешь?

София словно окаменела – она не могла сообразить, что имеет в виду Юдит.

– Так я... я за вас должна отвечать?

Психолог заерзала на стуле.

– Вероятно, я не совсем точно выразилась. Ты не можешь продолжать посещать детского психолога, когда станешь взрослой. Граница не является строгой, ты не обязана заканчивать прямо сегодня или на следующей неделе, но мы должны подумать о том, чтобы подвести итоги и в ближайший месяц завершить твоё лечение у нас. Следует ли тебе продолжать посещать психотерапевта в рамках взрослой психиатрии – этот вопрос тебе предстоит решить со своим лечащим врачом. Понимаешь?

Да уж, она все прекрасно поняла. Юдит дает ей пинка под зад. Она больше не сможет приходить сюда.

София снова кивнула, глядя на свои руки.

– Ты становишься взрослой, – проговорила психолог, тон ее сделался мягче. – Скоро тебе придется выбирать свой путь, София. Чем ты хочешь заниматься, кем хочешь стать...

Тут София подняла глаза на Юдит.

– Кем я хочу стать?

Юдит слегка улыбнулась ей – такое случалось нечасто.

– У тебя такие возможности, София. Ты можешь стать кем захочешь.

– Я знаю, кем я стану, – ответила она. – Я стану мамой.

Психолог несколько растерялась.

– Прекрасный план, – проговорила она.

В дверях они наспех обнялись.

Эрьян, владелец такси в Стентрэске, возил ее в Буден и обратно на своей личной машине. Не стоило провоцировать избирателей. София точно не знала, кто оплачивает счет – комиссия по делам детей или региональная администрация.

– Ты можешь остановиться у аптеки на Кунгсгатан? – попросила она, запрыгнув на заднее сиденье. – Мне надо получить лекарство по рецепту.

Подняв брови, он посмотрел на нее в зеркало заднего вида. Строго говоря, он должен был отвезить ее в отделение детской и подростковой психиатрии и обратно домой, никуда более. Поймав его взгляд, она чуть склонила голову набок.

– Мне надо забрать пенициллин, – сказала она. – У меня гонорея.

Он стиснул зубы, тронулся с места и покатил к торговому центру Будена. Забавно его провоцировать. Эрьян активно участвовал в жизни церковной общины, был церковным старостой, входил в церковный совет. Он заехал на парковку со стороны улицы Фэрьярегатан и остановился, не глядя на Софию.

– Я сейчас, – сказала она, выпрыгивая из машины.

В аптеке была небольшая очередь, пришлось подождать, прежде чем подойти к прилавку. Ей разрешалось выкупить только по тридцать таблеток валиума за раз, что очень раздражало, однако все же лучше, чем ничего. Они хорошо расходились, а Гувер оказался не в состоянии держать у себя запас, так что ей пришлось самой выпросить рецепт у врача.

– Огромное спасибо, – сказала София, снова запрыгивая на заднее сиденье.

Эрьян Элофссон не ответил. Как обычно, всю дорогу до Стентрэска они просидели в полном молчании.

Небо было ровным и серым, только над хребтами гор на западе собрались черные, как сажа, тучи. На востоке оно казалось лазурно-голубым. По другую сторону холма шумел порог. С гор тянуло холодным ветром. Воздух искрился.

Мама сидела в зале перед пустым камином, накинув на плечи плед.

– Мама, ты замерзла? Хочешь, я разожгу огонь?

Мама не ответила – казалось, она ее не слышала.

София вышла, принесла охапку дров, разожгла огонь в камине.

– Ну вот, – сказала она. – Так гораздо лучше.

Потом пошла в свою комнату. Села на кровать, положила руки на живот. Задержки у нее никогда не бывает. Надо рассказать Викингу.

Она уже рассчитала, когда это произошло – накануне того дня, когда он получил права. Третьего июня, на заднем сиденье его зеленого «гольфа». Там было очень тесно – и очень хорошо.

Она взглянула на наручные часы. Предстоит еще много дел.

Для начала она достала протоколы предыдущего заседания «Полярного круга». Каждый раз она переписывала их на чистовик сразу после встречи, просто чтобы это уже было сделано. На этот раз она сняла копии в здании муниципалитета, поскольку школа была закрыта на каникулы. Скрепила их степлером, сложила четыре экземпляра в свою сумку из Бёлебю, достала упаковку валиума. Нашла папку с письменными принадлежностями, где лежали конверты с вкладышем. Достала розовый и написала «Биргитте от Софии». Вынула один блистер с таблетками, завернула их в носовой платок и положила в конверт. Прилепила наклейку со звездочками и блестками в том месте, где должна была быть марка, положила конверт в сумку и снова вышла в зал.

– Тебе что-нибудь нужно в «Консуме», мама?

На пару секунд мама отвела взгляд от языков пламени, танцующих в камине.

– Нет, спасибо, – проговорила она и снова повернула лицо к теплу.

София пошла в ванную, расчесала волосы. Посмотрела на себя в зеркало, внимательно оглядела живот. Плоский как гладильная доска.

– Ты надолго? – спросила мама испуганным голосом, когда она уже выходила.

София остановилась в дверях.

– Точно не могу сказать. Хочу навестить подружку, а потом кое-что купить.

– Какую подружку?

О Викинге она рассказывать не станет – по крайней мере, пока.

– Агнету.

Мама всегда очень тревожилась, когда папа уезжал на заседания комитета, но слова о том, что дочь собирается встречаться с Агнетой, ее обычно успокаивали. Видимо, Агнета – самое скромное и добродушное существо на земле.

– Пока, мама, я скоро вернусь.

Сперва она поднялась по склону холма и опустила конверт, адресованный Биргитте, в почтовый ящик семьи Ландён. Заказ уже

оплачен, она неплохо заработала. Затем она снова спустилась вниз по склону, в сторону Кварндаммсвеген, мимо киоска Дагге, в сторону виллы семейства Стормбергов.

Ее интересовало, как отреагирует Викинг. Она мало видела его в течение лета – видимо, он много тренируется. В основном хоккей, но и футбол тоже.

Летнюю радиопрограмму она сегодня послушать не успеет, но ничего страшного. Ее не слишком интересует сегодняшняя ведущая программы: Маргарета Стрёмстедт^[50], журналистка и телепродюсер, написавшая несколько детских книг.

В этом году особенно отличился Таге Даниэльссон^[51]. Он рассказывал о том, как на него подали жалобу в этическую комиссию и как он изо всех сил старался казаться объективным и нелицеприятным. Сказав о ком-то что-то хорошее, он всегда тут же добавлял плохое, чтобы все уравновесить. Поэтому он сначала сказал, что Элла Фицджеральд прекрасная певица, а потом добавил, что она склонна к полноте – впрочем, одно другого не исключает. Кроме того, Таге Даниэльссон сказал, что комик по имени Йимми Дуранте катался на коньках, и так было до самой весны, пока тот наконец не откинул коньки. Это было забавно.

Хотя самая лучшая передача из всех, какие она слышала, была в прошлом году. Тогда выступал журналист Ян Гийу^[52] – он рассказал, что бывший премьер-министр Пер Альбин Ханссон брал взятки, в том числе от его собственного дедушки. Вот это был настоящий скандал!

А потом этическая комиссия осудила Яна Гийу.

Дома у Стормбергов ей никто не открыл. Она позвонила несколько раз. Потом огляделась. Много раз она проходила мимо, но внутри никогда не бывала. София знала, что маму Викинга зовут Карин и что зеленый «гольф» принадлежит ей, но машины возле дома не было. Стало быть, Карин куда-то уехала. Его папа Густав, наверное, на работе – в полицейском участке. Кажется, у Викинга есть младший брат или сестра – по вечерам она с улицы слышала, как по дому бегал ребенок. Вокруг находилось еще несколько домов, сам участок довольно маленький. Какая-то тетка посмотрела на нее из окна с кухонными занавесками в соседнем доме. София радостно помахала ей. Женщина с сомнением помахала в ответ.

Быстро обойдя дом, София зашла на террасу с задней стороны. Дверь оказалась не заперта. Открыв ее, она вошла в гостиную.

В доме стояла тишина. Никакого гудения приборов или жужжания вентиляторов. Только занавески слегка шевелились в потоке воздуха из открытой двери на террасу. Стенка орехового дерева. Толстый ворсистый ковер на полу перед телевизором. Обои с рисунком, напоминающим водоросли. Ворота гаража, выходящие на улицу. Кухня и гостиная в сторону открытого двора, ванная и три спальни в ряд в сторону живой изгороди.

Ясное дело – Викинга дома нет.

Она села на диван, положила ноги на журнальный столик. Удобно. Обнаружила на полке кассетный стереомагнитофон – подскочила, подошла к нему и нажала на кнопку включения. В магнитофоне была вставлена кассета, София нажала на play. Песня оказалась на шведском языке, какой-то мужчина пел грубым хрипловатым голосом:

*Мы дети эпохи,
мы дети эпохи,
Ты боишься детей своих,
мамочка?
И наш правильный путь —
Всех старпёров заткнуть,
Это правильно,
правильно, мамочка?*

Пока он пел, она пошла обследовать дом. Начала с самой дальней спальни – это оказалась спальня родителей. Она задумалась, как часто они занимаются сексом. Ей подумалось, что не особо часто. Она перебрала содержимое их ночных столиков. Вазелин на ее стороне – надо же. Стало быть, иногда они этим все же занимаются. Следующая комната принадлежала младшему ребенку. Пожарные машины, полицейские машины, несколько мишек разных размеров. Стало быть, брат.

Комната Викинга находилась рядом с ванной, дверь из прихожей. Никаких плакатов на стенах, только несколько скучных старых картин в рамах. Их наверняка повесила его мама.

София прилегла на его кровать. Кровать оказалась довольно жесткая. Музыка в гостиной зазвучала по-другому, интенсивность нарастала, тяжело вибрировали гитары.

*Ну давай же, приятель,
Мы ответим тебе,
Очень жёстко – это наш стиль!
Ненавидишь нас – ненавидим тебя,
Очень просто, это наш стиль.*

Она рассмеялась в голос – отличная песня! Поднялась, уселась за письменный стол Викинга. Вращающийся стул, слева тумбочка с ящиками.

*Испугалась, трусливая дрянь,
ты своих же детей?*

Она прокрутилась несколько раз, пока не закружилась голова. Потом выдвинула верхний ящик. Карандаши, стирательные резинки, линейки. Второй ящик. Школьные тетрадки – по математике и физике. Она полистала их. Те же задания, которые делала она сама. Он ответственный, надежный и собранный, дисциплинированный, этот Викинг. Умный и красивый. Очень ей подходит. Все у них будет хорошо.

Она выдвинула третий ящик и замерла. Что такое?

Красные буквы, отпечатанные на машинке. Агнетины, ошибиться невозможно. Целая пачка листков. София взяла ее в руки, перелистала.

Диана мчалась на велосипеде домой, ощущая, как ее душат слезы. Генриетта не злая, не в этом дело, просто не думает о других. Жизнь не сводится к тому, чтобы выглядеть безупречно, как думает Генриетта. В ней есть еще так много всякого важного.

Видимо, какой-то рассказ. Но что он делает здесь, в ящике стола у Викинга? Она прочла конец.

– Ты любишь булочки с корицей? – спросила она. – Я испекла сегодня утром.

– Обожаю булочки с корицей, – ответил он.

От этих его слов она засмеялась, сама не понимая, почему.

Они сидели друг напротив друга, ели булочки, запивая горячим шоколадом. Смеялись и разговаривали, но потом он вдруг стал серьезен.

– У меня есть младший брат, – сказал он. – Не знаю, знаешь ли ты об этом.

Нет, о брате она ничего не слышала.

– Его зовут Хассе. Когда он родился, с ним что-то оказалось не так, но что именно, они не знают. Он не такой как все.

Маттиас поднял на нее глаза.

– Но я его очень люблю.

Агнета обычно пекла булочки для своей мамы, София знала об этом. Не раз она ела булочки у них в кухне в Трэске. Как это понимать?

На обратной стороне что-то было написано. Она перевернула листок, узнала почерк Викинга.

Очень хороший рассказ. Прямо понимаешь чувства главной героини. К тому же, мне кажется, что она очень красивая. :)

А этот Маттиас отличный парень.

Кажется, я узнаю финал...

И затем три сердечка.

Она уставилась на них.

Три сердечка?

Три сердечка?!

Ледяной холод хлынул изнутри, разливаясь по всему телу.

Она скомкала идиотские красные листочки в тугой шарик, пошла в ванную и спустила их в туалет. Огляделась, заглянула в шкафчик. Под шкафчиком на полке в ряд стояли четыре стаканчика с зубными

щетками. Один – с картинкой медвежонка Бамсе. Стало быть, младшего брата.

Когда он родился, с ним что-то оказалось не так, но что именно, они не знают. Он не такой как все. Но я его очень люблю.

Взяв стаканчик с медвежонком Бамсе, она пописала в него. Поставила обратно на полку.

Вернулась в комнату Викинга, поставила стул, как тот стоял раньше, расправила покрывало. Выключила музыку прямо в разгар страстного гитарного соло.

Вышла через террасу, закрыв за собой дверь, и направилась напрямиком к Агнете.

– Привет! – проговорила Агнета с удивлением в голосе. – Заходи.

Кот пытался ускользнуть в подъезд, Агнета поймала его и взяла на руки. Тот тут же начал мурлыкать.

– Ты не знаешь, где Викинг? – спросила София, зайдя и усевшись за кухонный стол.

– Он в хоккейном лагере, где-то в Будене. Вернется во вторник. Я только что испекла бисквит – хочешь?

Бисквит София обожала.

– Спасибо, хочу.

– Молока?

– А какао у тебя есть?

– Ну да.

– Может быть, и булочки?

Агнета рассмеялась.

– Ну конечно же!

Какая она сегодня веселая. Достала булочки, подогрела молоко, выставила на стол банку какао. Даже напевала себе под нос: *I was made for loving you baby, you were made for loving me*^[53].

– Ты перестала заикаться?

От этого вопроса она тут же снова начала заикаться.

– Н-н-нет, просто н-немного лучше, когда все с-спокойно.

– Почему все спокойно?

– М-мама, – ответила она. – Они п-пока не планируют ее выписывать.

Ах да, ведь ее сумасшедшую мамашу положили на принудительное лечение.

– Хорошо тебе тут одной?

Агнета кивнула, щеки у нее покраснели.

– Угу, – ответила она и налила в чашку Софии дымящегося какао.

Села с другой стороны стола. Кот тут же прыгнул ей на колени.

– Я хотела тебе кое-что рассказать, – начала София, но обещаю никому не говорить – ни одной живой душе. Обещаешь?

Глаза у Агнеты округлились.

– Ясное дело, я никому не расскажу.

– Я беременна.

У Агнеты челюсть отвалилась, булочка упала на стол.

– Ой-ой-ой, – пробормотала она.

Казалось, она не знает, радоваться ей или ужасаться. – И что ты собираешься делать? Оставишь его себе?

В ту же секунду зазвонил телефон, стоящий на комодке в прихожей. Агнета подскочила так, что кот скатился на пол, радостно выскочила в прихожую и ответила, назвав свой номер телефона. В голосе зазвучал восторг.

– А, так у тебя все болит после тренировок?

Затем она рассмеялась – словно зазвонили колокольчики.

– Так тебе и надо! Уезжаешь от м-меня ради тренировок – так вот мучайся.

Снова смех.

– Нет, с-сегодня дождя еще не было, но очень сильный ветер. В воздухе словно запах серы.

Некоторое время она молчала.

– Нет, ту работу он не получил. Будет искать в Видселе, там есть мастерская... Сусси не хочет, чтобы он уезжал, пока она не закончила... да, вот именно!

Она снова засмеялась – надо же, как ей весело!

София прислушивалась, наострив уши, пытаясь разобрать, что говорится на другом конце провода, но слышала только голос. Слов не разобрать.

– Д-да, очень здорово, знаю, я тоже... Спасибо, что позвонил.

Краткая пауза.

И совсем тихо:

– Я тоже по тебе скучаю.

После этого она положила трубку.

Наступила ясность, все встало на место, слой за слоем – как слоеный пирог.

– Спасибо за булочки, – сказала она.

– Но ты ведь их даже не попробовала! – воскликнула Агнета.

– Я должна купить продукты. Маме. Она ждет меня.

Агнета улыбнулась.

– Увидимся сегодня вечером. Поздравляю с ребеночком! Когда он родится?

– В феврале. Тебе сегодня придется работать? Там, в бытовках?

Агнета вздохнула.

– Теперь они и по выходным строят, так что мне приходится работать по вечерам и в субботу, и в воскресенье.

Кто отец ребенка, она не спросила.

Выйдя из квартиры, София поднялась по склону к реке. Прошла по тропинке вокруг вершины, так что ее глазам открылась стройка. Сев на камень на ветру, она некоторое время изучала стройку. До нее доносились слабый гул и грохот машин, работавших далеко внизу. Подъемный кран, разные тракторы. Множество маленьких человечков в комбинезонах и касках – они двигались, точно заторможенные муравьи.

Мост – это единение. Мощный символ. Связующая нить. Благодаря ему берега встречались, сливались воедино.

Юдит совершенно права. У нее такие возможности – она может стать, кем только пожелает. Несколько недель назад ей в ящик положили каталог – «Высшее образование в Швеции, 1980–1981», она уже успела его пролистать. По всей стране есть множество университетов и высших школ, предлагающих всяческое обучение. Она может выбрать, что хочет. Это ее выбор, только ее. Прожить жизнь тем человеком, каким она решит стать. Надо только определиться.

Подумав немного, она направилась в *Konsum*. Ее семья всегда все покупала там. Теперь у нее есть свои деньги – какое счастье, когда не надо выпрашивать у родителей наличные. И собственное транспортное средство у нее тоже есть. Гувер одолжил ей одну из

своих старых, снятых с учета машин – теперь тачка стояла на лесной дорожке неподалеку от линии электропередачи рядом с Гранселем. Ей придется быть осторожной, когда она будет на ней ездить, ведь у нее нет прав. Однако риск, что ее остановят, минимален – особенно если придерживаться маленьких дорог. Гувер пытался капризничать, когда она пожелала одолжить машину. Пришлось напомнить ему, что ей достаточно снять трубку и позвонить Густаву Стормбергу и рассказать о запасах препаратов, которые хранятся в подвале здания евангелической миссии. Тогда он дал ей ключи. Даже спросил, не может ли он еще что-нибудь для нее сделать. Удобно иметь лояльных коллег.

В магазине она взяла красную корзинку и пошла бродить среди полок. Ей нравились новые товары в сине-белой упаковке – собственный товарный знак *Konsum*, всегда низкие цены. Она взяла себе зубную пасту «Зубная паста», картофельное пюре «Картофельное пюре». И еще купила две упаковки краски для волос, пепельный блондин. И десять конфет на палочке со вкусом клубники.

* * *

Биргитта пришла вовремя. Только это и было необычным. В остальном все началось, как всегда. Астрид отдала ключи в руки Софии, велев им убрать и закрыть за собой. София раздала протоколы с прошлого заседания, а затем уселась на детский диванчик – с прямой спиной, положив рядом с собой блокнот и ручку. Откашлялась.

– Добро пожаловать на заседание читательского клуба «Полярный круг». Мы все прочли книгу «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу. В ней повествуется о семье Клири, которая в начале двадцатого века переезжает в поместье Дрохеда в Австралии. Главную героиню зовут Мэгги, в начале книги ей четыре года. Она единственная дочь в семье, у нее пять старших братьев. Больше всего она любит Фрэнка, самого старшего. Он восстает против отца. Отца зовут Пэдди, а маму Фия. Мегги очень красивая, с огненно-золотыми локонами. У папы есть богатая сестра Мэри, она и есть владелица Дрохеды. Она вдова. Они живут в Новом Южном Уэльсе...

– Прости, София, – прервала ее Карина и устроилась поудобнее в кресле-мешке, – но, как ты сама сказала, мы все читали книгу. Мы все это знаем. Лучше расскажи о своих впечатлениях.

София оглядела Карину – типичный представитель нижних слоев рабочего класса. Многие в этой группе населения длительное время сидят без работы, не сколько членов семьи Карины – из таких. Представители буржуазных партий называли эту группу «нахлебниками», но ее папа это слово не любил. Хотя и считал эту группу проблематичной. Их трудно во что-нибудь вовлечь – как в политику, так и в работу профсоюзов. Они сами не понимают, что им нужно.

– О’кей, – ответила София. – Книга очень хорошая, сюжет построен на старинной кельтской легенде. Есть такие птицы, которые всю жизнь ищут идеальный терновник, а найдя его, натываются на него и перед смертью поют самую красивую песню на свете. Это символизирует то, что прекрасное можно обрести ценой страдания.

– Я согласна, – проговорила Сусанна. – Потрясающий роман, буквально затягивает тебя целиком. По-настоящему большая литература, с детальными описаниями экзотических ландшафтов, отношений между людьми разного происхождения – яркое повествование о всепобеждающей силе любви...

– Боже мой, – воскликнула Карина, – ты это серьезно?

Сусанна обиженно посмотрела на нее.

– От того, что вещь красивая и аутентичная, ее не следует сразу записывать в банальности.

– Аутентичная?

– То, что старинная легенда легла в основу совершенно новой истории.

Карина опустила веки.

– Только не говорите, что вы *верите* во всех этих птиц в терновнике! Это всего лишь сентиментальная побрякушка. Вы вправду считаете, что такая легенда *существует*?

– Ты сама этого не можешь знать, – обиженным тоном ответила Сусанна.

Карина тяжело вздохнула и провела рукой по лбу.

– Колин Маккалоу пишет о боли и красоте еще до того, как начался сам роман. Потом она возвращается к этой идее и муслирует

ее в каждый ответственный момент всего повествования. Это ужасно раздражает – зачем держать читателей за дураков, по сто раз объясняя им одно и то же. А в конце она даже заставляет Мэгги еще раз сказать вслух: «Во всем моя вина, мне некого винить. Когда мы вонзаем шип себе в грудь, то все знаем наперед, и все же это делаем...» Боже мой...

– Если говорить честно, – проговорила Сусанна, – то этот роман куда лучше «Лолиты».

В комнате сказок повисла тишина. Софии показалось, что даже вентиляция задержала дыхание. Сама она ощущала легкую тошноту. Карина сидела неподвижно, Сусанна бесшумно, но активно жевала свою жвачку, Агнета осторожно перелистывала книгу, а Биргитта выглядела вполне довольной.

В конце концов тишину нарушила Агнета.

– Мне к-кажется, эти два романа вообще нельзя сравнивать, – сказала она. – Э то все равно, что обсуждать, что лучше – арктический голец или Cuba Cola. И то, и другое вкусно, но в них нет ничего общего. «Поющие в терновнике» – довольно сентиментальная, но увлекательная книга, я прочла ее с большим удовольствием. «Лолита» – классический шедевр мировой литературы, с-сложный во всех отношениях.

София взглянула на Агнету, на ее светлые волосы и самовязанные вещи, тонкие руки и слабые плечи. Глаза ясные, но настороженные, зубы, идеально выровненные в детстве брекетами.

– Ясное дело, что ты так считаешь, – сказала София. – Ты всегда все сглаживаешь. Никому не позволяешь сердиться. Твое существование совершенно бессмысленно, ты не выполняешь никакой функции.

Агнета охнула. Карина села прямо, так что в мешке зашуршало.

– Тьфу, как у тебя только язык повернулся такое сказать, – выпалила она и взяла куртку на колени.

Биргитта поднялась, повесила на плечо свою дорогую сумочку.

– Собственно говоря, я пришла лишь для того, чтобы сдать книги и попрощаться, – заявила она. – Мы так долго встречались – я хотела лично вам рассказать, что уезжаю. В последний раз пришла на заседание «Полярного круга».

Все уставились на нее.

– Куда это? – спросила Сусанна с глубокой обидой в голосе. – Куда ты переезжаешь?

– В Питео. Я приехала на выходные забрать свои вещи.

– Но... – промямлила Сусанна и тоже поднялась. – Почему же ты ничего не сказала? Не можешь же ты вот так взять и уехать!

– Как будто тебя это интересует, – ответила Биргитта. – Ты мне никогда не звонишь.

– Но ты могла бы хоть что-нибудь сказать! И почему это я всегда должна звонить?

– Все мы уедем отсюда рано или поздно, – ответила Биргитта. – Или как? Ведь никто же не захочет остаться в этой дыре.

Агнета разрыдалась, и тут София решила вмешаться.

– Ты злобная задавака, – крикнула она Биргитте. – Ты будешь всю жизнь сидеть одна, злобная и всеми забытая, потому что всех считаешь дураками.

– Я уйду, – сказала Биргитта и ушла.

Агнета, обливаясь слезами, поднялась на ноги, схватила куртку и сумку и поспешила за ней.

Карина подошла к Софии и встала совсем близко.

– Какая муха тебя укусила? – тихо спросила она. – Какого черта ты это сказала?

– Но ведь это правда, – ответила София.

Сусанна ничего не сказала, молча вышла.

Карина фыркнула и оставила ее одну в комнате сказок.

Ну что ж, убираться – задача того, кто был хозяином встречи, что тут скажешь.

Товар у нее с собой в сумочке, спортивная сумка уложена.

* * *

В пабе *STONE Swamp Inn* настроение пятницы достигло кульминации. Гомон голосов и музыка разносились на всю улицу. София узнала мелодию с конкурса «Евровидение». «Коммутатор, алло, алло, соедините с номером сто...» От басов и голоса Янне Лукаса Перссона^[54] дрожали оконные стекла.

Вход в паб она миновала, не замедляя шага, прошла десятка два метров вперед и свернула вправо. Там, на боковой стене здания, находился запасной вход в пансионат. Строго говоря, дверь эту надлежало запирасть, но рядом всегда валялся деревянный брусок, чтобы оставить ее чуть приоткрытой.

Она открыла дверь, оставив деревянный брусок на месте. Вошла в небольшой холл – истертый линолеумный пол, обшарпанные плинтусы. Прислушалась к голосам, доносившимся от стойки администратора, – там громко разговаривали и смеялись какие-то мужчины. Шведы, не американцы. Она дождалась, пока они вышли на улицу через дверь главного входа. Затем прошмыгнула через холл и поднялась вверх по лестнице, подёргала ручку двери Рика. Заперто.

Стало быть, они еще не вернулись. Ей придется подождать.

Быстрым шагом она прошла еще несколько метров по гостиничному коридору в направлении дамской комнаты. Там висели большие зеркала и стояло красное бархатное кресло.

В дамской комнате было темно, София зажгла свет – и замерла в дверях в полном изумлении. Там, в красном бархатном кресле, сидела Карина Бюрстранд. Она резко поднялась, когда вошла София.

– Привет, – сказала София. – Ты ждешь Брюса?

Карина Бюрстранд сглотнула.

– Они еще не вернулись.

– Знаю, – ответила София.

– Откуда ты знаешь, что я жду Брюса?

– Они говорят, – ответила София.

Карина снова села в кресло. На ней та же одежда, что и на «Полярном круге», – стало быть, она не заходила домой переодеться. У ее ног стояла почти пустая четвертинка водки *Special*. Похоже, она долго просидела здесь, запивая одиночество.

– Но разве ты не живешь с Хоканом Юханссоном? – спросила София. – Разве ты не переехала к нему домой, к его маме с папой?

Карина Бюрстранд прикрыла глаза, откинула голову назад, тяжело застонала.

– Боже мой, ему пятнадцать лет! Большой член, да, но я готова спать с самым дьяволом, лишь бы не жить дома.

Язык у нее заплетался. Лампа под потолком погасла, оставив дамскую комнату в полной темноте. Единственным источником света

стала красная кнопка выключателя, горевшая рядом с дверью. София добралась туда и снова нажала на нее. Свет включился.

Карина Бюрстранд допила последний глоток прямо из горлышка, выкинула бутылку в мусорную корзину и пристально оглядела Софию.

– Только не говори, что ты мечтаешь остаться здесь. В этой чертовой дыре!

– Мне кажется, в Стентрэске довольно мило, – ответила София.

Подруга поднялась, слегка покачнувшись, и тряхнула своими роскошными волосами.

– Брюс хочет забрать меня с собой в США. Мы будем жить в его вилле в окрестностях Тусона, с собственным бассейном. Он показывал мне фотографии.

– А где это находится – Тусон?

Взгляд Карины совсем затуманился.

– В Аризоне, на юге США. Рядом с мексиканской границей. Пустынная местность, солнце светит почти всегда. Минусовой температуры не бывает.

– А как ты получишь вид на жительство?

– Мы поженимся, – ответила Карина. – В следующий раз, когда он приедет, привезет с собой все необходимые бумаги.

– И ты ему веришь?

– Я хорошо его знаю. Он никогда не встречал такую девушку, как я.

Повернувшись к зеркалу, она достала из сумки щетку и взбила волосы. Изобразила кривую улыбочку отражению Софии в зеркале.

– А ты чего хочешь с Риком?

Стало быть, она его знает.

– Интересно пообщаться с разными людьми, – проговорила София.

– «Пообщаться»?

– Много нового узнаешь.

На этот раз Карина расхохоталась в голос.

– Да, – сказала она, немного успокоившись, – можно и так сказать, черт подери.

Снова стало темно. И тут они услышали, как американцы с грохотом поднимаются по лестнице, разговаривая и смеясь. В приподнятом настроении – ведь сегодня пятница.

София зажгла лампу. Карина засунула щетку обратно в сумку. Они дождались, пока все разошлись по комнатам, и в коридоре воцарилась тишина.

– Ну давай, – сказала Карина, – пошли, узнаем много нового. Посмотри, нас никто не видит?

София приоткрыла дверь. В коридоре было пусто. На лестнице, ведущей вниз, в холл, не горела ни одна лампа.

– Путь свободен, – сообщила она.

Из туалета они вышли вместе. Быстро и бесшумно двинулись вперед по ковровому покрытию. Карина остановилась перед номером Брюса.

– Не говори никому, – проговорила Карина, открыла дверь и исчезла в седьмом номере.

София пошла дальше, в пятый. Вошла, не стучась – знала, что ее ждут.

– *Hello everybody*, – поздоровалась она.

Двое его коллег тоже здесь, сидят с пивом в руках, в нетерпеливом ожидании. Ничего удивительного. В ее власти – осуществить все их мечты.

Она подошла к письменному столу. Освободила себе место среди стопок диаграмм и расчетов, кучей лежавших на столе. Обязательно хранить результаты своих тестов именно здесь? Больше нигде? Достала из школьной сумки кусочек фольги с завернутым в нее кубиком гашиша и мешочек с марихуаной, положила рядом с результатами оценки различных бомб.

Рик подошел и поцеловал ее, засунув ей язык чуть ли не до миндалин. Она не стала его отгонять. Бедром почувствовала, как напрягся его член.

– Двадцать грамм гашиша и пятьдесят грамм травы, – сказала она. – Точно, как ты хотел. Десять тысяч крон за все.

Он выпустил ее, потрогал товар.

– Десять тысяч? – переспросил он. – В этой вашей странной валюте? Разве это не зверски дорого?

Она пожала плечами.

– Это стоит ровно столько.

Он рассмеялся – словно фыркнул.

– Ты шутишь, – сказал он. – Это просто смешно. В Штатах все это стоило бы не больше...

– Ну так поезжай и купи свое курево там, – ответила она и начала собирать товар.

– погоди, – сказал один из их компании. – Брюс тоже хотел. Поделим на четверых?

Он до стал бумажник, вынул пачку коричневых купюр с портретом Густава II Адольфа. Второй последовал его примеру. Вскоре рядом с кубиком гашиша лежала приличная пачка купюр. Рик зашел сзади, поцеловал ее в затылок. Она собрала деньги, сложила в школьную сумку.

– Сейчас мне надо идти, – сказала она.

Рик схватил ее за руки выше локтей.

– Почему ты так торопишься? – спросил он, просовывая колено между ее ног. – С тобой обычно так весело.

Остальные двое приблизились спереди, глаза у них были красные и влажные.

– Я не могу остаться, – сказала она. – Я иду к подружке.

– А ты не можешь попросить ее прийти сюда? Тогда мы могли бы повеселиться все вместе.

– Она работает, – ответила София. – До полуночи.

– Ну, тогда у тебя предостаточно времени, – проговорил Рик, расстегивая на ней кофту.

– Прекрати, – сказала София. – Я не хочу. Сегодня вечером нет.

Он остановился.

– Хотите секса, платите деньги, – заявила она. – Еще десять тысяч.

– *What the fuck...* [\[55\]](#) – пробормотал Рик. – В прошлый раз...

Она подтянула хвостик на затылке и поправила очки на переносице.

– Десять тысяч, – повторила она.

– Зачем тебе столько денег?

– Вы хотите или нет?

Мужчины снова потянулись за бумажниками.

Спортивная сумка стояла в дровяном сарае, в нее было сложено все необходимое, кроме денег и блокнота. Присев на чурбак, София перевела дух. Между ног побаливало, из анального отверстия слегка сочилась кровь. Солнце спряталось за горизонт еще до десяти. Около полуночи ненадолго стемнеет, но так долго ждать нет необходимости. Больше ее не тошнит.

Взяв на колени школьную сумку, она достала блокнот и пачку сотенных, переложила в спортивную сумку. Затем погрызла конфету на палочке, положила ее обратно в школьную сумку.

Самый простой путь не всегда самый верный. Карина Бюрстранд решила стать американкой, хотя, вероятно, это не так уж и легко. Кто сказал, что один жизненный путь лучше другого – только потому, что он менее запутанный?

Она может стать кем захочет. От осознания этого голова начинала кружиться.

Поднявшись, она схватилась за ремни, повесила на себя обе сумки крест-накрест и пошла наверх, к стройке.

В одной из бытовок горел свет. Сложив свой груз у фундамента моста, София открыла молнию на спортивной сумке.

Потом пошла к освещенному бараку.

Агнета с забранными в хвостик волосами стояла на коленях и мыла один из унитазов, когда София постучала. Агнета подняла глаза и с изумлением посмотрела на нее.

– София, – выговорила она и поднялась, не выпуская щетки для мытья унитаза. – Ч-что ты здесь делаешь?

Она и вправду очень хорошенькая. К тому же добрая и милая. Теперь она стащила с себя розовые резиновые перчатки.

– Прости, – проговорила София. – Было очень глупо с моей стороны так сказать на «Полярном круге». Понимаю, что ты расстроилась. Я не хотела.

Агнета опустила глаза, вертя в руках резиновые перчатки.

– Да, – пробормотала она. – Я очень расстроилась.

– Ты сможешь меня простить?

Агнета подняла глаза, попыталась улыбнуться.

– Я вовсе не хотела такое сказать, – продолжала София. – Я просто... рассердилась, меня все раздражало.

– Такое со всеми иногда случается, – проговорила Агнета. – Может быть, это что-то гормональное – теперь, когда ты беременна.

Она и вправду всегда думает о людях только хорошее. Просто невероятно, как человек может быть таким наивным.

– Можно тебя обнять? – спросила София.

Агнета отложила перчатки на столик и подошла к ней. Они осторожно обнялись.

– Кстати, ты видела котят? – спросила София, когда они разжали объятия.

– Котят?

София указала пальцем.

– Там снаружи стоит коробка с котятами. Я услышала писк, когда проходила мимо. Три штуки, такие хорошенькие...

Агнета вытянула шею, вглядываясь в темноту.

– Коробка? Кто-то поставил ее туда?

– Не знаю, – пожала плечами София.

– Где?

Она сняла передник, в котором занималась уборкой, и пошла к выходу. София показала пальцем.

Агнета поспешила к фундаменту моста.

София пошла следом, видя, как ветер треплет светлые волосы подруги. Дала ей подойти к фундаменту. Увидела, как та наклоняется, заглядывая в прямоугольное пространство.

Сама она подошла к своей спортивной сумке.

25 декабря 2019, среда

Рождественское утро не блистало^[56]. Оно было темное, как ночь, и дико холодное. Словно сговорившись, снегопад и ветер прекратились одновременно вечером сочельника, оставив после себя город у полярного круга под метровыми сугробами. Стояла полная тишина. За ночь столбик термометра упал, мороз держал дома и людей в своих тисках. Из труб прямо к небу поднимался дым. Дыхание на улице будет потрескивать, снег – скрипеть под подошвами.

Несмотря на ранний час, в окнах квартир и вилл зажигались свечи и лампы.

Утренняя Рождественская служба всегда – самое посещаемое богослужение года, даже без поминовения недавно обнаруженных убитых девочек-подростков. Сегодня помещение церкви будет забито до отказа. Все не привинченные к полу стулья из пасторской канцелярии, залов собраний и прочих церковных помещений уже собраны и расставлены в проходах и по бокам, но многим из присутствующих, по всей видимости, придется стоять. Начальник пожарной охраны – ныне это Сверкер Бергстрём – не согласился подкорректировать максимально допустимое с точки зрения пожарной безопасности количество посетителей, поэтому Викинг Стормберг решил: когда предел будет достигнут, они просто перестанут считать.

Сегодня всем найдется место в Доме Божьем.

Викинг оглядел в зеркале свое лицо. Ему пятьдесят семь лет. Насколько он изменился с тех пор, как ему исполнилось восемнадцать? Если бы он тогда встретил свое нынешнее «я», узнал бы он сам себя? Откуда ему это знать?

И к чему он сейчас об этом задумался?

Он надел кобуру, затянул ремни поверх рубашки. Проверил пистолет – *Sig Sauer P226* калибра 9×19, пятнадцать патронов в магазине. Пожалуй, самое надежное оружие из всех, какие когда-либо производились. Положил его в кобуру, закрепил в кожаном футляре. Надел пиджак, оглядел себя в зеркало. Застегнул пиджак. Непривычно ощущать оружие под левой подмышкой, но снаружи его не видно.

Он сделал глубокий вдох. Закрыв глаза.

Его дочь Элин вошла в его спальню, заспанная и взлохмаченная. Окинула критическим взглядом его пиджак и толстые брюки.

– Ты чего так рано поднялся? Куда-то идешь?

– На Рождественскую службу, – ответил он, поцеловал дочь в лоб, вышел из комнаты и направился к входной двери.

Она побежала за ним.

– Подожди, я хочу с тобой!

– Нет, – отрезал он и накинул на плечи куртку. – Только не сегодня, Элин. На эту службу тебе со мной нельзя.

Он закрыл и запер за собой дверь.

Фатима Аль-Азиз и Роланд Ларссон уже ждали его у ворот церкви, оба в форме. Эвелина Андерссон, ночевавшая в *Stone Swamp Inn*, тоже присоединилась к ним. Церковный сторож принес ключи.

– В пансионате она не останавливалась? – тихо спросил Викинг.

Прокурор покачала головой.

Викинг удостоверился, что боковые выходы на время службы будут заперты. Люди начали прибывать – в толстых лыжных брюках и меховых шапках. В помещении церкви сегодня будет жарко.

Викинг подошел к ризнице и поприветствовал пастора Херманссона. Это был статный мужчина лет шестидесяти, то есть чуть старше его самого, очень компетентный духовный пастырь. Уже много лет он сожительствовал с Леонардом Комаровски, системным администратором муниципалитета. В середине 1970-х на парковке посреди Стентрэска был жестоко избит молодой гей, и последовавшие за этим происшествием дебаты по поводу насилия и терпимости полностью изменили местное сообщество. Калле Херманссона и его мужа все безоговорочно принимали.

Викинг освободился от толстой куртки и положил ее на диван священника.

– Надеюсь, ты обретешь то, чего ищешь, – проговорил пастор.

– Если нет, то мы поступим, как договорились. Я встану под кафедрой после последнего псалма.

– «Когда заблещет утро...» – произнес Калле Херманссон. – Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Викинг кивнул и вышел, поприветствовал кантора, направлявшегося вверх по лестнице к органу.

Народ повалил валом. Викинг пытался оглядывать всех вновь прибывших, но это оказалось невыполнимой задачей. Он кивал и здоровался направо и налево. Практически все знали, кто он, однако сам он многих не знал. Некоторые молодые успели незаметно повзрослеть и даже состариться, но большинство все же составляли люди постарше. Женщин очень много. Проклятие.

Оставаться возле двери он не мог, ему пришлось отступить назад к скамьям. Обычно скамьи вмещали до пятисот человек, но вскоре в церкви столпилось примерно в два раза больше народу.

Викинг почувствовал, как пот ручьями течет по спине. Кобура в подмышке давила и мешала.

В интернете не удалось обнаружить никаких снимков Агнеты Мякитало, кроме фотографии профиля в *Facebook*. Она была снята солнечным летним днем, в солнцезащитных очках, против солнца, светлые волосы растрепались на ветру. Лицо серьезно, немного грустное – очень в ее духе.

Он никак не мог быть уверен, что узнает ее, при этом он – единственный из коллег имеет на это шансы. Правда, Роланд Ларссон тоже из этих мест, но он на семь лет моложе. Ему было всего одиннадцать, когда она уехала, – для ребенка это вечность.

Если она вообще появится...

Прибыла Карина Бюрстранд со своей матерью и всей семьей, вместе с Сусанной Шильц, Сив Юханссон и Гитте Ландён-Батрачкой. Гитте тяжело хромала, Сусанна поддерживала ее. Для них зарезервировали места на первом ряду, поскольку Сусанна собиралась выступить. Она заметила его поверх голов собравшихся, начала энергично махать. Он поднял ладонь в ответном приветствии.

Воздух в церкви, обычно прохладный и немного сырой, был уже перенасыщен запахами шерсти, кожаной обуви и человеческим дыханием.

Ровно в семь часов двери закрылись, и церковные колокола загрохотали прямо у них над головами. Звон заполнил помещение, несколько минут все трепетало.

Потом наступила звенящая тишина.

И вот зазвучал орган, и вся община поднялась в едином порыве – шуршание ботинок по полу, бормотание и покашливания. Музыка обрушилась на всех, словно бомбардировка, от которой не скрыться.

*Благословен будь, утра час,
Что нам святой пророков глас
Провозвестил однажды...*

Викинг пристроился на стуле неподалеку от алтаря, в тени колонны. Пастор взошел на кафедру, отпил глоток воды из поставленного туда заранее стакана и открыл «Рождественское евангелие».

– «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею...»

Отсюда Викинг хорошо видел внутреннее помещение церкви – насколько это вообще возможно. Освещение было скудное, снаружи царил плотная тьма. Он заметил не сколько фотографов, крадущихся вдоль стен с фотоаппаратами наготове, снимали и две команды с телевидения. Он потихоньку достал из кармана театральный бинокль мамы Карин и стал оглядывать усталые лица. Одно за другим, ряд за рядом. Останавливался на женщинах своего возраста: искал стройных синеглазых блондинок.

– «Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь...»

Впрочем, кто сказал, что она до сих пор стройная? Биргитта тоже когда-то была тоненькой.

Руки у него вспотели, на шее стучал пульс. Господи, сколько же народу! Пастор дошел до конца библейского текста, зазвучал новый псалом.

*Роза из корня и рода Давидова,
Отцами воспета, роза иудейская...[\[57\]](#)*

Викинг слез со стула, медленно двинулся мимо скамеек. Народ терпеливо пропускал его. Большинство женщин своего возраста он знал. Они были местные, так что их он сразу мог отсортировать. С более молодыми дело обстояло хуже, но это в данном случае не имело

значения. Две возможные кандидатки оказались журналистками, они сидели с блокнотами и записывающей техникой на коленях. Он внимательно оглядел женщину в бежевом пальто и ботинках на толстой подошве. Нет, не она – слишком молода.

Пастор начал свою проповедь.

– Рождественское послание говорит нам о любви. Это рассказ для нас, людей, о том, как Господь рождается от женщины, которая одна из нас. Мария производит на свет сына, как наши матери во все времена рожали детей, со всем страданием и счастьем...

По оценке Эвелины, преступница будет вооружена, и она не намерена попасться. Накануне поздно вечером им удалось достучаться до вольнонаемного сотрудника в полиции Копенгагена, и подозрения подтвердились: Агнета Мякитало состояла в стрелковом клубе, имея лицензии на три вида огнестрельного оружия.

В помещении церкви стало совсем душно, казалось, что кислород вот-вот закончится. Давление снаружи нарастало, возникало чувство клаустрофобии.

Исключительно велик риск, что она возьмет заложников, если почувствует себя припертой в угол, – так считала Эвелина.

Они не должны оплошать. Нельзя допустить кровавой бойни.

– Наше истинное «я» создано Богом. Это щедрый человек, не боящийся испытывать искреннюю любовь, способный простить того, кто его обманул, который достаточно крепок в своей вере, чтобы верить в добрую суть человека. Пророк Исаия говорит нам, бродящим впотьмах...

На лбу у Викинга выступил пот. Он поискал глазами Эвелину, она сидела позади, возле центрального прохода. Вопросительно посмотрела на него – он покачал головой.

– Требуется сила и смелость, чтобы дать сиять своему свету. Бесстрашие – редкий дар в современном обществе. Зыбкость бытия заставляет нас замолчать...

Викинг остановился у одного из боковых выходов. Здесь стоял церковный староста Эрьян Элофссон, держа наготове кружку для пожертвований.

– Как ты думаешь, мы можем приоткрыть дверь? Всего на минуту, перевести дух? – тихо спросил Викинг, кивнув на боковую дверь.

Староста кивнул, достал из кармана ключ, отпер дверь и приоткрыл ее. В щель тут же залетела горсть мелкого снега. Роланд Ларссон, делавший обход снаружи, с вопросительным видом заглянул внутрь. Викинг покачал головой – пока ничего.

Он встал на сквозняке, вздохнул. Мороз, мерзлая земля – он с этим родился. Наверное, это сказалось на формировании его личности – только он не знал, как именно. Мама Карин занималась составлением родословной – их предок Улоф Нильссон Рен родился в Эйебю в 1460 году. Он был биркарлом. Своего рода сборщиком налогов. Черт, до чего крепко он тут сидит. По колено в вечной мерзлоте.

Пастор Херманссон на кафедре воздел руки к потолку.

– Маргарет Мид как-то сказала: «Никогда не сомневайтесь в том, что малая группа людей может изменить мир. Только они его когда-либо и изменяли!» Все мы люди – отражение Господне! Наш отец призывает нас. Иосиф и Мария указывают путь. Мы идем по их следу. Аминь.

Пастор сложил руки и спустился с кафедры. Перед алтарем выставили штатив с микрофоном. Настала очередь Сусанны. Она вышла вперед с высоко поднятой головой, держа в руке листок бумаги. Несколько мгновений в зале царил тишина, потом Сусанна заговорила.

– Талмуд говорит: тот, кто спасает одну жизнь, спасает весь мир...

Она говорила прекрасно поставленным голосом, то громче, то тише. Как гордился бы Кристер, если бы увидел ее сейчас. Или же он видит их сейчас, откуда-то сверху? Что мы об этом знаем?

Викинг изучал людей вокруг – казалось, слова Сусанны тронули их.

– Все те вечера, когда мы собирались, чтобы обсудить прочитанные книги, – с ранних подростковых лет до окончания гимназии, те годы, когда формируется личность...

Две девочки-подростка перед ним дружно всхлипнули. Возможно, не по поводу погибшей девушки, а из-за самих себя. Голос Сусанны парил над ними.

– Мы падали и падали через все семь небес, и больно ударились при падении. Белые шрамы до сих пор видны на наших спинах.

Теперь девочки-подростки разрыдались в голос. Викинг добрался до прохода перед алтарем. В ушах стучала кровь.

– Как только что сказал пастор, все мы блуждаем впотьмах. Но давайте помнить свет, который всегда возвращается. Давайте запомним Софию Хельстен такой, какой она была, а не такой, какой стала. Мы не дадим тьме взять верх, мы никогда не забудем.

Сложив свою бумажку, она направилась обратно к скамье. Викинг видел, как дочь Карины Линнея обняла Сусанну, когда та села.

Пастор благословил всех собравшихся. Все стали читать «Отче наш». У Викинга разболелась голова.

*Когда заблещет утро,
В конюшню я иду...*

Проклятие! Последний псалом.

У них имелся запасной план – закрыть все выходы из церкви, когда отзвучит псалом, выпускать людей по одному. Чертовски рискованный ход, сомнительный с правовой точки зрения. Принятие решения Эвелина предоставила ему.

– Сделай так, как вы обычно делаете, – сказала она. – Придумай какую-нибудь отговорку.

На всякий случай она взяла с собой распечатанный ордер на обыск, но однозначно лучший и самый безопасный вариант – если он найдет человека раньше. Где же ты, чертова Агнета?

Он в отчаянии оглядывал человеческое море.

*Нам милость в Божьем сыне
Явилась на земле,
Клянусь, я жизнь отныне
Не проведу во зле...*

Вправе ли он задержать тысячу сто человек и выпускать их по одному после проверки документов? Не всех, разумеется, но скольких – пока ситуация не выйдет из-под контроля? Это шло вразрез с таким количеством правил, что он даже не знал, с чего начать считать. По словам Эвелины, это граничит с незаконным лишением свободы. Уровень кислорода уже низок. Что если людей охватит паника?

А вон там – не она? Нет, слишком высокая.

Текст псалма он наизусть не помнил, не знал, после каких строк тот заканчивается, но он звучит уже чертовски долго! Сделав два глубоких вдоха, Викинг направился к кафедре. Заметив его, Калле Херманссон поднялся и снова вошел на кафедру. Слава Богу, что он помнит договоренности.

Когда псалом отзвучал, пастор прочел краткую молитву и еще раз вознес хвалу Господу.

Затем попросил собравшихся не покидать свои места, потому что шеф полиции Стентрэска намерен обратиться к ним с просьбой.

Херманссон спустился с кафедры и, прежде чем пастор успел возразить, на нее поднялся Викинг.

К нему было обращено целое море напряженных лиц. В углах лежали глубокие тени. Кровь так стучала в ушах, что ему трудно было слышать свой собственный кашель.

– Доброе утро, – начал он. – С Рождеством! Я хотел бы попросить вас всех оказать нам услугу. Это не трудно, не опасно, но потребует от вас терпения. Как вам всем известно, из лагеря для беженцев в Видселе сбежали несколько обитателей, и мы должны проверить, не находятся ли они сейчас здесь, в церкви...

Гитте Ландён-Батрачка, сидевшая прямо перед ним, охнула так громко, что он услышал ее даже с кафедры.

– Поэтому, – продолжал он, – на выходе из церкви мы попросим вас предъявить удостоверения личности...

– Расизм! – крикнула Гитте. – Как ты смеешь?

Народ встревоженно заерзал на скамьях, все заговорили друг с другом.

– Это незаконно! – крикнула Гитте, опираясь на свой костыль и пытаясь подняться. – Протестуйте! Откажитесь предъявлять документы! Проявите солидарность!

Уровень звука возрос, словно кто-то подкрутил громкость до максимума.

– Мы откроем все три выхода, – сказал он в микрофон, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и собранно. – Главные ворота и боковые двери. Прошу вас проявить терпение...

Его уже никто не слушал. Большинство встали с мест. На двери начали насаждать. Убеждать дальше не имело смысла, это только

ухудшило бы положение дел. Быстро спустившись с кафедры, он протиснулся сквозь людской поток к главным воротам.

Внезапно перед ним выросла Гитте, а ее не обойти, не сдвинуть.

– Как ты смеешь? – крикнула она. – У тебя совсем души нет?

Он обогнул ее, нацелившись на главный вход. Со всех сторон наседали, кидая на него враждебные взгляды.

Черт, надо было заранее по ставить металлическое ограждение, выпускать всех по узкому коридору. С другой стороны, на улице минус 34, народ замерз бы до смерти.

– Ничего не выйдет, – проговорила Эвелина Андерссон, пробравшись к нему, – и в эту секунду он увидел ее.

– Подожди, – проговорил он.

Вон там, слева, за колонной. Подходящий возраст, светлые волосы, опущенные глаза, тонкий нос. Светлое шерстяное пальто поверх какого-то розового джемпера. На левом плече довольно большая сумка. Явно достаточных размеров, чтобы вместить пару пистолетов. Он стал пробиваться через толпу, расталкивая людей. Злобные взгляды, ругань. По спине струился пот. Викинг подошел к ней спереди, чуть сбоку.

– Агнета? – негромко окликнул он ее. – Агнета Мякитало?

Он задышался. В висках стучало с такой силой – он боялся, что не расслышит ответа. Она подняла на него свои голубые глаза.

Он сделал глубокий вдох, попытался улыбнуться.

– Не знаю, узнаешь ли ты меня, – проговорил он, протягивая руку. – Викинг. Викинг Стормберг. Это я только что выступал там, наверху...

Он указал пальцем на церковную кафедру. Женщина широко раскрыла глаза, стала ловить ртом воздух.

– Боже мой, – прошептала она. – Это ты?

Он снова попытался улыбнуться.

– Да, Агнета, это я...

Она шагнула ему навстречу и обняла его. Кобура подмышкой врезалась в ребра. Он положил руку на плечи женщине.

– Ты уехала, – проговорил он, держа ее перед собой. – Уехала, даже не попрощавшись.

Она опустила глаза. Он же быстро огляделся вокруг, ища Эвелину, но нигде ее не увидел.

– Прости, – проговорила Агнета. – Мне было так стыдно за то, что я так поступила, ты бы знал...

Какой-то мужчина толкнул их, они налетели друг на друга. Ее сумка ударила его по руке – внутри явно что-то тяжелое.

– Чертов расист, – прошипел мужчина, проходя мимо.

– С Рождеством! – пожелал ему Викинг.

Он должен увести ее из толпы, чтобы задержать. Прокручивал в голове оценку, данную Эвелиной. «Она рискует, но риск тщательно взвешен. Она рассчитывает на то, что ей удастся уйти». Он не может достать пистолет в церкви, начнется светопреставление. Где же, черт подери, Роланд и Фатима?

В ту же секунду он заметил Гитте Ланден-Батрачку, грозно надвигающуюся на него через людское море. Она шла без посторонней помощи, лицо покраснелось от гнева.

– Пошли, – проговорил он и положил руку на плечи Агнеты, повел ее к стене, в сторону двери в ризницу. Тронул ручку – не заперто. Бросил взгляд через плечо – Гитте напряженно искала его глазами. Открыв дверь, он потянул за собой Агнету.

– Что происходит? – спросила она.

– Там так много народу, – проговорил он. – Я так рад тебя видеть.

В прохладном и сухом помещении царил полумрак. Окон в ризнице не было. Единственный источник света – небольшая настольная лампа на крошечном алтаре с сосудами для литургии. Шкаф с церковными одеяниями стоял приоткрытый. Викинг закрыл дверцу, чтобы стало хоть чуть-чуть просторнее.

– Ты больше не приезжала сюда? – спросил он. – С того самого вечера?

– Да нет, я была на похоронах у мамы.

– Но это было в Питео. Я имел в виду – в Стентрэск.

Он слышал, как за стеной народ продвигается к выходам.

– У меня здесь ничего не осталось.

– Но ты приехала на панихиду, – сказал Викинг. – Панихиду по Софии. Что скажешь о ней?

Она чуть заметно улыбнулась. Он отметил, что она на высоких каблуках. Викинг зажег лампу. Комнату заполнил яркий свет. Агнета заморгала.

– Очень мило получилось. Такие красивые слова.

Он разглядывал ее лицо. Заглянул в глаза – голубые. Тонкие морщинки вокруг глаз, а лоб абсолютно гладкий.

– Ты надолго?

Она взглянула на часы – золотые часы «Ролекс» с бриллиантами вместо цифр.

– Мне скоро пора ехать.

– Не успеешь выпить со мной кофе? – спросил он. – Ты же знаешь, я обожаю кофе.

Она улыбнулась в ответ.

– Ты верен себе, – сказала она. – Но, к сожалению, я спешу.

Он тоже улыбнулся. Он не пьет кофе. Агнета об этом знала.

– Ну и как жизнь с тобой обошлась? – спросил он, скрестив руки на груди. Пальцы правой руки в четырех сантиметрах от пистолета.

– Спасибо, хорошо. Работаю экономистом, живу в Копенгагене. Кстати, работаю в издательстве. Книги – это страсть на всю жизнь.

Она перестала заикаться.

Его взгляд остановился на ее сумке.

– Интересно, что ты сегодня здесь, – проговорил он. – В тебе осталось так много от той, семнадцатилетней.

Она заморгала, улыбнулась.

– Что ты хочешь сказать?

– Том Сойер, – ответил он. – Ты ни за что не пропустила бы собственные похороны.

Он широко распахнул дверь в помещение церкви, тепло и сырость ворвались в ризницу. Женщина стояла неподвижно. Человеческая масса снаружи поредела. Викинг отступал назад, держа руку на пистолете. Роланд и Фатима заметили его, бегом кинулись к нему.

– Пошли, – сказал он женщине, стоящей в ризнице. – Нам о многом надо поговорить.

* * *

В первый день Рождества рассвет не наступил. У Северного полярного круга в это время года вообще не рассветает. Каамос – тьма – царит круглые сутки. В обед на юге можно наблюдать легкое покраснение: от солнца, которое не в состоянии вылезти из-за

горизонта. В ясные дни, незадолго до того, как исчезнет этот сомнительный свет, весь мир может вдруг минут на десять стать фосфоресцирующе синим: небо, горы, река, земля. Это называется «голубой час» – природное явление, встречающееся только в Арктике. И, наверное, в Антарктике тоже.

Эвелина Андерссон стояла в кабинете Викинга, глядя на монитор, на котором Агнета Мякитало сидела в помещении для допросов с чашкой кофе. Женщина сидела, спокойно откинувшись на стул, и смотрела прямо перед собой, хотя задержать взгляд ей было не на чем.

– Она утверждает, что адвокат ей не нужен, – сказала Эвелина Андерссон.

Викинг встал рядом с ней. Оглядел стройную фигуру – именно так она и должна была бы сейчас выглядеть. Волосы, жидкие и светлые, с седыми прядями. Узкие плечи, мягкие очертания. Но руки не те, пальцы слишком короткие.

Эвелина кивнула в сторону приемной.

– Твоя помощница сумела заткнуть коммутатор, – усмехнулась она.

Весть о том, что в церкви задержана Агнета Мякитало, разлетелась мгновенно, учитывая рождественское затишье в СМИ. Им пришлось вызвать Карину Бюрстранд, чтобы она взяла на себя телефон – он завывал беспрерывно, и никто другой не понимал, что с ним делать. Викинг оторвал взгляд от светловолосой женщины на мониторе и вышел в приемную.

– Спасибо за помощь, – сказал он Карине. – Ты зайдешь еще раз вечером, чтобы проведать его?

Карина как раз надевала свое пальто в катышках.

– Вряд ли что-то появится, – ответила она. – Я наговорила новое сообщение, чтобы они звонили дежурному по связям с прессой в Лулео.

Она кивнула в сторону помещения для допросов, где сидела Агнета Мякитало.

– Расскажешь? – спросила она. – Мы договорились встретиться в библиотеке, Сусанна и Гитте уже там.

– Читательский клуб «Полярный круг», – усмехнулся он.

– Вернее, то, что от него осталось.

Дверь за ней с грохотом закрылась.

Он направился к комнате, где сидела Агнета. Вошел, не стучась, тихо закрыл за собой дверь. Замок тут же повернулся снаружи.

– Все это большое недоразумение, – проговорила она. – Вам нет необходимости меня запирать, это абсолютно лишнее.

Он двигался медленно, разглядывая ее. Уселся по другую сторону от стола.

– Ты будешь меня допрашивать? – спросила она.

– Ты уверена, что не хочешь пригласить адвоката?

Она грустно улыбнулась, сжала руки перед собой на столе.

– Зачем мне адвокат?

Он внимательно разглядывал ее лицо. Нос казался тоньше, чем ему помнилось, с глазами она тоже что-то сделала. Они стали больше.

– Мы можем про сто поговорить, – произнес Викинг. – Ты и я.

– Как старые друзья, – сказала она.

Викинг заглянул ей в глаза.

– Тебе во многом повезло, – проговорил Викинг. – Что ее за столько лет не нашли и что Карина рассказала об идентификации по карточке стоматолога. Ты знала, что не можешь о ставить голову на месте. Что ты с ней сделала?

Женщина посмотрела на него большими глазами.

– Ничего не понимаю, – ответила она.

– В твоей карточке лежал протокол вскрытия твоего младшего брата. У него был не синдром внезапной младенческой смерти. Его задушили. Причиной смерти стала остановка сердца. Известно было, что это сделала ты, но дело замяли, да и ты сама была тогда еще ребенком. Комиссия по делам несовершеннолетних потребовала, чтобы ты ходила на психотерапию – они верили, что тебя можно вылечить.

Она отпила глоток кофе.

– Ты знала, что Агнета была на стройке, – тихо проговорил Викинг. – Тебе было известно, что она там работает. Каким-то образом ты заманила ее к фундаменту и там убила ее. На теле никаких повреждений не обнаружилось – стало быть, ты ударила ее по голове. Возможно, она была еще жива, когда ты отрубила ей голову, такое экспертиза установить не может.

Женщина слушала, опустив глаза, крепко сжав руки на коленях.

– Ты раздела ее, сбросила в яму. Положила сверху свою собственную одежду. И сумку, хотя свой блокнот ты предусмотрительно вынула. Надела на себя ее одежду. Возможно, свитер ты надевать не стала, на него попало слишком много крови. Затем ты заполнила яму – куча гравия лежала рядом. На следующий день строители залили ее бетоном. Во второй половине дня пошел дождь, но к тому времени могила уже была запечатана.

Она взглянула в камеру над дверью – ту, что передавала звук и изображение в его кабинет.

– Войдя в бытовку, – продолжал Викинг, – ты забрала куртку и сумку Агнеты, где лежали ключи от ее квартиры в Трэске. Там ты забрала ее кота и пишущую машинку. Кстати, что ты сделала с котом? Утопила?

– С чего ты взял, вовсе нет, – ответила она так, словно он оскорбил ее в лучших чувствах. – Кот прожил у меня одиннадцать лет.

– В тот момент, когда ты выходила из квартиры Агнеты, вернулся Пекка Карлссон. Это не входило в твои расчеты. Но ты вышла из положения, сделала вид, что разговариваешь с Агнетой, и все сработало. Сорок лет спустя он был уверен, что слышал ее голос, отвечавший тебе из квартиры.

Некоторое время он молча разглядывал ее.

– После этого ты отправилась домой как ни в чем не бывало, – продолжал он. – Твои родители не заметили ничего необычного – впрочем, они вообще ничего не замечали. В субботу ты пошла в библиотеку, сдала книги и взяла новые. Когда строители ушли, ты перешла по недостроенному мосту на другую сторону и оставила мешок с книгами неподалеку от Гранселя. Места тебе знакомы, ты каталась на лыжах по просеке, где проходит линия электропередачи. Как ты добралась до Лулео? Украла машину? Или поехала на велосипеде? Кто-то помогал тебе?

Она склонила голову набок, посмотрела на него печальным взглядом.

– Ты осветлила волосы, выбросила очки. Потом села на автобус *Norrlandskusten*, уходящий на юг. Он сделал остановку в кафе для дальнобойщиков в Доксте. Ты наговорила сообщение на автоответчик Биргитты – заикаясь, как Агнета, с грохотом фур на заднем плане. Потом добралась до Карлстада, где никто тебя не знал, позвонила Сив

Юханссон, работавшей в церковной канцелярии, и попросила переслать тебе метрику. Таким образом ты смогла обзавестись удостоверением личности и паспортом. Осенью тысяча девятьсот восьмидесятого это оказалось проще простого. Школа выслала тебе копию аттестата. Оценки оказались не очень, тебе пришлось пересдать экзамены. Больше ты никогда не встречалась с теми, кто знал Агнету Мякитало, так что риск был равен нулю. Жила в общежитии, без телефона. Ты даже смогла приехать на похороны ее матери, персонал больницы в Фюрунэсе не знал, как выглядит Агнета. А когда у тебя осветлены волосы, вы очень похожи. Ты чуть ниже ростом, у тебя более грубые черты лица, но это можно подкорректировать. Ты что-то сделала с носом и веками...

Она подалась вперед, подняла руку. Собрав нервы в кулак, он решил не отстраняться, сидел, готовый в любой момент схватить ее за запястье. Она приложила к его щеке холодную ладонь.

– Викинг, – проговорила она. – Как я рада видеть тебя.

Он откинулся назад, после прикосновения ее руки щека горела, словно от ожога.

– На тебя заведен акт на ракетной базе, ты знала об этом? Там сочли, что ты представляешь собой риск для безопасности. Твое общение с американцами, как уж оно там выглядело. Они тебя проверяли, подозревали, что ты – советский агент.

– Бред, – ответила она.

Об этом акте ему рассказал его сын Маркус, руководитель проекта на ракетной базе. Так он никогда бы о нем не узнал.

– А в сумке у тебя было два пистолета, – добавил он.

– У меня на них лицензия, я участвую в соревнованиях по стрельбе.

– В Дании. Но тебя задержали не за это.

Он поднялся, подошел к двери. Громко постучал в нее. Женщина не сводила с него глаз.

Снаружи повернулся замок. Положив руку на ручку двери, Викинг снова повернулся к задержанной.

– Зачем ты это сделала? – тихо спросил он.

Женщина взглянула на него, в ее глазах читалась затаенная страсть.

– Я хотела стать ею, – ответила она. – И стала. Я Агнета.

– А твой брат?

– Я не хотела. Мама болела, а он все кричал и кричал. Я хотела, чтобы она поспала.

Дверь открылась.

– Решение о заключении под стражу готово, – сообщила Эвелина. – Мы можем отвезти ее в Лулео.

В комнату вошел Роланд Ларссон с наручниками в руках.

– Пошли, София, – сказал он, – пора ехать.

Она поднялась, не сводила глаз с Викинга, пока Роланд надевал на нее наручники.

– Оно того стоило? – спросил он, когда она проходила мимо него по пути в коридор.

Она остановилась, подняла на него глаза. Она была ему ровно до плеча.

– Викинг, – проговорила она. – Ты даже не представляешь себе, чего ты лишился.

Роланд Ларссон отвел ее к ожидавшей полицейской машине.

К Викингу подошла Эвелина Андерссон: варежки, пальто, меховая шапка.

– В возрасте десяти лет она убила своего младшего брата, – сказала прокурор, глядя в сторону двери, в которую вышла София Хельстен. – В возрасте семнадцати – Агнету. Они встали у нее на пути, заняли пространство, которое, как она считала, принадлежало ей, и они не могли остаться единственными. Это нелогично. Она рано начала убивать, и оказалось, что это эффективно. Мы должны проверить все нераскрытые дела в Скандинавии начиная с тысяча девятьсот восьмидесятого года – не имели ли погибшие каких-либо точек пересечения с Агнетой Мякитало.

– Или же она говорит правду, – задумчиво произнес Викинг. – Она хотела помочь маме, и она хотела стать Агнетой.

– По крайней мере, про твою жену я намерена ее спросить, – ответила Эвелина Андерссон и вышла на мороз.

Стоя спиной к парковке, Викинг слышал, как прокурор захлопнула дверцу машины. Как машина сдала задним ходом, развернулась и прибавила обороты. Он дождался, пока свет фар промелькнул по стене и исчез в сторону шоссе Эльвсбюевеген.

Затем направился обратно в свой кабинет, погасил верхний свет. Посидел в темноте, глядя на парковку, на тени от уличных фонарей. В церкви свет погашен, люди разошлись по домам. Викинг снял пиджак, отстегнул кобуру, с тяжелым стуком положил ее на стол. Рубашка на спине вся промокла от пота.

Он признался Эвелине, что у него были отношения с Агнетой Мякитало, что они любили друг друга. Прокурор всерьез отнеслась к тому, что София Хельстен убила его девушку. Теперь Эвелина Андерссон намеревалась отработать эту версию до конца и задать следующие вопросы:

«Посещали ли вы Стентрэск или Норрботтен в августе тысяча девятьсот девяностого?»

«Где вы находились в тот день, когда Хелена Стормберг пропала в районе болота Кальмюрен?»

Он закрыл лицо руками. Лица ушедших женщин слились воедино. У них было нечто общее – вероятно, его привлекали женщины определенного типа. Стройные блондинки с грустными глазами.

Викинг сделал глубокий выдох, расслабился. Вспомнил слова пастора о человеческой щедрости – о том, кто не боится испытывать искреннюю любовь. Кто может простить того, кто его обманул, кто достаточно тверд, чтобы верить в доброе начало в человеке.

И сегодня, в этом самом случае, он знал, что произошло с таким человеком: ее замуровали в основание моста с отрубленной головой.

* * *

Предполагалось, что библиотека Стентрэска переедет в новые помещения в связи с перестройкой здания муниципалитета в конце 1990-х. Однако в конце концов, когда бюджет уже был превышен в несколько раз, совет муниципалитета принял решение вместо этого отреставрировать старое помещение. Впрочем, настоящая реновация так и не была произведена. Перекрасили стены, оборудовали просторный туалет для инвалидов, провели интернет – на том все и закончилось.

Викинг Стормберг запер за собой дверь, поднял воротник. Снова подул сильный ветер. Полицейский пересек парковку и свернул за угол

на Фёренингсгатан. Свет, падающий из помещений библиотеки, создавал отсветы на тротуаре. Викинг остановился, заглянул внутрь, за книжные полки.

Обычно они сидели в комнате сказок: в самом дальнем углу, за отделом подростковой литературы.

Но сейчас все было не так. Карина и Сусанна расселись за столом возле стойки информации, Гитте устроилась на одном из диванов.

Викинг подошел к входной двери, постучал.

Карина Бюрстранд поднялась со стула, звеня массивной связкой ключей. Отперла ему дверь. Конечно же, у нее есть свои ключи – она входит в комиссию по культуре, отвечает за встречи с писателями.

– А мы уже и не надеялись тебя дождаться, – проговорила она, запирая за ним дверь.

Он подозревал, что, сам того не зная, всегда был шестым членом читательского клуба «Полярный круг».

Карина кивнула на остальных.

– Я рассказала.

Он подошел к стойке информации, опустил на диван рядом с Гитте – внезапно почувствовал огромную усталость.

– То, что я сейчас скажу, останется в этих стенах, – проговорил он, в упор глядя на Сусанну. – Никаких записей, никаких пересказов.

Все закивали.

– Со временем все это станет известно, – продолжал он, – будет следствие, будет процесс. Но на сегодняшний день – ни звука об этом. Все поняли?

Последнее снова в сторону Сусанны. Энергичные кивки.

– Вчера утром мы получили из Лондона ответ на запрос по поводу ДНК, – сказал он. – Тело, обнаруженное в основании моста, не состоит в родстве с водителем скорой помощи Хенриком Хельстеном из Елливаре. Кроме того, ДНК тела не совпадает с ДНК на других находках в яме. Тут я имею в виду одежду, обувь, недоеденную конфету на палочке...

– Тогда вы догадались, что там лежит не София, – сказала Сусанна.

– Зато ДНК тела совпадало с ДНК Сигрид Киннунен, которые мы взяли просто как контрольные показатели, – добавила Карина.

Викинг кивнул – он так и думал, что Карина догадалась.

– Кто это? – переспросила Гитте. – Наша няня?

– Соня Мякитало была ее единоутробной сестрой, – уточнила Карина.

– Соня – как? – удивилась Сусанна.

– Мама Агнеты, – ответил Викинг.

Они сидели молча. Снаружи снова пошел снег. Мягко и осторожно, паря в воздухе.

– Как это случилось? – спросила Сусанна. – Как она это осуществила? При каких обстоятельствах?

– Ее будут допрашивать в Лулео, – ответил он и закрыл глаза.

– Но ведь у вас есть своя версия?

– Мы подождем, пока пройдут допросы.

– Но ведь откуда-то она должна была получать деньги, – пробормотала Сусанна. – Как ей удалось справляться в финансовом плане?

Гитте отвела взгляд.

– И что она сделала с головой? – спросила Карина.

– Это один из тех моментов, которые они планируют выяснить, – сказал Викинг.

– Что будет происходить теперь?

– На убийство Агнеты давно вышел срок давности, – проговорил Викинг. – София не подлежала ответственности и тогда, когда совершила преступление – ей было всего семнадцать лет. В тысяча девятьсот восьмидесятом году шкала наказаний оставалась весьма либеральной. Кто-нибудь знает четырнадцатую статью уголовного кодекса?

Карина и Гитте покосились друг на друга. Видимо, никто из них не знал.

– Это статья за подделку документов, – пояснил Викинг. – Каждый раз, когда человек предъявляет фальшивое удостоверение личности, он совершает преступление, именуемое «использование поддельных документов». Таким образом, София совершала так называемое продолжаемое преступление.

– Что-что? – переспросила Сусанна.

– Преступление, повторяющееся во времени, – быстро ответила Гитте.

– Череда тождественных преступных действий, – добавила Карина.

Кристер кивнул.

– Каждый раз, когда София Хельстен предъявляла удостоверение личности на имя Агнеты Мякитало, она совершала новое преступное деяние. Срок давности на эти преступления – десять лет, так что за те, которые она совершала в первые двадцать девять лет, ее уже нельзя привлечь к ответственности. Но за все, начиная с декабря две тысячи девятого года, против нее может быть возбуждено уголовное дело.

– Ее могут посадить в тюрьму? – спросила Сусанна.

– Грубая подделка документов карается сроком до шести лет, – ответил Викинг, – хотя такое наказание почти никогда не применяется. Учитывая длительность и систематичность совершения преступления, прокурор будет требовать лишения свободы. Вопрос в том, сколь продолжительным будет срок.

– Где она сейчас? – спросила Гитте.

– По пути в Лулео, – ответил Викинг. – Она подозреваемая по веским основаниям, так что ее отправят в изолятор. Велик риск, что она сбежит, уничтожит доказательства или будет продолжать свою преступную деятельность.

Его слова отзвучали и затихли среди полок с книгами. После них воцарилась тяжелая тишина. В воздухе повисла книжная пыль – и бесчисленные вопросы. Сусанна тихо плакала.

– Как? – проговорила она наконец и высморкалась. – Как это возможно? Что у человека в голове? Как можно после этого смотреть себе в глаза? Вся жизнь, все существование, все твое «я», все, во что ты веришь, сама твоя суть...

Она подняла глаза на Карину. Карина сидела, глядя в свои колени. Взгляд Гитте бесцельно бродил по книжным полкам.

Взглянув на часы, Викинг поднялся.

– Будет возбуждено уголовное дело, и ее, скорее всего, осудят. Не могу представить себе другого развития событий. Карина, выпустишь меня?

– Спасибо, что пришел, – сказала Гитте.

Он погладил ее по руке, пошел вслед за Кариной к двери.

– Послушай, – негромко проговорила Карина, отпирая дверь. – На коммутаторе оставлено одно сообщение. Какой-то парень с жутким

южным акцентом спрашивал, что тут у нас происходит, сказал, он близкий родственник Агнеты. Его зовут Густав, Густав Мякитало.

– Ах черт, – пробормотал Викинг. – Я и не знал, что она замужем.

– Она не замужем. Он сказал, что Агнета Мякитало – его мать.

Викинг медленно покачал головой.

– Бедный парень! Узнать такое о своей матери.

– Он скорее мужчина среднего возраста, – возразила Карина. – Я поискала его в базе, он родился в феврале тысяча девятьсот восемьдесят первого.

Она приоткрыла дверь, внутрь начало заметать снег.

– Остается только надеяться, что у него хорошие отношения с отцом, – проговорил Викинг и шагнул в снежную бурю.

На этом мы оставим их, обитателей Стентрэска, окутанных полярной мглой, которая не разжимает свои объятия до февраля. Со светом пришли вирус и пандемия, на некоторое время парализовавшие весь мир, а также и городки вокруг Северного полярного круга. Сигрид Киннунен и еще трое старичков в доме престарелых Норргорден умерли в своих постелях, а вот Эверта Ландэна болезнь миновала.

Наступил и миновал день гибели Хелены Стормберг в Кальмюрене. Викинг Стормберг посетил то место, где она пропала, поговорил с ней сквозь десятилетия. Тридцать лет в одиночестве. Половина жизни. Но вот однажды, после того, как он поужинал со своим сыном и его семьей, Маркус достал странное письмо, которое пришло ему по почте в тот день.

Впрочем, это уже совсем другая история.

Благодарность автора

Эта книга – вымысел. Все персонажи вымышленные, как и некоторые места и населенные пункты.

Однако в моей работе мне оказали неоценимую помощь некоторые вполне реальные люди:

Анника Линд, начальник испытательного полигона Видсель.

Роберт Янехейм, окружной полицейский, Эльвсбюн.

Петра Ростен Альмквист, главный врач, директор службы судмедэкспертизы в Стокгольме.

Хелена Мортенссон, начальник отдела по особо тяжким и нераскрытым преступлениям, полиция региона Стокгольм.

Сотрудники Национального криминалистического центра в Линчёпинге.

Катарина Йортс Эберг, сертифицированный психолог/психотерапевт, сексолог, заведующий сектором АНОВА при Каролинской университетской больнице.

Кристина Рибер Марклунд, инженер технической физики, старший консультант, *Vysus Group*.

Кристина Ноулз, коммуникатор, Университет Карлстада.

Туве Альстердаль, писательница и журналистка.

Томас Будстрём, адвокат.

Лейф Йортс, прокурор, Национальный отдел по борьбе с коррупцией.

Варг Юлландер, пресс-аташе Стокгольмской полиции.

Но прежде всего: Ронни Сандаль, режиссер и сценарист.

Кроме того: Аманда Аспеборг, Анна Лестадиус Ларссон, Анника Сандаль, Микаэль Аспеборг, Виви Вальстрём.

Анн-Мари Скарп, мой издатель, издательство «Пират».

Никлас Соломонссон, мой агент, *Solomonsson Agency*.

Информация о подкасте найдена на сайте *IDG.se*.

Некоторые мнения персонажей по поводу романа Шёваль и Валё «Убийца полицейских» навеяны эссе Магнуса Эрикссона в «Свенска Дагбладет» от 2 декабря 2012 года.

Докторская диссертация Гитте вдохновлена публикацией «Отсюда до равноправия – главный отчет по программе “Муниципалитеты и равноправие”» (издательство *Commentus*).

Отчет фонда предпринимательства, на который ссылается Карина, был опубликован не в декабре 2019 года, а в апреле 2020-го.

Блог Магнуса П. Валина «Экотеология» вдохновил меня на написание речи пастора во время Рождественской службы.

Все возможные ошибки сделаны совершенно намеренно.

notes

Примечания

1

Гимназия в Швеции – профильное трехлетнее (реже двухлетнее) образование по окончании средней школы. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Роман Владимира Набокова на английском языке, впервые изданный в США в 1972 году.

Цитируется по изданию: Владимир Набоков. Лолита. М., «Художественная литература», 1991, авторский перевод с английского, с. 34.

Stone Swamp – буквальный перевод на английский названия поселка Стентрэск, «каменное болото».

5

Ренат – популярный сорт шведской водки.

6

Это место занято? *(англ.)*

7

Что? (англ.)

Так ты живешь здесь или... *(англ.)*

9

В этом пабе? Нет (*англ.*).

10

Ты забавная (*англ.*).

Номер 1 (*англ.*).

На прыжке (*англ.*).

Пеппи Длинныйчулок (*англ.*).

Спокойной ночи, милая (*англ.*).

15

Ты голоден? *(англ.)*

Мы ужинали (*англ.*).

17

Как насчет того напитка, о котором ты говорил? *(англ.)*

Мне очень жаль, но у нас на сегодня еще осталась работа (*англ.*).

Палът – шведское национальное блюдо – колобки из тертого картофеля с жареным беконом внутри.

Бекумберга – большая психиатрическая клиника в Стокгольме, просуществовавшая с 1932 по 1995 год.

«Сюстембулагет», сокращенно «Сюстемет» – магазин государственной монополии по продаже алкоголя.

Шведские демократы – националистическая и правая популистская партия Швеции.

«Дагенс нюхетер» – крупнейшая шведская ежедневная утренняя газета, выходит в Стокгольме.

Бредвеген – буквально «широкая улица».

Национальный оперативный отдел.

Flashback – самый посещаемый шведский интернет-форум.

Viggen – марка шведского военного самолета.

Вальборг, или Вальпургиева ночь – ежегодный праздник, который отмечается в Швеции 30 апреля.

В Швеции по закону подросток с 15 лет может вступать в сексуальные отношения с лицами старше себя, и это не влечет за собой уголовную ответственность для старшего партнера.

Меянкиели – один из диалектов финского языка.

Йойк – традиционное песнопение саамов.

Документальная криминалистика (*англ.*).

Молодая женщина, обычно знаменитость, которая, как считается, притягательна как личность и обладает сексуальной привлекательностью.

Это прекраснейшее время в году (*англ.*). Популярная песня в исполнении американского певца Энди Уильямса.

Мазь от укусов и ожогов.

Здесь и далее перевод стихов А. Алешина.

Шведская рок-группа, ставшая со временем театральной труппой.

«Дом для народа» – лозунг социал-демократической партии Швеции. Пер Альбин Ханссон – премьер-министр Швеции с 1932 по 1946 гг. – считал, что традиционное классовое общество должно быть заменено на «дом для народа». Имеет как общий смысл – то, что вся страна должна стать «домом» для граждан, так и конкретный – обеспечение большинства доступным жильём.

Ведь круто с нами жить в YMCA.

Эй, народ, я Бобби Браун.

Родились, чтобы жить.

Марка мопеда.

Счастливого Рождества! *(исп.)*

Благополучия в новом году и счастья! *(исп.)*

Карола Мария Хэггквист (род. в 1966) – шведская певица и композитор.

Благотворительная организация.

Онлайн-площадка для размещения и поиска краткосрочной аренды частного жилья по всему миру.

Сорт винограда.

До введения единого номера 112 в Швеции действовал номер экстренной службы – 90 000.

Маргарета Стрёмстедт (род. в 1931 г.) – шведская писательница и журналистка.

Таге Даниэльссон (1928–1985) – шведский писатель, актер, поэт и кинорежиссер.

Ян Гийу (род. в 1944) – шведский писатель, публицист, журналист.

Я был создан, чтобы любить тебя, милая, а ты была создана, чтобы любить меня... *(англ.)*

Ян Перссон (род. в 1947) – известный под сценическим псевдонимом Янне Лукас, шведский певец, автор песен и музыкант.

Что за черт! (*англ.*)

Намек на знаменитый шведский рождественский псалом «Когда заблещет утро...».

Цитата из Книги шведских псалмов, псалом 113.